

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческия журнал № 3 (18),
март, 2018

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами третий в 2018 году и первый весенний номер литературно-исторического журнала «Александръ». Совершенно не случайным стал тот факт, что главными действующими лицами этого выпуска являются женщины, как авторы, так и герои опубликованных произведений.

Наравне с уже известными нашему читателю авторами – Еленой Луканкиной, Василием Попковым, Александром Сухачёвым, – мы постарались открыть вам начинающих поэтов из российской глубинки, представленных в рубрике «Голоса поэтов Тамбовщины». Это позволило сделать мартовский номер «Александра» поэтичнее, что соответствует весеннему настроению, и выполнить одну из основных функций нашего литературного издания – открытие новых имён и талантов в русской литературе.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ПОЗДРАВЛЯЮ ЖЕНЩИН С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ ДНЁМ!

*Пусть весна цветёт не только на улице, но и в душе, а красота радует
всех окружающих. Счастья вам, благополучия и гармонии!
Желаю, чтобы все ваши дни были солнечными, яркими и запоминающимися,
чтобы в вашем доме всегда было уютно и тепло.
Пусть каждый день дом будет наполнен цветами и улыбками,
а женское счастье не обходит его стороной. Тепла, любви и красоты!
Близкие пусть радуют, дарят яркие эмоции и новые впечатления.
Успехов и процветания!*

**С искренним уважением,
директор и главный редактор
Анатолий ТРУБА**

ДАРИТЕ ЛЮБИМЫМ ТЮЛЬПАНЫ!

Дорогие друзья! Можно искренне, по праву гордиться тем, что у вас на малой родине – в Тамбовской области, где и мне в детстве довелось пожить некоторое время, – вот уже второй год из месяца в месяц выходит в свет литературно-исторический журнал «Александръ», позволяющий читателям – людям разных возрастов и профессий – знакомиться с прошлым, настоящим и будущим как своего родного края, так и сопредельных и дальних регионов, где кипят интересные дела и живут замечательные люди! А украшение любого края, конечно, наши русские мадонны, наши славные женщины – труженицы и красавицы, – краше которых нет нигде и никого в целом мире!

Дорогие подруги! Примите мои самые сердечные поздравления с прекрасным весенним праздником – Международным женским днём 8 Марта! От всей души желаю девушкам быть любимыми невестами, женщинам – прекрасными супругами своим мужьям и заботливыми мамами детям, добрыми бабушками – внукам!

По своему опыту могу сказать, что красота – это не только то, что мы видим снаружи, гораздо важнее то, что внутри. А внутри не всегда разглядишь, какая она – красота. Вот если внутри есть доброе и светлое отношение к человеку и если у тебя на всё оптимистичный, радостный взгляд, если ты вовремя говоришь спасибо, если ты всегда благодарна, не потому, что так надо, а потому, что ты так чувствуешь, – наверное, это и есть та самая красота.

В заключение хотелось бы рассказать одну весеннюю историю. С наступлением тепла я посадила на даче четыреста тюльпанов. И все они взошли и зацвели! Всякие: махровые, гладкие, белые и даже трудно появляющиеся сиреневые. Душа пела, глядя на эту красоту! И мысль проскочила: сколько же в мире красоты! Надо только оглядываться почаще. И улыбаться себе, людям, миру! Счастья вам, люди! С праздником, дорогие женщины!

Раиса РЯЗАНОВА,
народная артистка России, актриса театра и кино

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ, шеф-редактор (Мичуринск), член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

Л. Н. ВАСИЛЬЕВА (Москва), поэтесса, прозаик и драматург, президент музея «История танка Т-34»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

А. И. НОВИКОВ (Екатеринбург), член Союза писателей России;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ, член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчетливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 3 (18), март, 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А.С. Труба.

Шеф-редактор В.С. Аршанский.

Дизайн, верстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.03.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.lexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск», 393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск, ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

- 4** Василий Попков. «Мама, мама!
Я помню руки твои...»

СЛАВНЫЕ ПОТОМКИ

- 10** Маргарита Матюшина.
Галина Усова – прапраправнучка
Пушкина

АКТЁРЫ И РОЛИ

- 14** Роман Леонов.
Раиса Рязанова

ПОЭЗИЯ

- 16** Евстахий Начас.
От прошлого не отрекайтесь...
- 18** Александра Николаева
- 20** Елена Луканкина.
Я в городе этом – родная

НАРОДНЫЕ ТАЛАНТЫ

- 22** Анатолий Труба.
Королева частушек

ЗАПОВЕДНОЕ

- 26** Екатерина Тенюкова.
Союз казачек Верхнего Дона

ДЕБЮТ В ЖУРНАЛЕ

- 29** Любовь Скоробогатько.
Единственная

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

- 34** Марат Бендерский.
Похороны Сталина

ВETERАНЫ

- 40** Александр Сухачёв.
Войны рабочие

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

- 46** Елена Корунова. Венский лес

ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ

- 51** Владимир Казмин.
На заснеженных склонах Донбасса

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

- 62** Валерий Аршанский.
Друзья, прекрасен наш союз?..

ИСКУССТВО

- 65** Надежда Вахмистрова.
Г.Р. Державину посвящается

МАЛАЯ РОДИНА

- 66** Голоса поэтов Тамбовщины

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

- 71** Владимир Газетов.
Стрелецкие знамённые

ЭТО ЛЮБОПЫТНО

- 79** Андрей Литовский, Марина
Елютина. Золотая молодёжь
начала XX века

ЧИТАЕМ ДЕТЯМ

- 82** Ольга Луценко.
Лекарство от плохого настроения
- 84** Виктор Фоменков.
Три случая в деревне

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

- 91** Шаги «Александра»

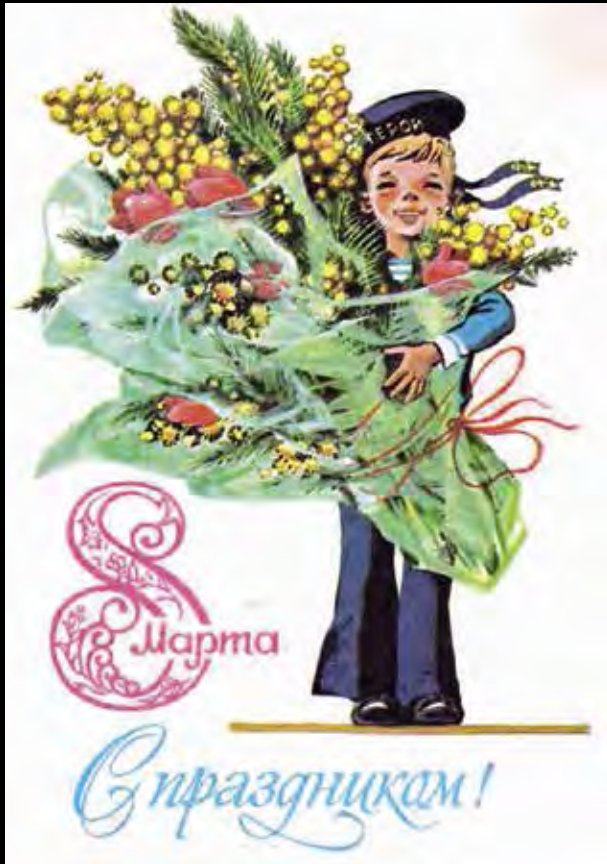
*«Мама, мама!
Я помню руки твои...»*

Как хорошо, что есть 8 Марта...

Всё преображается вокруг: воздух благоухает ароматами отечественных и заморских цветов, играющих множеством неожиданных оттенков, от кипенно-белых свадебных хризантем до кокетливых гвоздик, лёгких причудливых лилий и тюльпанов, свежайших царственных роз, будто только что выпорхнувших со знаменитых казанлыкских плантаций. О мимозах уж и не говорю – ими раззолочено все вокруг.

В праздничные хлопоты, кои, оказывается, совсем не нарушают гармонии бытия, втягиваются даже самые окаменённые или нарциссически настроенные мужские сердца, но и они ныне не могут не согласиться, что всем этим весенним великолепием (да и самой жизнью!) обязаны слабой половине человечества, и не признать: как она прекрасна!

Удивительно элегантно сидят платья, призывно играют броши; как привлекательны их причёски, каким целомудренным и естественным румянцем на слабом морозце ма-

нят их ланиты, стройность и строгость стана обеспечивают плавную и грациозную лебединую поступь, и не потому ли невольно срывается достойный комплимент?

Мысленно интервьюирую себя, понуждая ответить на вопрос, что же привлекает нас в женщине... Знаю, мы малы и слабы, склонны обольщаться и обманываться, но многовековой опыт литературы и культуры, выкристаллизовавший бесценный женский идеал, верно, не подведёт.

Мраморные изваяния богинь античности, лики на полотнах великих художников Ренессанса донесли до нас мечты о внешней красоте и внутреннем совершенстве. Всё кануло в Лету? Не скажите. Помню, жарким августом 1970 года посчастливилось побывать в Дрезденской картинной галерее. Вот шумно прибыл на экскурсию отряд наших солдат, проходивших службу здесь, в Саксонии, на Эльбе. Громкий топот сапог нарушил тишину. И о чу... Все замерли, словно по команде, стоят не шелохнувшись перед «Сикстинской Мадонной» Рафаэля Санти.

Прошло почти полвека, но до сих пор сцена эта не выходит из головы – что значит сила искусства, что значит извечная неувядающая тема женственности, материнства!

Не забыть и увлечение талантливого студента Андрея Фецковича, известного кавээнщика. Учился на экономфаке МГАУ, и почти одновременно его потянуло на филфак пединститута; прикипев к теме «Образ Богоматери в древнерусской литературе и иконописи», написал у меня дипломную работу. Прошло немало лет, а Андрей всякий раз при встрече докладывает: обнаружил ещё тип Богоматери – не отпускает...

Не соглашусь, что Древняя Русь, мол, принижала женщину. Занятия медиевистикой всякий раз убеждают, что в каждую эпоху доминировали свои особые представления о женском величии, и в то же время вырабатывались и незыблемые устойчивые постоянные качества.

Почему наследник Рюрика Игорь, храбрый воин, был пленён Ольгой, когда она переправляла его в ладье через реку Великую?

И почему, расправившись с Игорем, древлян-ский князь-язычник Мал тоже засылает сва-тов? Сказать, что была она *«дюже лепа»*, по-ражала внешней привлекательностью, – для язычника Мала, наверное, и было главным аргументом. Но для её сущности это так мало. Разве был он способен разгадать её мудрые ответы-загадки, кои были мезью за мужа?

Да что Мал, даже самого Константина Багрянородного, императора Византии, *«переклюкала»* (перехитрила), когда и он возжелал взять её в жены.

Не потому ли софийность (мудрость) была заложена в самом основании хри-стианства на Руси, и это последовательно утверждалось и в иконописи, и в летописи, и в сооружении Софийских соборов в Киеве, Новгороде, Полоцке? Но это впереди, а пока разгорается в ней пламя новой веры, на века осветившее Русь, она воспитывает сына Свя-тослава, научает аскетизму, воинственности, честности в бою, но упрекает: *«Чужих земель ищищи, а своей не блюдеши»*. *«Блюсти свою землю»* – разве не эту мысль Ольги переда-ёт и величественное изваяние Е. Вучетича в Волгограде *«Родина-мать зовёт»*?!

Любовь мудрой крестьянской девы Фев-рони и Муромского князя Петра, живших в XIII веке, и ныне предстаёт образцом для соз-дания крепкой семьи. Жена Дмитрия Донско-го Евдокия продолжала его дело собирания воедино русских земель. А когда сын посето-вал, что внешне она не соблюдает траур, рас-пахнула кофту – и все увидели тяжёлые вери-ги на измождённом аскетическом теле. И всё поняв без слов, устыдился сын. Становится ясно, что не внешнее показное фарисейское следование правилам, а глубокая внутренняя вера определяет жизнь русской женщины.

Неувядаемым символом вечной вес-ны, женской верности остаётся плачущая на путивльской городской стене Ярослава-на, обращающаяся к ветру, Днепру и солнцу с просьбой *«прилежать её милого ладу»* – и отзываются силы природы. Вот уж поистине: *«Толцйте, да отверзется вам»*.

Делить все радости и невзгоды до кон-ца – вот формула супружеской верности. Ис-

пытывая невероятные трудности сибирской ссылки, выбиваясь из сил, пробираясь по без-дорожью весеннего половодья, лишь однаж-ды, не выдержав, взмолилась жена протопо-па Аввакума:

– *Доколе брести-то, Аввакумушка?*

– *До самыя смерти, Марковна*, – не лука-вое утешение, а пламенная истина поражала не только сторонников огнеопального борца за старую веру.

– *Ино побредём ещё*, – слышим и мы пол-ный кроткого смирения и достоинства сердеч-ный отклик. Поистине: *«Да будет воля Твоя»*.

Примеры можно умножить, подчеркнём лишь: не вымышленные женские персонажи, а вполне реальные, конкретные исторические лица населяют древнерусскую литературу, и в этом её истинность, жизненность и неоспо-римность.

Жёнам известных людей, талантливых, гениальных уготована своя участь. Глубже других исследовала эту тему замечательная поэтесса нашего времени Лариса Васильева, в чём ещё раз убедились все мы на состояв-шейся недавно встрече с нею.

Согласитесь, тот, кто сказал: *«Я вас любил так искренно, так нежно, как дай вам Бог лю-бимой быть другим»*, ложную мысль не из-речёт. Первый поэт России и первая красави-ца России (где же было ещё родиться Натали Гончаровой, как не на Тамбовщине?!) должны быть достойной парой. И были таковыми! Она стала матерью четверых его детей, по нашим меркам многодетной матерью, воспитала их достойными людьми, продолжившими вели-кий род; их потомки и ныне украшают многие города мира, в том числе Мичуринск, точнее наш университет.

Дуэль – подвиг поэта за честь женщины, за честь России.

Создавший *«энциклопедию русской жиз-ни»*, роман в стихах *«Евгений Онегин»*, где главная героиня Татьяна, *«русская душа»*, признаётся: *«Но я другому отдана и буду век ему верна»*, – не мог поступить иначе.

Скажите, что апофеозом женских христи-анских добродетелей является капитанская дочка Маша Миронова, и будете правы.

А если вместе со мной подниметесь на фуникулёре на вершину крутой горы в Тбилиси, где пантеон великих людей открывает могила создателя «Горя от ума» и его вдовы Нино Чавчавадзе, так и не сбросившей траурную чадру до конца, то поразитесь и крепостью любви, и женской верностью, и памятником с щемяще-пронзительной эпитафией: *«Жизнь и дела твои бессмертны, но зачем пережила тебя любовь моя?»*

Завидую юным друзьям, впервые с замиранием сердца открывающим сочинения Н. М. Карамзина и И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и А. И. Эртеля, Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и И. А. Бунина...

Литература и искусство учат нас лишь зорче всматриваться в окружающее, а оно не менее содержательно и привлекательно, поучительно и облагораживающе. Кто недавно был участником необыкновенного вечера памяти удивительно талантливой женщины Зинаиды Сергеевны Страховой, доцента МичГАУ, познакомьтесь с изданными книгами её стихов, писем, дневников и признаете, что между нами жил человек удивительный, необыкновенный, по глубине не уступающий и вымышленным литературным идеальным персонажам. А какая любовь!

Я счастлив, что был современником и коллегой великой женщины Екатерины Семёновны Черненко, совершившей жизненный подвиг. Она была достойной дочерью великого отца, Героя Социалистического Труда академика С. Ф. Черненко, о котором рассказала в книгах, преданной и верной женой известного учёного В. И. Будаговского, о нём издала содержательный труд «Сады Будаговского», любящей матерью и бабушкой. И этого хватило бы на несколько жизней, но она и сама стала известным селекционером, учёным, журналистом и писателем. Жизнь её достойна изучения, подражания, восхищения. Причём жизнь выпала на тяжелейшие военные годы.

Да, война... Весь тыл (и не только!) на своих плечах вынесла женщина.

Помню мать, от зари до зари работающую на колхозном поле, большая семья (один одного меньше) не в счёт, а нас надо накормить, обуть, одеть, собрать в школу. В 1945-м я школу пропустил: не было обуви... Муж мамин (мой отец) погиб в 1942-м. Вся надежда на старшего сына (моего брата), на начало войны ему 15 лет, но подросел – и снова похоронка в 1944 году... Мать не выдержала горя, тягот войны, болела, умерла, когда я только окончил школу...

Читая «Молодую гвардию» А. Фадеева, обратил внимание на монолог Олега Кошевого... Будто обо мне... Выучил наизусть: *«Мама, мама! Я помню руки твои...»*

С праздником, возлюбленные женщины!

Василий ПОПКОВ,
кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей,
член Союза журналистов России

БЫТУЕТ МНЕНИЕ, ЧТО СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА СОСТОЯЛАСЬ, ЕСЛИ ЕМУ УДАЛОСЬ ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ ВЫРАСТИТЬ СЫНА И ПОСАДИТЬ ДЕРЕВО. А ТАКЖЕ ПОСТРОИТЬ ДОМ ИЛИ НАПИСАТЬ КНИГУ. МОЯ ГЕРОИНЯ ПРИНАДЛЕЖИТ К ПРЕКРАСНОЙ ПОЛОВИНЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ТАК ЧТО В ЕЁ СЛУЧАЕ БОЛЕЕ СПОДРУЧНО ВТОРОЕ. ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО В ТВОРЧЕСКО-НАУЧНОМ БАГАЖЕ ДОКТОРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК, ПРОФЕССОРА ГАЛИНЫ УСОВОЙ НЕ ОДНА, А НЕСКОЛЬКО КНИГ, А ЕЩЁ СОТНИ АВТОРСКИХ СТАТЕЙ В НАУЧНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ. ЧТО НАСЧЁТ ДЕТЕЙ, ТАК ГАЛИНА СЕВЕРЬЯНОВНА ВЫРАСТИЛА ТРОИХ ПРЕКРАСНЫХ СЫНОВЕЙ, КОТОРЫЕ ТАК ЖЕ, КАК И ИХ РОДИТЕЛИ, СОСТОЯВШИЕСЯ УЧЁНЫЕ. А УЖ ПОСАЖЕННЫМ И ТЕМ БОЛЕЕ ИЗУЧЕННЫМ УСОВОЙ ДЕРЕВЬЯМ НЕТ ЧИСЛА. ТАК ЧТО С ПОЛНЫМ ПРАВОМ МОЖНО СКАЗАТЬ, ЧТО ГАЛИНА УСОВА ЭТУ ЧАСТЬ МИССИИ ВЫПОЛНИЛА С ЛИХВОЙ.

ГАЛИНА УСОВА — ПРАПРАПРАВНУЧКА ПУШКИНА

Но есть ещё и вторая часть миссии, возложенная на эту прекрасную женщину её происхождением. Ибо Галина Северьяновна – представительница пятого поколения Пушкиных. Она прапраправнучка великого поэта. И к этому Усова относится без какой-либо звёздности, кичливости, а достойно и трепетно, с уверенностью, что её долг не только знать всё о своих корнях, но и рассказывать о гениальном поэте Александре Пушкине, его выдающихся потомках новым поколениям россиян. Поэтому она всегда охотно общается с юными мичуринцами, старается стихами великого предка достучаться до их сердец.

БИБЛИОТЕКА УСОВОЙ

Всю жизнь Галина Северьяновна собирает библиотеку. Часть её – издания, связанные

с научной деятельностью. Есть и художественная классика. «Но в основном, – признаётся Усова, – я собираю произведения Александра Сергеевича. Есть издание дневника поэта. Много книг о жизни и деятельности Пушкина. Я очень интересуюсь всей литературой, которая выходит по пушкинской тематике. Зная это, мне знакомые из разных уголков России присылают такие книги. Всё, что появляется нового о Пушкине, я стараюсь иметь у себя в библиотеке».

Например, дорогим для сердца пополнением личной коллекции Усова считает подарок, полученный к 200-летию Александра Сергеевича от поэта-переводчика Георги Талева. Это роман «Евгений Онегин» на болгарском языке. Но самым ценным подарком в жизни, как рассказала мне при встрече Галина Северьяновна, стали «Еженедельные известия

Вольного экономического общества», изданные в Санкт-Петербурге в типографии Горного училища в 1788 году, за 11 лет до рождения Пушкина, и принадлежавшие одному из его предков. Чтобы издание не пришло в негодность, ему сделали солидный переплёт, который и помог семейной реликвии сохраниться.

«Эта книга перешла ко мне от дяди Олега Кологривого, потомка рода Тютчевых. Вероятно, она из библиотеки мамы Олега Всеволодовича Софьи Воронцовой-Вельяминовой, родственницы Александра Пушкина. После окончания Мичуринского института я приехала в Москву, где собрались все наши родственники. Вместе с дядей Олегом они и подарили мне эту книгу, сделав на титульном листе дарственные надписи. Дядя Олег начертал: "Гале от всего сердца дарю дяди Серёжину (Тютчева) книгу". А Софьей Вельяминовой здесь же написано: "Сей труд Вольного экономического общества вручается в дар молодому специалисту Галине Северьяновне Усовой как символ связи настоящего с прошлым, как символ семейных уз, как символ будущих успехов от имени рода и предков первого агронома Андрея Тимофеевича Болотова". Затем идут подписи московских бабушек, тёть и других родственников, которые имеют отношение к Александру Пушкину. И обозначена дата дарения – 6 апреля 1962 года. Конечно же, эта книга и тогда, и тем более сегодня является большой редкостью. Помню, как я была рада такому подарку. До сих пор его бережно храню».

ОТ УВЛЕЧЕНИЯ – К НАУКЕ

Любопытно, что именно во время этой встречи с московской роднёй Галина Усова узнала, что она потомок не только Пушкина, но и ещё одного великого предка – энциклопедиста, одного из первых российских селекционеров Андрея Болотова. Вот, наверное, откуда её тяга (передалась с генами) ещё с ранних лет к растениеводству и селекции. Хотя Галина Усова родилась в довольно суровых краях. Своё детство и отрочество Галя провела в Архангельске. Её воспитывала

мама. Отец, 27-летний Северьян Усов, погиб во время войны с финнами, когда дочка была совсем крохой.

«Я знала, что являюсь одной из веточек дерева, растущего от Александра Сергеевича и Натальи Николаевны, с самого раннего детства, да не придавала этому никакого значения, – вспоминает Галина Северьяновна. – Но вот однажды, по-моему, в третьем классе, выйдя на перемену, была поражена тем, что чуть ли не вся школа выстроилась в шерен-

Александр Александрович Пушкин

гу вдоль стены и во все глаза рассматривает меня с таким интересом, словно я только что вернулась откуда-нибудь с Альфа-Центавры. Чуть погода выяснилось, в чём дело. Оказывается, архангельская газета "Правда Севера" опубликовала статью о потомках Пушкина, в числе которых была названа и я. С той поры даже самые близкие мои друзья и подружки стали относиться ко мне как к существу иного порядка, нежели они, что, кстати, меня сильно огорчало. Я никогда – ни тогда, ни сейчас – не ощущала себя выше других. Такая же, как все. Между прочим, моя мама, которая по време-

ни была ближе к боярам и столбовым дворянам, чем я, держала в Архангельске и корову, и всякую другую живность, управлялась с хозяйством не хуже прирождённой крестьянки».

И всё-таки в конце концов к Галине Усовой пришло осознание, что родство с Пушкиным ко многому обязывает. «Особенно эта мысль укрепилась, – продолжает Галина Северьяновна, – после того как нас с мамой пригласили в 1949 году в столицу на торжественное заседание, посвящённое 150-летию со дня рождения Пушкина, где присутствовали сам Сталин и все члены Политбюро. Тогда же родственникам поэта, собравшимся в Москву, была оказана материальная поддержка. Нам с мамой дали бесплатные путёвки в Евпаторию. А ещё всем подарили по патефонной пластинке с оперой "Евгений Онегин". Её я буду беречь до конца своих дней и сыновьям передам по наследству».

Ещё учась в школе, Галина увлеклась биологией, особенно селекцией плодовых деревьев. Изучала труды Ивана Мичурина. В 1956 году 18-летняя Галина окончила школу и получила направление в МГУ.

Но, приехав в Москву, девушка подала документы в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию. И здесь её подвела сердобольность. Во время экзаменов она подсказала соседке-абитуриентке, за что её отличный ответ понизили на два бала. И девушка не прошла по конкурсу.

Зато на следующий год Усова поехала в Мичуринск. В то время, когда город ещё назывался Козловом, здесь стоял полк её прапрадеда Александра Пушкина. А Плодоовощной институт, в который она решила поступать, носил имя её кумира – Ивана Мичурина. Все вступительные экзамены девушка сдала на пятёрки и была зачислена в вуз. Впереди были пять лет увлекательной студенческой жизни. Помимо учёбы, исследовательской работы, комсомольской деятельности, за которую она не раз награждалась грамотами, Галина Усова была и спортивной активисткой. Ещё со школы она увлекалась баскетболом и даже получила юношеский разряд по этому виду спорта.

Запомнилась девушке на всю жизнь и поездка на целину в октябре 1958 года. Студенты трудились помощниками комбайнёров, поварами, работали на копнителях. За активное участие в уборке урожая в Актюбинской области Галине вручили почётную грамоту, а ЦК ВЛКСМ наградил её значком «За освоение новых земель». В Мичуринск юноши и девушки вернулись счастливыми. Их закаляли трудности, сплотила крепкая студенческая дружба, окрылили первые победы в борьбе за хлеб. Они чувствовали себя идущими в ногу со страной, народом и временем.

Отмечена Усова была и за исследовательскую работу. В ноябре 1962 года жюри проходившей в Воронеже выставки научно-технических и опытно-конструкторских работ студентов вузов Центрально-Чернозёмного экономического района присудило ей почётную грамоту за научную работу «Влияние возраста цветка на наследование признаков и свойств у гибридного потомства яблони», которую она вела с первого курса.

ПУТЬ УЧЁНОГО

После института по распределению Галина в течение двух лет работала агрономом по защите растений в Бондарском районе Тамбовской области. А затем поступила в аспирантуру родного института и вернулась в Мичуринск. Кстати, аспирантская тема её научной работы была связана с проблемой получения и изучения краснолистных и зелёнолистных мутантных клонов у яблони. По этой же теме в 1972 году Галина Усова защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата биологических наук. Занимаясь научным трудом и преподавательской деятельностью в Плодоовощном институте, Галина Северьяновна прошла путь от ассистента до профессора кафедры селекции плодовых культур и ботаники. Усова участвовала в разработке книги «Живые жемчужины Тамбовского края» и «Красной книги Тамбовской области. Растения. Лишайники. Грибы», за которую получила областную премию имени В. Вернадского. Неоднократно Галину Северьяновну на-

граждали почётными медалями и грамотами за успешную научную деятельность.

В этом же институте Галина Усова встретила и свою любовь. Владимир Коровин был выходцем из рабоче-крестьянской среды. Уроженец Ленинграда, он после окончания шести классов поступил в ремесленное училище. Потом, сдав экстерном экзамены за седьмой класс, стал студентом Оренбургского сельскохозяйственного техникума, который окончил с отличием. Владимир нашёл своё призвание. Следующими шагами были обучение в Мичуринском плодоовощном институте, три года работы главным агрономом Главного ботанического сада АН СССР под Москвой. Аспирантуру Владимир Коровин решил окончить в Мичуринске, где глубоко и всесторонне изучал клоновые подвои яблони. Глубокой разработкой этой же темы были посвящены и кандидатская, и докторская диссертации Владимира Александровича, трудившегося на кафедре плодоводства.

Молодых учёных, познакомившихся в стенах Мичуринского плодоовощного института, Галину Усову и Владимира Коровина, крепко связали и семейные узы, и исследовательская работа. Многие научные труды написаны и изданы ими совместно. К сожалению, Владимир Александрович рано ушёл из жизни. Но и он успел построить дом, написать книги, посадить деревья. У Галины Северьяновны и Владимира Александровича много замечательных учеников. Они продолжают исследования профессоров Усовой и Коровина.

В семье Галины Северьяновны и Владимира Александровича выросли три прекрасных сына. Старший, Александр, – кандидат физико-математических наук, работает в Москве. Кандидат сельскохозяйственных наук Сергей Коровин – директор по науке одной из научных организаций Мичуринска. Он подарил Галине Северьяновне внучку Анастасию и внука Евгения. Его брат-близнец Андрей после получения высшего образования и окончания аспирантуры трудится в Женеве. Вместе с женой Оксаной воспитывает дочь Евгению и сына Тимофея.

Потомки Александра Пушкина живут по всему свету. Многие из них обосновались за границей – в Англии, Германии, Италии, США, Франции, Швейцарии. «К сожалению, – признаётся Галина Северьяновна, – с потомками за границей я не связана. Правда, в 2009 году, когда праздновалось 210-летие со дня рождения Александра Пушкина, нас собирали в Москве. Во время встречи я пообщалась с зарубежными дальними родственниками. Шикарное издание о потомках Александра Сергеевича вышло в 1999 году в Красноярске к 200-летию со дня рождения поэта. Книгу под редакцией Владимира Полушина тогда издала администрация Александра Лебедея. Нас пригласили на встречу и презентацию в Красноярск. В книге, которую мне подарили, много новых сведений. Ведь Полушину удавалось выезжать за границу и там общаться с потомками».

Кстати, прапраправнучка Александра Пушкина рассказала о таком интересном факте: «Многие из потомков сочиняют стихи. Но поскольку Александр Сергеевич сказал, чтобы потомки не занимались стихотворчеством, никто никогда из них не публиковался». Возможно, таким образом, убеждена Галина Северьяновна, родственники по-своему выразили уважение великому русскому поэту. ■

Маргарита МАТЮШИНА

ЛИНИЯ РОДСТВА А.С. ПУШКИНА И ГАЛИНЫ УСОВОЙ

- Александр Сергеевич Пушкин
- Александр Александрович Пушкин
- Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова, урождённая Пушкина
- Мария Павловна Клименко, урождённая Воронцова-Вельяминова
- Ольга Евгеньевна Усова, урождённая Клименко
- Галина Северьяновна Усова

РАИСА РЯЗАНОВА

ЕСЛИ НАЗВАТЬ ИМЯ ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМОЙ АКТРИСЫ, ЗВЕЗДЫ СОВЕТСКОГО, А ЗАТЕМ И РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА РАИСЫ РЯЗАНОВОЙ, МНОГИЕ СХОДУ, ПОЧТИ НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ ВСПОМНЯТ ФИЛЬМЫ «МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ», «ГУЛЯ КОРОЛЁВА», «ДАМСКОЕ ТАНГО» И МНОГИЕ ДРУГИЕ. ОДНАКО МАЛО КТО СМОЖЕТ СКАЗАТЬ, КАК ЖЕ СВЯЗАНА СУДЬБА ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ С ТАМБОВЩИНОЙ.

И действительно, как? Ведь родилась Раиса Ивановна в приютившемся в казахских степях г. Петропавловске. И, как признаётся сама артистка, это единственное, что она сама помнит и знает о Казахстане. С одной стороны, детство маленькой Раисы было сложным. Выросла она без отца, так как он был женат на другой женщине, с которой имел уже шестерых деток. Поэтому её мать приняла решение воспитывать ребёнка самостоятельно. Отца, Ивана Егоровича, Раиса так и не увидела, зато мать полностью посвятила свою жизнь любимой и очень желанной дочери.

А вот следующее яркое и знаковое воспоминание – первый класс школы. Будущая народная артистка начинает своё обучение в одной из школ города Мичуринска. Номер школы и где она находилась, Раиса Ивановна не помнит. Помнит лишь свою первую учительницу – Ольгу Филипповну, которая была

уже в возрасте и носила круглые очки. «Помню, как я сидела в классе за партой и что-то у меня не получалось. И я плакала. А учительница подошла ко мне и говорит: "Хватит лить крокодильи слёзы!" Жёстко сказала. И я ещё больше залилась этими "крокодильими слезами", а потом, когда успокоилась, всё думала, маме сказать или не сказать. И всё-таки решила не говорить, а то и она меня ругать будет. Но я до сих пор ясно помню этот день», – признаётся актриса.

Больше о Мичуринске Раиса Ивановна практически ничего рассказать не может. По воспоминаниям мамы, деревянные ворота у дома, в котором жила её семья, ведущие из двора на улицу, несколько не доходили до земли, вероятно, это было сделано для собак. И маленькая Раечка вместе с этими собаками выскакивала на улицу и, заигравшись, убегала далеко. Маме приходилось её искать по всей

улице. «Мама приводила меня домой, читала нотации, а то, может, даже и шлёпала, чтобы у меня это всё уложилось. Но у меня не укладывалось, и история повторялась, ведь в дырке же было интереснее, чем во дворе, в котором я уже всё облазила. Там-то всё новое, любопытно же!» – рассказывает Р. И. Рязанова.

Вскоре мать переехала с дочерью в подмосковное Раменское, где со второго класса Раиса продолжила обучение в школе.

Рая росла очень ласковой и общительной, рано проявила разносторонние творческие способности: любила петь, танцевать, принимать участие в детских утренниках и концертах. Стараясь развивать способности девочки, мама отдала её в музыкальный кружок. Она даже поступила в рязанское музучилище, выучив «полчку» и «вальсок». После выпускающие педагоги готовили её к поступлению в консерваторию. Оставалось сделать выбор, в какую: «В Москву? Там же такие играют! В Ленинград? Ну нет! Это же тоже столица! Новосибирск? Владивосток? Киев? Далеко. Горький? Горький! И поехала в Горький. И только там я узнала, что это филиал Московской консерватории. Я походила, походила, послушала, как играют абитуриенты. В основном это были мальчики, девочек прямо как-то совсем и не было. И думаю: "Рая, собирай манатки и дуй домой! И чем скорее, тем лучше". А дома я что скажу? Мама же меня поступать проводила. И вот я в поезде всю ночь на полке лежала и думала, что же такое сказать, чтобы убедительно. Потому что она могла сказать: "Как? Ты деньги на билет потратила и не поступила?!" И придумала! Приезжаю. Мама с порога: "Ну-у, поступила?!" – а я ей: "Мама, в этом году девочек не брали! А во все остальные места я уже опоздала, потому что вступительные экзамены все в один день"».

И Раиса Ивановна вернулась в Рязань, где устроилась работать в качестве преподавателя детской музыкальной школы. И, возможно, мир бы потерял великую актрису, если бы в один прекрасный день она не влюбилась... в актёра местного рязанского театра, игравшего в знаменитой шекспировской драме страстного Ромео. Будучи очень

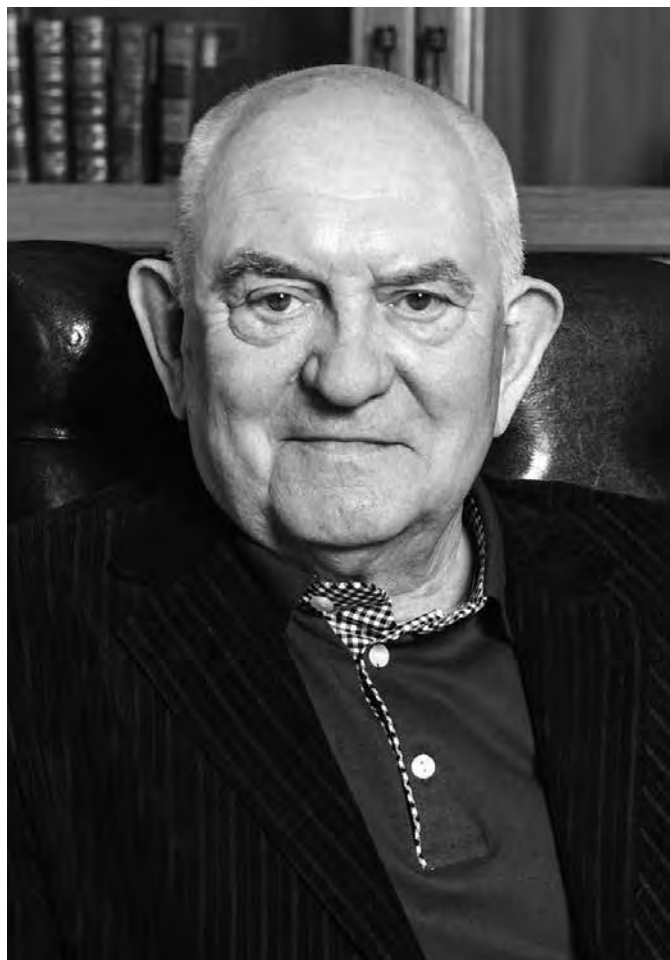

впечатлительной и романтической натурой, Раиса день и ночь напролёт мечтала о том, чтобы оказаться с ним на одной сцене и сыграть по-своему трогательную историю любви. Привыкшая всего добиваться собственным трудом, она решилась отправиться в Москву и хотя бы попытаться реализовать мечту.

А дальше были ГИТИС, роли в кино и на сцене, признание, премии, почётные звания заслуженной, а затем и народной артистки. И всё это не случайно. Героиням Раисы Рязановой сопереживает вся страна. Кажется, что часто актриса играет саму себя, а это одна из самых сложных вершин успеха.

Город же своего раннего детства – Мичуринск – впервые за долгие годы Раиса Ивановна Рязанова посетила вновь только с гастроллями осенью 2017 года. И, несмотря на значительный возраст, к которому сама Рязанова относится с лёгкой иронией, артистка в прекрасной форме, великолепно двигается, легко держит полный зал. И своему зрителю Раиса Ивановна желает никогда не унывать, ведь всё получится, если приложить усилия! А

Роман ЛЕОНОВ,
член Союза журналистов России

Евстахий НАЧАС

Поэт, журналист. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Родился 20 июня 1940 года в селе Ярчевцы Зборовского района Тернопольской области (Украина).

После окончания школы в Украине Евстахий Ярославович работал заведующим клубом, бетонщиком, служил в армии. После демобилизации с 1961 года живёт в Тамбове. Евстахий Начас окончил филологический факультет Тамбовского государственного педагогического института (ныне Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина). Работал учителем в Красноярском крае. В 1979 году он окончил отделение журналистики Ростовской высшей партийной школы. С 1967 года Евстахий Начас работал в тамбовских средствах массовой информации, руководил литературным клубом «Свеча» в Тамбовской центральной библиотеке им. Н.К. Крупской.

Евстахий Ярославович Начас – заслуженный работник культуры России, лауреат областных литературных премий имени Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова».

От прошлого не отрекайтесь...

НОЧНАЯ ГРОЗА

Сверкала молния над Цной ночной,
Всех ослепляя: недруга и друга.
Но дом мой не ковчег, и я не Ной,
А грешник, как и многие в округе.

Раскаты грома рвали небеса,
Как мины под Пальмирой твердь земную.
Такой была на Троицу гроза,
И был финал её непредсказуем.

Висел стеною ливень проливной,
И я – Господь свидетель – испугался,
Что тот потоп, когда спасался Ной,
С такой грозы ночной и начинался.

* * *

«Молитесь, просите, кайтесь...»
Святая Матрона Московская

Молитесь, просите и кайтесь,
Земля почернела окрест.
От прошлого не отрекайтесь:
Прошлое – это наш крест.
Просите, чтоб Бог не оставил
Наш мир без опеки святой,
Чтоб хуже, чем были, не стали,
Чтоб были людьми, не толпой,
Чтобы шли мы не по наклонной,
Чтоб вьюги нас не замели,
Чтоб каялись только с поклоном
И лбами касались земли!

* * *

Ни на миг не покину родную мне Русь,
Чтоб уехать на малую родину к брату...
Я уже никогда босиком не пройду
По стремительным кручам и вверх, и обратно.

Ворсклу-речку я вброд не смогу перейти,
На песчаной косе не смогу поваляться...
Мне в Полтаву теперь перекрыты пути,
Мне в краях, где я вырос, нельзя появляться.

В предварительной кассе билет не куплю
Ни в Тернополь, ни в Зборов над светлою
Стрепой,
Украинец, я Русь по-сыновьи люблю –
Только в Киеве эта любовь под запретом.

Галицийцами стали вдруг все земляки,
Русофобами – в Раде России не рады,
А недавно ещё казням всем вопреки
Были общими майские наши парады.

Были общими Чоп, Трускавец, Днепрогэс,
И Донецкий бассейн, и огни Запорожья.
Сыновей Кобзаря искусил, видно, бес –
Я не верю, что это была воля Божья.

Моя малая родина стала иной –
Участь горькую выбрал майдан оголтелый.
Я уже никогда не увижу весной
Ни кружево стрижей, ни калины цвет белый.

Я уже никогда головой не склонюсь
Над могилами дедушек, бабушек, брата...
Я уже никогда босиком не пройду
По стремительным кругам туда и обратно...

* * *

«Хаос чувств, настроений и мыслей...»
Серафим Саровский

На Руси, как и прежде, тот плачет
Над последним рублём в кошельке,
Тот жирует, тот злобы не прячет,
Свою совесть зажав в кулаке.

Вновь какая-то тайная сила
Нас втянула в свою круговерть –
Много судеб в могилу зарыла
Без святого причастия смерть.

«Хаос чувств, настроений и мыслей»
Тянет в гиблое царство теней.
Ложь и зависть, как тучи, нависли,
Тень от них всё черней и плотней.

Они спрутами с Запада лезут,
Жёстким щупальцам нету конца.
Как порезы на теле от лезвий,
Православные ноют сердца.

Ненавидят нас бывшие братья,
Строят стены вдоль наших границ,
И слышны из-за стен тех проклятья
И тирады пустых небылиц.

Подрастает преступное племя,
Их отцы могут врать и орать.
В чумовое позорное время
Не хотелось бы мне умирать.

Александра НИКОЛАЕВА

МАМЕ

Говорили, что ты родила меня в ночь,
И была эта ночь по-весеннему ясной.
От какой же беды безрассудную дочь
Уберечь ты желала, но только напрасно?

А беда – что руками легко отвести,
Сердце выпустить раненой птицей на волю,
Рожью сквозь чернозём и песок прорасти,
Песню выносить, выстрадать, корчась от боли.

Для того самым сладким грудным молоком
Ты меня, как волчица волчонка, кормила,
А потом вместе с бабушкой маленький дом
Обживала уютом, вязала и шила.

Это в детстве от боли спасать – целовать,
Крепко-крепко укутывая в одеяло...
И та песня, что пела для дочери мать,
Над кроваткой звездой Вифлеемской сияла.

* * *

На страданья в начале высокого старта
Души-странницы Господом обречены.
Может быть, не случайно девятого марта
Я на свет появилась по воле весны.

Ночью самой угрюмой и самой дождливой
От неведомой боли младенец кричит.
«Видно, девочка вырастет нетерпеливой,
Боевой и упрямой...» – смеялись врачи.

Жизнь росла и со мной оставляла подарки
Первым снегом и первой сиренью в саду –
Я в кустах её пряталась, словно дикарка,
И по звёздам училась любить высоту,

И стихами дышать, и, как близкой подруге,
Исповедовать душу большой тишине...
И цветами запахнет январская вьюга
От броженья весеннего тока во мне!

* * *

Земля весною масляно черна,
Как хлеб ржаной, едва из печи тёплый,
С которым сердобольная жена
Супруга ждёт домой под вечер тёмный.

А за окном – светлей одной звездой,
Одной улыбкой – колыбель дитяти...
В родное возвращаются гнездо
Медвянокрылый дрозд, щегол и дятел.

И с ними – звуки в молчаливый дом,
Укутав горечь, словно одеялом,
Подснежником, рябиной, черноталом
И голубым неистовым дождём.

Кудесницей весну не назову,
Её убором не блистать царицам...
Но посмотри, как елей тетиву,
Скользя по небу, разрывает птица.

* * *

У нас дома нехороши
И лес непроходим.
Смотри, как стонут камыши
Над озером тугим.

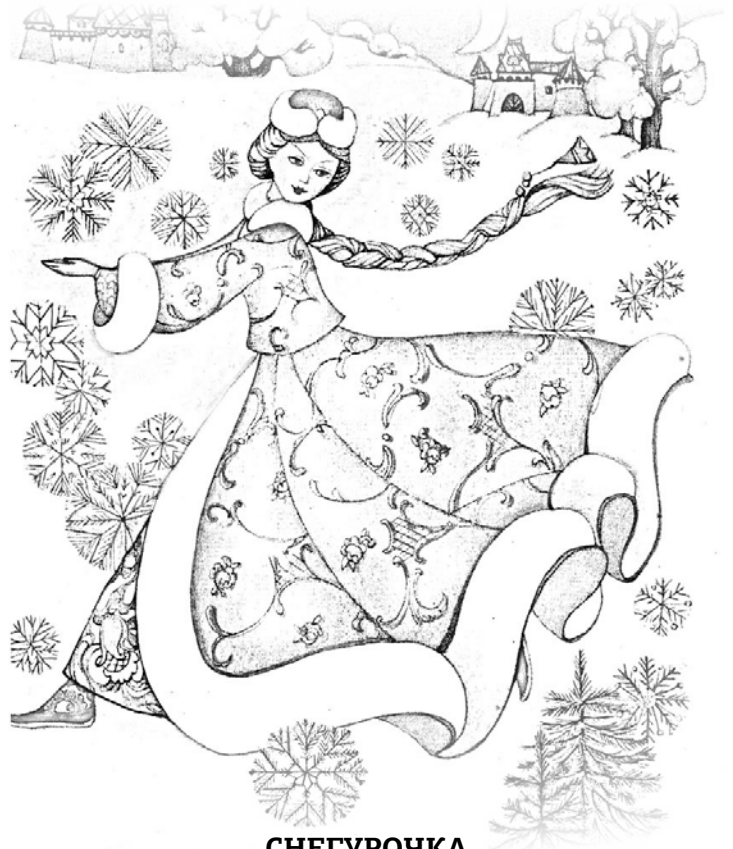
Смотри, как плачет горицвет
Под ивовым мостом.
К нему бы до исхода лет
Припасть горячим лбом.

Резных шершавых лепестков
Коснётся влажный рот...
Но запирают на засов
Дома из года в год.

На окнах кружевом – мороз,
И на душе саднит;
И старый одноглазый пёс
На улице сидит.

Хозяйка, ты не жди гостей –
Пусты амбар и клеть.
Твоя судьба – рожать детей,
Работать и терпеть,

И рук натруженных, немых
К губам не подносить...
В краю моём среди зимы
Никто не хочет жить.

СНЕГУРОЧКА

Говорят, что особая статья у соснового бора,
У тропинок, поросших зелёным и ласковым мхом.
Меж деревьев пройдёшь,

как по сказочному коридору,
И в чащобе увидишь русалок заброшенный дом.

Мягкий снег под ногами линяет.

В прогалинах пегих
Поднимается жирная и молодая земля.
Из трухлявого пня вырастают на солнце побеги,
Каждой веточкой словно о даре бессмертья моля.

Просыпайся, земля, благодатной весной осиянна!
О весне – только музыкой,

словом – нельзя говорить.
В Берендеевом царстве
Снегурочку встретишь неожиданно,
Но её красоту никогда не сумеешь забыть.

Ледяное сердечко каким колдовством отогрели?
Хорошо ли, родная, тебе от любви умирать?

...Так зачем сладкозвучной
серебряной дудочкой Леля
На свиданье любимую из леса тёмного звать?

Елена ЛУКАНКИНА (Морозова)

Поэт, прозаик, драматург, журналист, критик. Родилась и живёт в Тамбове. В 1998 году окончила школу № 2 областного центра, в 2003 году – факультет журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина. Четырнадцатый год работает в тамбовской журналистике: пять лет – обозревателем областного еженедельника для семейного чтения «Наедине», девять – корреспондентом газеты Тамбовского района «Притамбовье».

В 2005 году была участником Первого слёта молодых российских писателей «Дети Солнца» и выездного семинара Союза писателей России. С 2005 года – член Союза писателей России, с 2009-го – член Союза журналистов России.

В 2011 году в Москве получила высокую писательскую награду и признание – награждена литературно-общественной премией «Светить всегда» имени Владимира Маяковского с вручением диплома и ордена «В. В. Маяковский» за верное служение художественному слову, за подвижническую деятельность на ниве отечественной литературы. В 2016 году стала обладателем награды Тамбовской области – премии имени Е.А. Боратынского за успехи в литературе. В 2017 году стала лауреатом литературной премии «Светунец» имени Вячеслава Богданова.

Я в городе этом – родная...

* * *

У стариков – особенные лица.
В них есть необъяснимое родство.
Оно в глазах распахнутых таится –
В глазах с портрета деда твоего.
Качают руки дорогую память,
Как дед когда-то малыша качал.
Девятое число. Слеза как пламя –
В ней радость мира и войны печаль.
Прошёл парад, и расступился город –
Под майским небом в тихий час умолк.
Дорогу – ветеранам. К дому гордо
Шагает победивший время полк,
И чудится – звенят вокруг награды,
Стучат сердца, из памяти встают
Отцы и деды – русские солдаты –
Их дети на руках своих несут.

Несколько лет Елена Львовна была руководителем творческо-поэтической студии «Строка», а также состояла в правлении Тамбовской писательской организации. Елена Луканкина – участник различных фестивалей, круглых столов, акций, проектов, встреч с читателями.

Произведения Елены Луканкиной опубликованы в различных литературных сборниках: «Дети солнца», «Тамбовский писатель-2009», «Берега России: антология писателей русского зарубежья» (её имя представляет Российскую Федерацию), «Тамбовский рассказ», «Солдаты в бессмертье идут» (в разделах «Поэзия» и «Проза»); в журналах «Тамбовский альманах», «Поэзия», «Московский колокол», «Крылья», «Московский вестник»; в газетах «Литературная газета», «Подъём», «Казахстанско-российский литературный альманах», не считая региональной прессы, на страницах которой выходят её рассказы и стихи.

В АСЕЕВСКОМ САДУ

Туманом жёлтая луна
Подёрнута – как ладан
На небе жгут, но даль темна
Асеевского сада.

Вода встаёт на волоски,
Фонтанов гнутся шеи.
Деревьев горы высоки,
И в них видны ущелья.

Туда – где камни и трава,
Где собралась по звуку
Вся тишина, и голова
Пошла, пошла по кругу.

Тоскливо скрипнула щепка,
В груди кольнуло остро,
И то ли от того шипа
На небе вышли звёзды –

Рассыпались, и ты один
В саду, в своей природе.
И сколько б ты ни приходил –
Всё ближе час ухода.

Над головой сжимают круг
Ветвей сухие пальцы.
Как осень, страх приходит вдруг –
Навеки потеряться.

И прелая листва, как чай,
Заварена в избытке –
Кислит, и слышится: «Прощай!» –
Из хлопнувшей калитки.

В ЭТОМ ГОРОДЕ

Вечерней прохладою веет.
Кольшется в комнате штора.
Вдали, за окном, розовеет
К себе призывающий город.
За дверью – дорога, дорога.
Глухими дворами проводит
По хоженным улочкам многим,
И каждая – родинка вроде.
Встречаются тихие пары
В бесадах нечастых, неслыханных.
Они растворяются в парке,
И звёзды на небе всё выше.
Огни на венцах колоколен,
Цветы у высокого камня,
И в сумрачном долгом покое
Резные дома с чердаками.
От счастья какого, не зная,
Река серебром залучилась...
Я в городе этом – родная.
Я в городе этом случилась.

Не смотри на меня, хороший,
Так, что – до смерти люб и мил.
Мне от этого счастья – брошью
Сердце колет.
Сними, сними.
И за что мне – тебя так много,
Захожу, и не видно дна.
Пей из губ и возьми в дорогу,
Я – колодезная вода.
Не забыть, не развеять днями
Запах нежности –
И какой –
Не надышишься!
Как под нами
Уплывала земля рекой.
Как целуешь мои запястья,
И всё кажется – упаду.
Подломлюсь от такого счастья,
Цветом яблони опаду.
Из своих отпускаю руки,
Как в ознобе без них дрожу.
Ни минуты
С тобой в разлуке
Не теряю.
Держу.
Держу!

*Я с тамбовских полей,
Не найдёте веселей.
Лучше нету долюшки:
Выросла на волюшке.*

КОРОЛЕВА ЧАСТУШЕК

*Мария Николаевна МОРДАСОВА
(14(15).02.1915 – 25.09.1997)*

Певица, исполнительница русских народных песен и частушек, народная артистка РСФСР, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, почётный гражданин г. Воронежа.

14 февраля (по другим данным, 15 февраля) известной королеве частушек исполнилось бы 103 года. Мария родилась в маленькой деревне Нижняя Мазовка (ныне с. Черняное Тамбовского района) Тамбовской области в многодетной семье Ярких, где воспитывалось 14 детей.

– Вся моя семья певучая была, – вспоминала Мордасова, – считай от шестого колена. В семье у нас все пели и знали множество песен. И дед, и мать, и отец, и дядя. Ну я пошла в них. Бывало, соберу соседских девочек

во дворе, встану на ящик и пою. В школьном хоре участвовала, потом в колхозном.

И действительно, её мама, Прасковья Прокофьевна Яркина, славилась своим певучим, зычным голосом и слыла в местечке лучшей частушечницей. Ни один праздник в округе не обходился без развесёлой Прасковьи Прокофьевны, вскоре певунья стала брать с собой на свадьбы и гулянья маленькую дочь. Девочке очень нравилось, когда мама выходила и пела, поэтому через некоторое время она стала подпевать матери, но темперамент не давал ей устоять на месте, и девчушка пускалась в пляс, ловко отбивая крохотными ножками дробь.

О своём «первом концерте» перед сверстниками в пятилетнем возрасте Мария Николаевна вспоминала с улыбкой. Сельчане приходили в восторг, хлопали и чуть не рыдали от трогательного зрелища. Так маленькая песенница стала звездой села.

Да и в школе Мария Мордасова тоже отличалась активностью и была солисткой хора. Ученица успевала не только ходить на уроки и делать домашние задания, но и работать.

Бедность была неимоверная, потому и окончила Мария Николаевна только семь классов – ходить в школу было не в чем. При этом девочка из многодетной семьи не боялась труда, поэтому работала дояркой, а потом бригадиром свекловодческой бригады. Ни о какой сцене местная знаменитость и не помышляла, поэтому, окончив школу, не отправилась на учёбу в город, а стала звеньевой в колхозе. Работа всегда спорилась в её ловких руках, а вечером Маша пела в сельском клубе, послушать её собиралась вся деревня.

За одно из таких вот клубных выступлений юная солистка получила от организаторов смотра премию... ботинки. Роскошный подарок по тем временам! Поскольку росла будущая народная артистка в большой крестьянской семье – четырнадцать детей, – в её репертуаре была частушка на эту тему:

*Легко только сказать:
Куча целая ребят.
Все четырнадцать подряд,
Раскрыв роток, на стол глядят.*

Концерты колхозного хора, в котором начинала концертную деятельность Мария Николаевна, всегда проходили с большим успехом во многих окрестных сёлах, поэтому о нём скоро заговорили не только в родной волости, но и в Тамбове. И когда в районе объявили смотр художественной самодеятельности, вопроса, кого посылать в Тамбов, не возникло.

– Мне сказали, что надо выступить в районе. Отказывалась. Не в чем было ехать. Тогда старшая сестра дала мне своё единственное платье. Я его даже не надела, а в узелочке с собой повезла. За сценой, затаив дыхание от счастья, переодевалась. Не по мне был убор... Всё висело, топорщилось. Вышла на сцену – хохот стеной стоит! И я поняла – надо мной смеются. Так мне жалко себя стало, такая я униженная стояла перед ними, что хоть не жить на белом свете. Я увидела вдруг, что у меня огромные разваливающиеся ботинки. И это платье. Стою опозоренная и освищенная... Закусила губу до крови. Ну, думаю, помирать – так с музыкой! На первом куплете давилась слезами, а потом чувствую – притих зал. Ну я и пошла, и пошла! Я уж не помню,

сколько песен, частушек спела, а меня всё не отпускают со сцены.

*А тамбовских ребят
Далеко можно узнать –
Рубашечки белые,
Красивые да смелые.*

Так, в присущей ей манере, с песнями и плясками Мария Мордасова вышла на незнакомую сцену и произвела фурор, жюри было в восторге.

В 1934 году колхозный хор, в котором выступала наша главная героиня, на смотре художественной самодеятельности в Воронеже представлял Тамбовщину. К этому времени хор окреп, вырос количественно, зазвучал сильно и самобытно. У него были такие яркие солисты, как Герасим Ходяков, Фёдор Саяпин, Владимир Мордасов и ещё юная Мария Яркина.

Именно это выступление стало для воронежцев сюрпризом. Звеньевая колхоза выступала не только в хоре, но и с сольными номерами. И здесь, на воронежской земле, почувствовала она, что у неё будто крылья отрастают, когда выходит на сцену и начинает петь. Об этом уникальном хоровом коллективе в 1971 году был снят телефильм «Три спасибо в день». А потом было продолжение – документальные ленты «Черняновские хроники» и «Крестяньские дети, или Пора экзаменов».

Это подвигло девушку перебраться в город. Она переехала в Воронеж, устроилась работать на швейную фабрику «1 Мая» и продолжала петь.

*Ох, подружка дорогая,
Вот какой милёнок мой!
Говорит, я некрасива.
Ух, подумаешь какой!
Но я его доведу,
Будет падать на ходу.*

Трудовые будни сменялись весёлыми праздниками в доме культуры. Маруся, как и многие девушки, мечтала о любви, семье, но 1941 год перечеркнул все надежды и планы народной певуны. Началась война, но Мария не

собиралась отсиживать в сторонке. И когда в селе Анна был создан Воронежский русский народный хор, Мордасова сразу отправилась туда. В январе 1943 года хор впервые выступил в освобождённом Воронеже. Зрителям сразу понравился задорный голос румяной артистки, которая лихо отплясывала в такт музыке. А тексты её частушек люди учили наизусть, чтобы спеть при случае. Вскоре её песни знали все солдаты на фронте, а имя молоденькой исполнительницы стало известным. Мария получала тысячи писем, некоторые поклонники признавались ей в любви, но девушка со свадьбой не спешила, хотя уже встречалась с Иваном Руденко, баянистом Воронежского хора.

– Когда я выходила замуж, то всё моё приданое состояло из материнских песен, – вспоминала Мария Николаевна.

Молодые люди поженились только в 1945 году, после Победы. Достатка тогда в молодой семье не было. Но супруги мечтали о своём доме, о куче ребятишек, ведь сама Маша воспитывалась в многодетной семье.

– Я участвовала в художественной самодеятельности, – с улыбкой делилась воспоминаниями легендарная певица, – и поначалу у меня не было даже приличных туфель, так и выступала на сцене в лаптях.

Иван и Марья создали не только крепкую семью, но и успешный творческий союз. Под наигрыши мужа солистка Воронежского русского народного хора, а затем Воронежской областной филармонии пела с огромным удовольствием. Все свои силы супруги вкладывали в работу.

Эти труды были вознаграждены. И слава о Марии Мордасовой как солистке хора разнеслась по всей стране. Хор отправился на гастроли по Советскому Союзу, ему аплодировали на целине и БАМе, на Сахалине и Камчатке. Воронежский хор объездил СССР вдоль и поперёк. При этом Мария Николаевна Мордасова очень любила свою «певческую деревню» и родную Тамбовщину, любила не напоказ, а горячо и искренне. Достаточно вспомнить её известные на всю Россию частушки:

*Хоть в Воронеже живу я,
Но откроюсь вам, друзья,
О Тамбове я тоскую –
Это родина моя.*

или:

*Я в Тамбове родилась,
И в Тамбове моя мать,
Я в Тамбове научилась
Громко песни распевать.*

Без сомнения, артисты очень уставали, но, несмотря на это, известная исполнительница успевала во время гастролей бегать по деревням, где отыскивала знатоков народного творчества и просила их поделиться песнями. Те с готовностью напевали Марии Николаевне, та внимательно слушала, потом записывала в тетрадь слова. А приехав домой, бралась за работу, импровизировала, обрабатывала тексты, сочиняла новые.

Отличительной чертой Мордасовой было умение радоваться успехам земляков. Она обязательно откликалась письмом, телеграммой, телефонным звонком, а то и статьёй в газете. И никого в своей жизни не поучала. Сама учила примером. Правда, советовала младшим коллегам не увлекаться слишком модной обработкой песен, верить в жизненную красоту народного творчества.

– И ещё говорю им обычно: «Где бы вы ни выступали – на колхозном току или на сцене Большого театра, – всегда волнуйтесь, как в самый первый раз. Всегда помните о высоком праве – выступать перед своими согражданами».

Шли годы, и, естественно, выступать становилось сложно. В последние годы жизни, когда умерла её мама, сократились приезды Марии Николаевны в Черняное. Были на то и объективные причины. Но главное, конечно, мама...

«Я никогда не забываю мои милые края, мои цветастые луга, щедрые плодородные поля, речку Цну, а главное – гостеприимный душевный народ моей Тамбовщины, – писала в своих душевных письмах. – Я благодарна родной тамбовской земле, что родила меня. Поэтому стараюсь никогда не подводить мой родной край и земляков. Летом обязательно приеду. Всё ж родина зовёт».

Её «путешествие домой» длилось всю жизнь. Тамбовская земля наплатила её песенными соками, вырастила, сформировала её редкостный талант, который сравнивали с «бриллиантом чистой воды».

В 1980-х годах всё больше времени Мария Николаевна проводила на своей даче в посёлке Радчино, расположенном на берегу реки Воронеж. К ней постоянно приезжали, как знаменитые гости, так и простые люди, посмотреть на неё, познакомиться. Она принимала всех, как родных, угощала чаем, читала свои стихи и пела. Всегда на столе дымился самовар.

Мария Мордасова скончалась 25 сентября 1997 года в возрасте 82 лет. Её похоронили на Коминтерновском кладбище в Воронеже.

19 января 2018 года я был приглашён на вручение премии Союза писателей России «Имперская культура». Был поражён тем, что слова восхищения Марией Мордасовой звучали на этом мероприятии много раз от воронежских, московских и нижегородских лауреатов. Каждый говоривший о великой певице называл её своей землячкой и родным по творчеству человеком. Я же сидел и улыбался, осознавая, какие великие таланты рождает тамбовская земля. А

Анатолий ТРУБА

СОЮЗ КАЗАЧЕК ВЕРХНЕГО ДОНА

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАЗАЧЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СВЯЗАНО С РАБОТОЙ РАЗЛИЧНЫХ ВОЙСКОВЫХ КАЗАЧЬИХ ОБЩЕСТВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ КАЗАЧЬИХ ОРГАНИЗАЦИЙ. В КАЖДУЮ КАЗАЧЬЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ВХОДЯТ И ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫЕ СТАНОВЯТСЯ ЧАСТЬЮ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА, ЕГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦАМИ НА РАЗЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ, КОНФЕРЕНЦИЯХ, МИТИНГАХ, ПРАЗДНИКАХ. ЭТО ПОЛОЖИТЕЛЬНО СКАЗЫВАЕТСЯ НА ПРОПАГАНДЕ КАЗАЧЕСТВА И ЕГО РОЛИ В УКРЕПЛЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. НО В НАШЕ ВРЕМЯ МНОГИЕ ЖЕНЩИНЫ, ВСТУПАЯ В КАЗАЧЬИ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, НЕ ПОНИМАЮТ СУТИ И РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В КАЗАЧЕСТВЕ. В ЧЁМ ЖЕ ВСЁ-ТАКИ ЕЁ РОЛЬ?

Вернёмся к истории, которая является лучшим учебником и наставником для женщин-казачек. Независимо от территориальной принадлежности казачьих общин (хуторов, станиц, юртов) женщина в них всегда исполняла свой долг и обязанности, которые даны были предками-казаками и традициями казачества. Женщина-казачка в первую очередь должна была быть женой, матерью, сестрой. Хранительница очага, продолжа-

тельница рода, воспитательница детей и помощница своему мужу – это первые и важные составляющие жизни женщины-казачки.

Отношение к женщине у казаков всегда строилось на строгости и в то же время на любви. Женщина рассматривалась в первую очередь как продолжательница рода, дающая жизнь потомству и воспитывающая детей в традициях казачества. Образ Пресвятой Богородицы, семейной покровительницы, всегда

был примером для тех, кто уважал и любил свой казачий народ, его устои и традиции. Семейные ценности для казачки всегда были святы и неприкасаемы. Семья была основной ячейкой казачьей общины, и важной составляющей в ней была женщина. Жена для мужа, мать для детей – это основы формирования семейного казачьего уклада жизни и традиций, которые стали главными социальными ориентирами Союза казачек Верхнего Дона. Ознакомление и прикосновение к традициям казачьей семьи, основам казачьего уклада жизни, казачьей педагогики и психологии, народным традициям и верованиям – это важный аспект деятельности казачек Союза.

СОЮЗ КАЗАЧЕК ВЕРХНЕГО ДОНА – ВМЕСТЕ К ИСТОКАМ

Союз казачек Верхнего Дона был создан для того, чтобы объединить девушек и женщин в одну организацию, целью которой является развитие, популяризация и пропаганда казачества как хранителя семейных традиций и уклада семейной жизни, складывавшихся столетиями и впитавших в себя опыт и знания предков.

В современном казачьем обществе идёт спор между женщинами-казачками, именующими себя «казаками», и женщинами-казачками, которые, соблюдая традиции и обычаи казачества как этнической составляющей, живут и ведут себя согласно их требованиям. Мы, казачки, придерживающиеся наших традиций и обычаев, с недоверием и осторожностью относимся к тем казачкам, которые носят казачью справу (форму), надевают кубанки и папахи, обвешивают себя медалями и шашками. Да, внешне можно себя украшать как угодно, на это есть право у каждого человека. Но если ты решила стать казачкой, то в первую очередь надо знать и чтить казачьи женские традиции, уважать мнение казаков, привносить в свою семью и передавать потомкам казачий семейный уклад жизни. Тогда, став казачкой по духу, и не захочешь носить белые папахи и красивые шашки. Когда в душу женщины придёт понимание и осмыс-

ление того, какой должна быть казачка, тогда и мир вокруг неё будет меняться. Как сказал святой преподобный Серафим Саровский, «измени себя, и тысячи вокруг тебя изменятся». А если просто надевать казачью справу, медали и папахи, портупей и шашки – это ничего не изменит, это будет лишь игра «в казачки». Надо быть достойной звания казачки!

Многие женщины вступили в казачьи общества, внесённые в государственный реестр. Согласно указу Президента РФ, вступившие в эти общества носят определённую форму одежды, и женщины в том числе. Надев красивую форму, женщины и девушки стали называть себя «казаками» или «казачками» и в то же время не соблюдают женских казачьих традиций, что приводит к непониманию и осуждению со стороны потомственных казачек и казаков, в чьих семьях эти традиции складывались столетиями.

Женщины-казачки – это не «казаки» в форме и белых папахах, с медалями на груди и красивыми резными шашками. Это искусные мастерицы семейных дел, знающие и

Готовимся к занятиям по конной подготовке

Перед выступлением по фланкировке

Тренировка

соблюдающие традиционную культуру, семейный быт, хозяйственный уклад и уважающие родовую историю казачьей семьи. Это надо постигать и этому надо учиться! И не только учиться, а приносить в свою семью, делиться с близкими и окружающими, применять казачьи традиции в воспитании детей, в строительстве счастливой семейной жизни. Только тогда казаки будут истинными представительницами богатой казачьей культуры и традиций! Вот этой цели и посвящена программа работы «Союза казачек Верхнего Дона». Во главу угла казачки Союза ставят самообразование и самосовершенствование в женской казачьей науке, осваивая уроки не только современности, но и прошлого. Изучая казачью кухню, педагогику, психологию,

швейное дело, традиционный уклад семейной жизни, историю казачества, православную веру, народные казачьи традиции и многое другое, казачки привлекают к своей деятельности также и мужей, детей и всех близких. Таким образом формируется община, где царит атмосфера единства и взаимопомощи.

Одно из качеств, которыми обладали казачки, – это умение в случае беды постоять за свою семью, хутор, дом. Таким образом, казачки Союза по мере возможности осваивают основы военного дела, выживания, фланкировки шашкой. Еженедельные тренировки в спортзале являются обязательными для многих казачек нашего Союза. Физическая подготовка позволяет чувствовать себя более уверенно и в то же время ощутить историческую связь с женщинами-казачками, которые становились воинами – защитницами родной земли, своего присуда. История России знает множество примеров героизма женщин-казачек, которые наравне с мужчинами воевали на полях сражений. Сейчас казачки воюют за луганскую и донецкую землю, за Новороссию, за донскую землю, которая в прошлом была областью Войска Донского. Мы гордимся их подвигом и героизмом! **А**

**СЛАВА БОГУ,
ЧТО МЫ КАЗАЧКИ!**

Екатерина ТЕНЮКОВА,
*председатель МОО «Союз
казачек Верхнего Дона*

Единственная

РАССКАЗ

– Дак развода не даёшь? – Повис в напряжённой тишине вопрос деда Игната. Тряхнул кудлатой головой, смерил цыганскими глазами своими скукоженную, жалкую фигурку жены. Вперился ими в наклонённый её затылок с редкими седыми волосами. От наплывшей ярости стукнул клюкою – постоянной спутницей своею с военных лет – о деревянный пол.

– Ты, папань, не скандаль! Чай не у себя дома! – резко выкрикнула сноха. – Оставь мать в покое. Мало, что ль, ей кровушки попортил? – сверкнула насмешливо глазами,

сжала губы в едкую улыбку, прошипела: – Мо-ло-до-жён...

– Молчать! – не по-стариковски, детским фальцетом выкрикнул Игнат. – А то напомним, как Ванька тебя взял, язву...

– Ты бы, батъ, того... Шёл бы отседова, – перебил его сын Иван. Встал между матерью и женой, сложив на груди крупные руки с напряжённо пульсирующими мышцами. С высоты своего роста смотрел на худенького, тщедушного отца с плохо скрываемой злостью. – Иди от греха, батъ...

– Воли много бабам дали! – взвизгнул дед. Гремя клюкою, направился к двери. Перед тем как громко хлопнуть ею, пригрозил: – По-моему будет!

Баба Фёкла вздрогнула и всхлипнула. Своё распухшее от слёз лицо с потерявшими на нём белесыми глазами прятала под лянлым передником и рукавами вязаной кофты. Клонила и клонила голову свою к коленям, как в покаянии, отчего походила на пушистый шар. Мелко-мелко тряслись её плечи.

– Хватит, мам, слёзы точить, – обняла её сноха, – было бы с чего, не стоит он.

Старушка подняла голову, покачала ею в такт маятнику висевших на стене часов-ходиков. Не верила и не хотела верить в происходящее. Сон, дурной сон. Скоро пробудится в своей горнице, подойдёт к окошку, раздвинет шторы с яркими маками и тихо произнесёт всегдашнее своё заклинание: «Куда ночь – туда и сон». Похлопочет чуток на кухне над нехитрым завтраком да позовёт деда. Он, птаха ранняя, во дворе.

Хозяйство хоть и небольшое – две козы да птица, – но рук требует и заботы. Придёт дед, разуется. Натрусит, как всегда, всякой трухи на половичок у порога. Поворчит Фёкла для виду, не исправить старого. Уж более полувека вместе. Все привычки его изучила. Поест Игнат тыквенную кашу на пшене, очень её уважает, «по зубам» ему, и чай ждёт горячий. Любит размачивать в нём сухарики с изюмом. А потом телевизор поглядят, где поспорят, где посмеются. Спокойно, размеренно, светло течёт их жизнь, как тихая речка по долине, без изгибов и порогов.

Детей шестерых выпестовали, вывели в люди. Все достойные, обзавелись семьями и детьми. Трёх правнуков дождались. Говорят, что правнуки – прямой билет в рай Господний. Да и зачем туда спешить? Чем тут не рай, на земле? Никто стариков не забывает, навещают с подарками да гостинцами, все с заботой и лаской. Иван, младшенький, рядом живёт. А чуть подале погодка его, Наталья. Остальные дети «у городах», как говорит Фёкла. Всё хорошо да ладно – за утром день долгий, потом закат горизонт окрашивает всегда в кра-

ски новые, ночь покойна. А с рассветом солнышко ясное поделится лучиком, пошлёт его в горницу с самоткаными полосатыми половичками, будут в нём плясать-искриться мелкие невесомые пылинки.

А сегодня погас свет для Фёклы. Огляделась – не свои стены. Сыновий дом не чужой, а как пусто ей тут, как больно и горько. Будто прибилась она сюда не матерью, а бесприютной жалкой приживалкой. И только что хрустнуло, застонало от резкого, злого удара деревянное чрево двери. И в Фёкле надломилось что-то, оборвалось внутри, кровит и саднит. Не хочется поднимать воспалённые глаза. Не уходит обида, опять наплыла. Задрожали губы:

– Стыд-то какой... На люди не кажись хоть... – еле собрала осипший от долгих слёз голос. – Не ждала, не ведала на старости лет...

– Вот что, мать, хватит, – поставил точку Иван, – в обиду тебя не дадим. А стыд не твой, а его. Хватит пригудать. А он пусть попробует на порог зайти! Такой развод дам! Не посмотри, что отец!

Игнат никогда не был красавцем. Роста среднего, в кости тонкий, хиловат для мужика. Лицо тёмное, худощавое, но горели на нём фосфорическим блеском чёрные цыганские глаза, иногда дерзкие и цепкие, а временами с задумчиво-мечтательной, манящей поволокой. Густая, вьющаяся копна волос цвета воронова крыла дополняла его демонический образ. Быстр и смел на язык. Ловок – легко справлялся со всякой крестьянской работой, что в семьях сельских ценится. Обхождения учтвого, если к нему с добром. А коли с лихостью какой или дракой, так кулак у Игната твёрдый, будто железный. И держать он его не умел. От обиды до возмездия и мига не было. Но первым никогда не задирался. Это знали, этим и брал.

За такого Игната выходила замуж Фёкла, деревенская красавица, белолицая и белотелая, статная и весёлая, с голубыми доверчивыми глазами и длинной пшеничной косой. Из всех парней выбрала его, чем раздосадовала родителей:

– Не пара он тебе, не пара, – всплакнула её мать. Отец метал громы.

– Люблю я его...

До войны построили домик-пятистенник, и провожала Фёкла своего Игнатушку на неё, окаянную и смертную, с двумя сыночками на руках. Какую видела нужду и работу – про то отдельный роман писать надо, да и не передашь в нём всех тягот, лёгших на женские плечи. Отказывала себе во всём, лишь бы сбегать детей, кровинушек своих. Верила и ждала. И радостными слезами встречала искалеченного мужа. Хоть на костылях, но живой. И ногу сохранил ему в военном госпитале врач по имени Павел, хотя грозила ампутация. Всё в руках Божьих, и молит Её до сих пор Фёкла за здоровье неведомого ей Павла.

Выходила, вымолила молитвами слезными, поставила на ноги Игната, согрела теплом и заботой и его, и детишек, которых было уже шестеро. Дом новый поставили – тесноват стал прежний. И всё бы хорошо, только стали ходить по селу слухи про неверность Игнатушки. Да разве новость это для верной и любящей жены? Давно заприметила Фёкла чутким сердцем своим перемены в муже, будто тихий, неясный холодок приоткрыл двери и просачивается сквозняком тихим из семейного гнёздышка спокойное благополучие. Выветривается потихоньку надежда, что будет муж крепкой и надёжной опорой в старости. Путаются, тяжелеют мысли вкраплениями обиды и разочарования. Рушится всё вокруг, рушится жизнь. Горевала, плакала, молилась, корила Игната, заклинала детьми, уйти грозилась. Только следы мужа, припадающего на больную ногу, по-прежнему отпечатывались на чужих огородах и дворах, под чужими окнами. У чужого огня грелся. А её сердце, выстуженное и больное, онемело. Коли его иголками, не отзовется, не дрогнет. Фёкла вынесла из того периода горькую истину, которую повторяла не однажды: «Испортила мужиков война, избаловала. На фронте-то всё можно было, войной оправдывались. Ведь некоторые к жёнам и детям не вернулись, другое счастье нашли, осели в дальних краях. А кто вернулся – в сёлах вдовы, солдаты да девки засиделые. Кругом разруха да голод. Рады любому... Мало их было, мужиков-то.

Вот и возгордились. Ох война, война... Бед-то сколь от ей, треклятой».

Шли годы. А время-то оно для кого врач, а кому ржа разрушающая, ненасытная. Но из всех чувств возымели над Фёклой материнские. Детей поднимать надо, одной-то не совладать. Игнат их не обижает, в доме достаток, водкой шибко не увлекается. А что до неё самой, сколько баб прошло через это – не первая она и не последняя. А мужик перебесится, успокоится, годы-то под уклон, а не в гору.

И не ждали беды. Только заболел Игнатушка и с больницы городской вернулся чужой совсем. Скандалил. Всё ему не так и не эдак. Так и оказалась Фёкла в сыновнем доме.

Подружки да соседки с неуёмным деревенским любопытством пытались узнать причину перемен в доме Молоканихи. Так её по-уличному звали. Игнат-то по фамилии Молоканов.

– Говорит, что я не женщины-на, – с трудом выдавила Фёкла в магазинной очереди непонятный, обидный упрёк мужа.

– Фу ты, ну ты, лапти гнуты! Во даёт Молокан! На себя-то не посмотрит... Прынс плюгавый! Ведь плюнуть да растереть. А туда же...

– Вот ведь кобелюка!

Другие словцом покрепче выразились. «Хвост»-то выстроился в сельмаге исключительно бабий, солидарный с Фёклой. Корили Игната. Но признавали и другое – не поскупилась природа, одарила его долговечной мужской силой. Она, звонкая, жилистая, шалая, пела в нём. Он и ходил-то не как калеки, прихрамывая, припадая по-утиному на больную ногу, а подпрыгивал. Будто на каждом шаге пытался оторваться от земли и взлететь. Помогали ему не по-старчески крепкие руки. Всё ж решили, что «взбрыкнул» старик, отгадет скоро.

Ан не оттаял. Планы у Игнатушки были «сурьёзные», на крутые перемены в жизни. Ровно через неделю остановился перед его избою старенький ГАЗ-53, гружённый домашним скарбом. Из кабины не без труда вылезла дородная дама лет шестидесяти. Выбежавший Игнат распахнул ворота...

На окнах дома Молоканихи красовались теперь другие шторы, в разноцветных ярких

попугайчиках. «Молодая» наводила порядок – трясла половики, на заборе жарилась под солнцем привезённая ею брачная перина.

Новость удивила село. Вот те раз, познакомился старый Молокан в больнице с городской. Да не просто для прогулок и разговоров. В дом пригласил, уж с месяц живут. На людях редко кажутся – всё за забором и за занавесками. А ежели выходят – плывёт молодуха павою. На голове тюрбан из яркого платка, топорщится из-под него безжизненная обесцвеченная чёлка. Пылает на тонких губах яркая помада, угольно чернеют на запудренном лице кустистые брови, узкие глаза обрамлены голубой тенью. Пышной опарой выпирает из-под глубоко декольтированного платья белое веснушчатое тело.

– Вон каку отхватил! – шептали бабы вслед новоявленной чете. – Даже на ногтях у ей покрашено! Молокан-то спроть ей таракан!

– Гала её звать. Знакомилась, – хвасталась соседка. – Интересна женщина. Полна шифонерка нарядов! А духов-то сколь... как в сельпе.

– Срамота! Ни стыда, ни совести! – возмущались другие.

На том и расходились по своим дворам – некогда ласы-то точить. Только неделю спустя та же самая очарованная Галой соседка, баба Маня, взопревши от бега и волнения, появилась на пороге дома Ивана. Повела, заикаясь и пропуская слова:

– Отец-то... Игнат-то... сосед-то мой... Чавой-то неладно с ём...

– Чё стряслось-то? Чё мямлишь-то?

– Да орёт, как режут яво. Орёт и орёт...

– Дык месяц ме-до-вай... Знамо дело, – усмехнулся Иван в порывавшие от табака пышные усы. – Сами молодые были. Да, мать?

– Шуткуешь. А ведь он ноне орёт, вчерась орал и давеча слыхала. Попроведевал ба отца, – не унималась старушка. – Заболел, можа...

– Дык это не к нам. В «Скорую помощь»! – отрезал Иван.

Отрезать-то отрезал, а сердце сыновье взволновалось. Понесли его ноги по неостывшим следам бабы Мани к отчому дому. За глухим забором – неясная возня, пыхтение,

потом шлепок и тонкий, сродни стону, визг. Утробный, мученический, явно указывающий на истязание живого существа. Иван с грохотом распахнул калитку. Посреди двора на скорчившемся, стоящем на четвереньках Игнате грозно восседала Гала, держа в руках ковровую выбивалку. Не помня себя, отшвырнул Иван дородную молодуху, поднял отца и на руках, как младенца, внёс в избу.

– Измывалась, шоб подписал дом ей да пенсию отдавал. Разводися, всё требула, да разводися... А как жа вы-то? Горбатились для ей, что ля? – жаловался Игнат, охая и кряхтя.

Уже вечером Гала отбывала домой в грузовике, нанятом Иваном. Им же были зло и наспех заброшены в кузов вещи несостоявшейся жены отца. Лишь фикус в кадке вынесен был бережно и блестел лопушистыми, сочными листьями. Лицо молодухи было красно то ли от жары, то ли от стыда и бранных слов провожающих, а собралось таковых почитай полсела.

– Аферистка известная, города ей уже мало, на село перешла. Не одного мужика облапошила. Охотится на одиноких и таких, как Молокан, кому бес в ребро на старости лет. Шука, хищница алчная, – запоздало делилась с сельчанами горожанка Ксения, гостившая у матери. Но кому нужна была теперь та правда?

Только к Покрову согласилась Фёкла воссоединиться с мужем. Пока мужчины парились в баньке, пришла, прибралась, затопила печь. Весело отстреливали огненными искрами берёзовые поленья, наполняя дом тёплым уютным духом, вкусными запахами томящихся на плите щей, пропечённой до шоколадной корочки тыквы, ароматных румяных плюшек, влажных от растаявшего сахара.

– Как заново родился! – появился на пороге Игнат. – Прогрел кости. Ух, хорошо!..

– Ну и проходи, вечерять будем.

За столом выпил Игнат рюмочку перцовки, смуглые щёки покрылись лёгкой испариной. Он ждал упрёков, слёз. А тут – будто не было ничего. А ведь как виноват, старый дурень! Ранил-то как её, сердце её золотое, доброе, любящее, прощающее, долготерпимое. Вспомнил, как не смыкала она глаз у детских кроваток, как

выхаживала его самого. Маялся опосля войны и ногами, и спиной. Так сразу приведёт Фёкла медичку и кружится возле – то компресс, то натирку, то травку каку отварит. Взбаламутит всех детей, чтоб лучшие лекарства достали. Сядет на табуреточку, поглаживает его руки:

– Не полегче тебе, болезный мой?

А ему и легче. Что было бы с ним, если б не её забота? Любила, жалела, а взамен что? Грешен перед ней, как грешен! А ведь любил-то только её одну! Она единственная отрада в его жизни, её свет, самая родная. Нет ближе на всей земле. Только тут, дома, хорошо ему и спокойно, только в этих стенах. Сейчас он скажет ей эту чистую мужскую правду, очистит грешную душу свою светлым покаянием. Сейчас, вот сейчас...

Слёзы потекли по его лицу. Нежданные, тихие, они скатывались тёплыми живыми росинками, задерживались в глубоких морщинах, следах-отпечатках прошедших лет,

наполняя их серебристой влагой. Будто медленно таяла внутри Игната восковая свеча, подогреваемая неведомым огоньком.

– Ты што, дед? Сомлел, смотрю, опосля бани. Полежи поди... Постелила уж тебе чистое.

Игнат потянулся к ней, уткнулся головой в мягкое, тёплое, родное. Мелко тряслись от рыданий его худые плечи:

– И-их, Фёк... ла, лю... лю... одну. Одна, един... един... – собрал голос, потерявшийся, застрявший в сухой, саднящей гортани, – прости, Хри-ста ради, за всё... прости...

А Фёкла выплакала давно свои слёзоньки. Сухи глаза, да полно сердце... Любовью, жалью бабьей безграничной, мудростью? Бог ведает чем...

– И ты прости. Жисть-та большая. Ну всё, всё... Расквасилси совсем, как малой... Будя тебе, дед, будя... Знамо, намучилси... Будя...

Любовь СКОРОБОГАТКО

Художник: Леонид Павлович Баранов

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

ЗАПИСКИ ОЧЕВИДЦА

5 МАРТА 2018 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 65 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ САМОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ФИГУРЫ XX ВЕКА – ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА, ПОХОРОНЫ КОТОРОГО СТАЛИ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ТРАГИЧЕСКИХ СТРАНИЦ В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТОЛИЦЫ – МОСКВЫ.

Сталина я видел два раза: живого на трибуне мавзолея 7 ноября 1952 года во время демонстрации и ровно через четыре месяца, 7 марта 1953 года, в зале Дома Союзов, где был выставлен гроб с телом «отца всех народов».

1952 год. Я успешно окончил 4-ю мужскую среднюю школу в Виннице, и родители, которые мечтали, чтобы их сын стал инженером, продав остатки былой роскоши – старую мамину шубу – отправили меня в Москву поступать в институт. Я и мои одноклассники Виля Фэдык и Боря Коган ещё в школе меч-

тали поступить в Московский энергетический институт им. Молотова. Поехали вместе, но документы в приёмную комиссию МЭИ подал только Виля. Он окончил школу с медалью, папа его – начальник областного земельного управления, член бюро обкома партии – был в Виннице не последним человеком. Жили они довольно зажиточно, и Вилю не смущало то, что в первый год обучения не всем первокурсникам предоставляли общежитие и надо было снимать квартиру. Мы себе такого позволить не могли. Конкурс в МЭИ оказался

больше, чем мы ожидали. Кроме того, для поступления в этот престижный вуз надо было пройти через жернова строгой мандатной комиссии. Вилю и это не волновало, а нам, владельцам непрестижного в те времена «пятого пункта» в паспорте, не было смысла даже пытаться. Мы с Борисом отправились колесить по Москве в поисках подходящего для нас варианта.

Это был МЭМИИТ (Московский электромеханический институт инженеров транспорта). Конкурс 1,5 человека, абитуриентов сразу поселяют в общежитии и при поступлении гарантируют сохранение места. Это нас устраивало, и мы подали документы. Теперь такого института нет, он влился в МИИТ (Московский институт инженеров транспорта), и сейчас это один большой Московский государственный университет путей сообщения. В институт мы поступили. В школе я в последних классах увлёкся лёгкой атлетикой, пытался прыгать с шестом, прыгнул на 3 м 10 см. Заведующий кафедрой физкультуры сказал, что это неплохо, и ввёл меня в сборную института по лёгкой атлетике. Сейчас, когда прыгают на 6 метров, эта высота кажется смешной, но тогда, когда не было фиберглассовых шестов и все прыгали на бамбуковых, знаменитый Николай Озолин в 1950 году стал чемпионом Советского Союза с результатом 4 м 20 см.

На первом собрании спортсменов сборной института завкафедрой заявил:

– Сейчас вся страна готовится торжественно отпраздновать 35-ю годовщину Великой Октябрьской революции. А это юбилейная демонстрация, и все ожидают Сталина на мавзолее. Готовят большую колонну спортсменов Москвы. Нам предложили принять участие. Это почётная, ответственная и довольно нелёгкая работа. Будут длительные и, скажу откровенно, тяжёлые тренировки, в основном в ночное время, будет очень непросто. – Он внимательно посмотрел на нас и после небольшой паузы продолжил: – Но есть и плюсы. Колонна будет проходить в непосредственной близости от мавзолея, и вы хорошо сможете рассмотреть всех наших вождей. Это, я думаю, серьёзный аргумент. И, что немало-

важно, всё, во что вас оденут: белые брюки, свитер и чешки – после демонстрации останется вам, бесплатно. Решайте. – Завкафедрой закончил свою речь и окинул нас вопрошительным взглядом.

О чешки! Чешки убедили всех, не оставив сомневающихся. Чешками в конце 1950-х в Москве стали называть модные кожаные тапочки без каблучков, и каждый молодой человек мечтал их иметь. Чешки в то время – это то же самое, что фирменные кроссовки сегодня.

И начались изнурительные тренировки. Сначала нас целый месяц по два раза в неделю возили на ночные тренировки в Тушино. Учили правильно ходить и выполнять специальные упражнения. Затем были ночные репетиции на Красной площади и в конце – генеральная, в костюмах.

7 ноября в 8 часов утра мы собрались в заранее установленном месте на Манежной площади. Организаторы парада физкультурников заметно нервничали, бегали вдоль колонны, о чём-то нас предупреждали, требовали вспоминать упражнения, куда-то убегали и прибегали вновь.

Поступила команда начать движение. Колонна вошла на Красную площадь. Подходя к мавзолею, я внимательно смотрел на трибуну, искал Сталина, видел всех «вождей», но именно его найти не мог. Все кричали: «Вот ОН! Вот ОН!» – а я ЕГО не видел. И только когда мы остановились напротив мавзолея и начали выполнять те самые упражнения, я наконец нашёл того, кого искал. Между Будённым и Ворошиловым стоял небольшого роста усатый человек в армейской шинели, и это был ОН, «наш вождь и учитель, великий Сталин». Я смотрел на него и боялся что-то напутать, выполняя упражнения.

* * *

В следующий раз я увидел Сталина лежащим в гробу в Доме Союзов. Похороны «отца всех народов» – грустная и трагическая история. Вождь умер 5 марта. На следующий

день никто на лекции не пошёл, все собрались в просторном дворе института. Ректор, обращаясь к нам, сказал, что, согласно распоряжку, мы должны спокойно и организованно к 12 часам прийти к Дому Союзов. И мы пошли. Впереди ректор и профессорско-преподавательский состав, за ними большая колонна студентов института. Спокойно дошли до Столешникова переулка. Остановились. Ждали, когда распорядители позовут нас и проведут к Дому Союзов. Простояли часа три-четыре, никто никуда никого не позвал. И вдруг паника – со стороны улицы Горького через ограждение из грузовых машин прорвалась толпа. На нашу колонну быстро надвигалась густо спрессованная людская масса. Мы слышали последнее взволнованное указание ректора. Надрывая голос, он пытался перекричать несмолкающий гул толпы:

– Ребята, очень прошу вас, будьте осторожны, не рискуйте и расходитесь по домам! Берегите и спасайте девушек!

Но возможности предпринять что-нибудь уже не было. Наша колонна и прорвавшаяся толпа соединились и превратились в один неуправляемый людской поток. Нас приподнимало и передвигало на несколько метров то в одну, то в другую сторону, в зависимости от того, с какой стороны напор был сильнее. Выбраться из этой мясорубки было невозможно, а прижиматься к стенам домов – опасно. Как я выбрался из этого страшного месива, не помню, мне показалось, что я на какое-то время терял сознание. Очнувшись в небольшом дворике, здесь было относительно свободно. Думаю, мне повезло, толпа каким-то непостижимым образом выдавила меня в это безопасное место. Меня тошнило.

«Всё, на сегодня хватит, – подумал я, – ректор прав, надо пробираться к общежитию».

С большим трудом мне удалось пробиться из устья толпы к её истоку, где было немного свободней. Пешком, голодный и измученный, я без особых приключений к вечеру добрался до общежития. Напротив общежития – большой автобусный парк. По вечерам, ближе к ночи, там ежедневно начинают собираться автобусы со всей Москвы. Всю ночь

назойливый шум моторов и скрежет тормозов постоянно сопровождали беспокойный сон студентов. Но сегодня стояла необычная тишина. За бетонным забором почти не было видно автобусов, видимо, все они были задействованы в нынешнем трагическом мероприятии и в парк вернутся не скоро. Сейчас студентам уже ничего не мешает спокойно спать – автобусного парка там больше нет. На его территории и в цехах не так давно открылись замечательный еврейский музей и центр толерантности.

Наконец я добрался до своей комнаты в общежитии. Моё появление вызвало радостный крик сидящих за столом. Это были мои друзья, с которыми мы вместе шли в студенческой колонне и потеряли друг друга в Столешниковом переулке. Они выбрались из толпы раньше и теперь сидели у меня в комнате, обсуждая варианты, где я и что со мной могло случиться. Перебивая друг друга, стали рассказывать, что нам пришлось испытать и как удалось выбраться из этого ада, а затем обсудили, что делать завтра. Решили повторить попытку, а пробиваться к Дому Союзов теперь самостоятельно по маршруту, который объявили власти Москвы по радио. А пока надо было выспаться, хорошо отдохнуть. И все разошлись по своим комнатам.

* * *

По предлагаемому маршруту надо было идти к Трубной площади. По мере приближения к площади людской поток на улицах постоянно возрастал, но было относительно свободно, никто никого не толкал, и это вселяло определённую надежду и оптимизм. Так мы дошли до Самотёки. Обстановка резко изменилась. Люди, которые со всех сторон подходили к Самотёке, постепенно спрессовывались и, напирая, начали вдавливать нас в людское месиво, которое неподвижно стояло на скользкой, резко идущей вниз улице. Нас вновь разделили, и было件нятно, что в этой страшной толчее мы уже не сможем воссоединиться. Но это людское месиво совсем не было неподвиж-

ным. Как в мистическом танце африканских племён, вся эта спрессованная масса медленно в определённом ритме перемещалась на метр то в одну, то в другую сторону. Это продолжалось довольно долго. Наконец появились признаки какого-то движения. Толпа продвинулась на несколько метров. Неожиданно недалеко от меня, как результат внезапно начавшегося движения, образовалась пустота в виде большой воронки. Туда, лишившись опоры, как в водоворот, провалилась молодая женщина. Кто был рядом, попытались её удержать, но воронка так же быстро, как образовалась, плотно закрылась под напором людской массы. Неуправляемая толпа начала движение, и её уже было не остановить. Помочь бедной женщине было практически невозможно. Какое-то время мы слышали душераздирающий крик пострадавшей, затем наступила тишина, и стало очень страшно.

– Не дай Бог так нелепо умереть. И ради чего? – пробурчал пожилой мужчина, прижатый ко мне. – Зачем всё это, зачем? И кто мне скажет, что я здесь вообще делаю?

Я посмотрел в его сторону. Мужчина не обращал на меня никакого внимания, продолжая бурчать что-то себе под нос.

«Ради чего? Ради чего? Что тут не ясно? Конечно, ради НЕГО! Ради кого ещё?» – подумал я, не решаясь даже в уме назвать его имя.

Толпа медленно продолжала движение. Я шёл и постоянно думал о бедной женщине. Ведь то, что произошло именно с ней, случайность. На её месте мог оказаться любой, в том числе и я. Мне стало не по себе. Может быть, прав тот мужчина, надо было сидеть в общепитии и не лезть на рожон? Нет, это глупые мысли! Ведь умер ОН, наш «великий вождь и учитель», умер тот, без кого мы теперь не

знаем, как жить дальше. И не отдать ЕМУ последний долг нельзя!

От этих мыслей меня отвлекли молодые люди на крышах многоэтажных домов. Одни передвигались по крыше в направлении движения колонны, другие – в обратном направлении.

– Что они там делают? И почему идут в разные стороны? – вслух подумал я.

– Всё предельно ясно, молодой человек! – громко произнёс мужчина в армейском кителе без погон. – Одни хотят обойти нашу толчею и быстрее пробраться к голове колонны. Эти идут с нами в одном направлении и решили схитрить. А те, что движутся в противоположном, решили, наверное: правильно не испытывать судьбу и вернуться домой. Я их понимаю, здесь опасно, они испугались. Всё очень просто.

– Вы очень уверенно говорите, будто они поделились с вами своими планами. А если это не так, а если вы ошибаетесь?

– Бывшие разведчики не ошибаются, – отрезал мужчина в кителе и отвернулся.

– Люди... посмотрите, что он делает? – закричал кто-то из толпы.

По склону крыши, набирая скорость, на спине скользил молодой человек, приближаясь к опасному краю. Он пытался руками схватиться за выступающие швы металлической крыши, но ничего не получалось. В конце ему удалось немного притормозить, молодой человек на секунду замер и сорвался вниз. Падая, он задевал то головой, то ногами ограждения балконов. Его крутило, и он, издавая страшный крик, упал на людей, которые шли по тротуару, и замолк. В голове промелькнуло: «Вот и ещё один!»

Мы не успели пройти по Самотёке и пятидесяти метров, как уже два несчастных случая. Что же будет дальше? А дальше было ещё хуже. Итог страшный. Некоторые источники утверждали, что только в районе Трубной площади за время похорон было растоптано 400 человек.

Из головы не выходили слова мужчины из толпы: «Зачем всё это? Зачем? И ради чего?»

Продвигались мы очень медленно. Надеяться на то, что сегодня попадём в Дом Союзов, бесполезно. Я решил выбраться из толпы и попытаться самостоятельно пробиться поближе. Сделать это оказалось нелегко, но мне удалось, и через два часа я оказался в густой толчее на улице Чехова, в десяти метрах от выхода на площадь Пушкина, заблокированного машинами ЗИС-150. На самой площади было относительно свободно. Туда со всех примыкающих улиц периодически выпускали определённое количество людей, которых затем в организованной колонне достаточно спокойно пропускали к Дому Союзов. На площади было много автобусов – можно согреться и отдохнуть, надо только ухитриться на эту площадь попасть. Но это не всем удавалось. А на подходах к площади продолжали давить и топтать людей, и не было такой силы, которая могла бы усмирить неуправляемую толпу.

Непродуманное, часто поперёк улиц, расположение грузовиков ЗИС-150 и ЗИС-151, с помощью которых в день похорон пытались регулировать потоки людей, стало одной из причин трагической давки.

Одиноким милиционеры, добросовестно желавшие как-то повлиять на создавшуюся обстановку, пытались что-то предпринять, часто безуспешно. Рассказывали, что в одном спрессованном людском потоке на машину вскарабкался милиционер и стал кричать: «Куда вы идёте, там людей вынимают из толпы без позвончиков!»

Некоторые прислушивались и уходили домой. Но, к сожалению, таких было очень мало.

В толпе на улице Чехова, зажатый со всех сторон, я простоял около двух часов.

– Как вас зовут? – обращаясь ко мне, спросила девушка, которая довольно плотно была прижата к моему правому боку.

– Марик, – от неожиданности сразу ответил я.

– Марик, Марик! А откуда вы приехали, Марик?

– А с чего вы взяли, что я приехал? Может, я москвич?

– Не может!

– Интересно почему?

– А потому!.. Мы, Марик, уже два часа стоим, прижавшись друг к другу, а вы даже не попытались со мной познакомиться. И, я заметила, когда напирала толпа, вы смущались и пытались смягчить наши прикосновения, а москвич, я уверена, не упустил бы такой возможности облапить меня. Вот почему вы, Марик, приезжий! А меня зовут Лена, вот я – москвичка, коренная. Я родилась в Москве, у меня мама и папа родились в Москве, у меня все мои бабушки и все мои дедушки тоже родились в Москве. Но московских ребят я не люблю, они самоуверенные и очень наглые.

По толпе прошла волна, она колыхнула рядом стоящих людей и развернула Лену лицом ко мне.

– А я хочу быть артисткой. Вот закончу десятый класс и поступлю в Щепку. Это училище такое, где готовят артистов. Как вы думаете, получится из меня артистка?

– Я думаю, получится! Все артистки красивые, а вы очень красивая, – выпалил я и, мне показалось, сильно покраснел. Лена замолчала и закрыла глаза. Я боялся пошевелиться. Лена открыла глаза и пристально посмотрела на меня.

– Марик, знаете что, товарищ Марик, пригласите меня на свидание. Не сейчас, конечно, потом, дней через десять, когда всё успокоится.

Неожиданно сзади сильно надавили, и нас начало прижимать к машинам заграждения. Какая-то волна прошла по толпе и оторвала Лену от меня. Она оказалась непосредственно около машин. Между нами было метра три. Лена посмотрела в мою сторону и помахала рукой.

Сзади напирали. Давление было такое, что впереди стоящих людей начало плотно прижимать к машинам. Напор нарастал. Не успевших залезть под машины прижимало грудью или лицом к кузовам машин. Среди дикого крика несчастных людей отчётливо слышался треск ломающихся досок и человеческих костей. Стоящие на машинах солдаты пытались вытащить окровавленных людей в кузов. Я увидел Лену. Двое солдат с силой

пытались поднять окровавленное безвольное тело с неестественно прижатой к груди головой, из носа, рта и ушей Лены мелкими струйками стекала кровь.

Кто-то догадался открыть небольшой проход, и нас с силой, как пробку из горлышка, выбросило на разряженное пространство площади. Напор толпы был такой, что приходилось чуть ли не бежать. Я боялся одного – упасть. Через несколько секунд мы уже были метрах в пятидесяти от машин. Остановиться было невозможно, толпа несла нас дальше. Какой-то важный генерал, которого все слушались, дал указание во избежание столпотворения пропустить нашу колонну без остановки сразу на улицу, ведущую к Дому Союзов.

Мы за полминуты прошли мимо гроба «вождя всех народов». Играла тихая музыка, а в почётном карауле стояли какие-то военные. Опустошённый, я вышел на улицу и пошёл домой. Было непривычно тихо и свободно. Я вспомнил окровавленную Лену и заплакал.

Через десять дней, на что-то надеясь, я купил цветы и пришёл к памятнику Пушкину, где мы с Леной договорились о встрече. Два часа просидел на холодных ступеньках постамента. Пошёл к месту, где в тот роковой день стояли машины, положил на землю цветы и медленно пошёл к метро. Я не знал, погибла Лена или её спасли врачи, но твёрдо понимал, что этого я теперь никогда не узнаю.

«Конечно, ОН великий человек, – думал я, – ОН наш вождь и учитель, ОН гений и отец всех народов, но что за средневековый обычай и почему, когда умер один, должны умереть и быть покалеченными тысячи хороших людей?»

* * *

Число погибших на похоронах Сталина было засекречено, не опубликованы эти данные и сегодня, но из разных источников часто всплывают страшные цифры – две-три тысячи человек. **А**

Марат БЕНДЕРСКИЙ

ВОЙНЫ РАБОЧИЕ

С Томском меня связывает многое – диплом инженера-строителя, свадьба, внук появился на свет в роддоме № 1. Семья моего дяди Иосифа Алексеевича Мизгирёва проживала на улице Гагарина.

В детстве я, бывая у дяди, много времени проводил с двоюродным братом Володей Мизгирёвым. Ходили купаться в Лагерный сад, смотрели футбол, сами мяч пинали, первый хоккейный матч команд мастеров я увидел здесь же. С тех пор спортивную прессу ежедневно читаю. До сих пор болею за ЦСКА, потому игры армейцев в Томске не пропускаю.

Вот и в этот раз приехал на игру. «Томь» предсказуемо проиграла. Потом брат отдал мне архив дяди.

С дядей и в детстве, и в молодости мы много разговаривали, с тех же юношеских лет я уже стремился быть похожим на него.

Даже собирался стать журналистом, правда, спортивным. Журналистом не стал, стал инженером-строителем. Профессия вроде одна из самых мирных, но и мне пришлось поучаствовать в войне – войне в Афганистане.

И вот теперь, уже на пенсии, пробую отдать дань уважения невыдуманному герою. Мы о войне с ним никогда не говорили. Понятно почему – чем дальше от войны, тем больше фальши.

А фальшь Иосиф Алексеевич на дух не переносил. Поэтому в этом коротеньком рассказе о нём так много выдержек из документов:

Слева: Иосиф Алексеевич Мизгирёв и Мария Алексеевна Сухачева – брат и сестра. Асино.
Справа: Виктория Яковлевна Мизгирёва и Иосиф Алексеевич Мизгирёв со мной. Асино

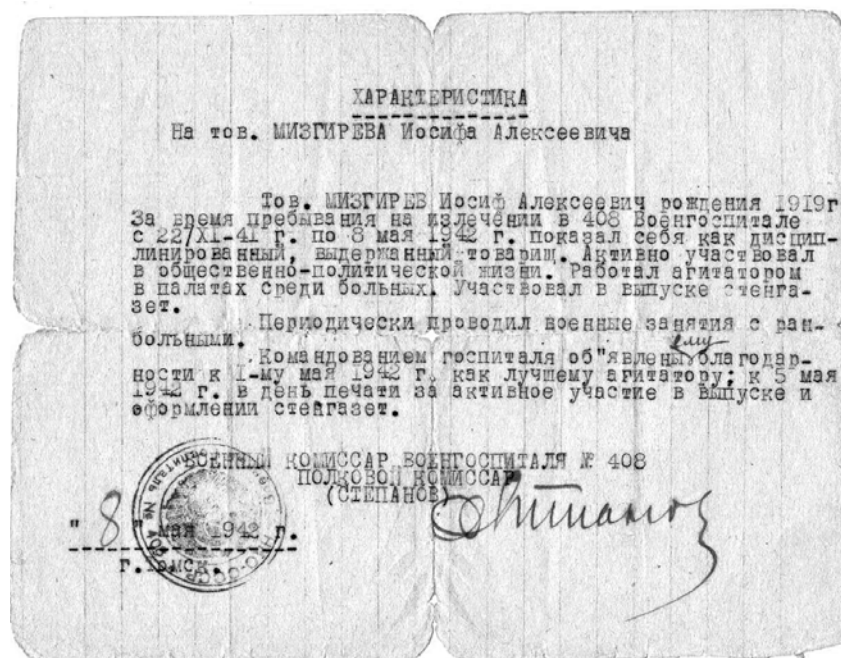
«Политрук Мизгирев Иосиф Алексеевич участвовал в боях с немецкими захватчиками с VI-1941 г. по X-1941 г. в составе 400 артиллерийского полка, 18 гвардейской стрелковой дивизии. В боях за город Калинин 17-X-41 г. был тяжело ранен осколком в левую руку с последующей её ампутацией по локоть. Вследствие чего получил инвалидность 3-й группы» (орфография наградного листа сохранена).

Такие тогда были политруки, повторюсь, имели обыкновенные жертвовать всем, включая жизнь. Ничего не требуя взамен.

Казалось бы, получил увечье, дальше – чего уж проще? Лечись, пей горькую, по обыкновению, качай права на тему: «...Я кровь мешками проливал!»

Но Иосиф Алексеевич права не качал, ему хотелось трудиться, и трудиться хорошо.

Военный комиссар военного госпиталя № 408 полковой комиссар Степанов 8 мая 1942 года вот так его и охарактеризовал:

«Тов. Мизгирев Иосиф Алексеевич рождения 1919 г. за время пребывания на излечении в 408 Военгоспитале с 22/XI-41 г. по 8 мая 1942 г. показал себя как дисциплинированный, выдержанный товарищ. Активно участвовал в общественно-политической жизни. Работал агитатором в палатах среди больных. Участвовал в выпуске стенгазет.

Периодически проводил военные занятия с ран-больными.

Командованием госпиталя объявлены ему благодарности к 1-му мая 1942 г. как лучшему агитатору; к 5 мая 1942 г. в день печати за активное участие в выпуске и оформлении стенгазет» (орфография оригинала).

Иосиф Алексеевич более тридцати лет трудился в редакции томской областной газеты «Красное знамя». Нередко его фамилия появлялась на месте подписи редактора; много лет он проработал в газете заместителем редактора. Он был из тех, кто имел обыкновение всем, включая жизнь, жертвовать во имя общества, ничего не требуя взамен.

Сошлюсь ещё на один документ – наградной лист от 27 декабря 1945 года, подписанный томским горвоенкомом гвардии майором Гребенем:

«Политрук Мизгирев Иосиф Алексеевич достоин представлению к Правительственной награде орденом "Отечественная война второй степени"» (орфография оригинала).

Награда, ясное дело, не одна, есть и орден Красной Звезды, есть и медали, но главное – он был настоящим человеком. Везде и всегда стоял за справедливость.

Он не бросил на произвол судьбы младших сестёр. Отыскал и мою маму. А ведь не отыщи он её, как знать, появился бы и я на свет?

Несколькими строчками В. В. Липатов в последнем своём автобиографическом романе «Лев на лужайке» очень точно описал характер дяди, выведя его в образе Ивана Иосифовича Мазгарёва:

«...Что касается меня, то, как выражаются, истинных друзей у меня было мало, а начистоту, у меня их не было, друзей-то! Их замечали приятели, сообщники,

Редакция газеты «Красное знамя» (Томск), слева направо:
Ю. Щербинин, В. Марьин, А. Новосёлов (редактор
газеты), К. Багаева, Р. Романов и И. Мизгирёв

В редакции газеты «Красное знамя» (Томск):
В. В. Липатов, Б. Р. Бережков, И. А. Мизгирёв

товарищи, временные попутчики – так я стремительно двигался вперёд и вверх. Если спросите, кого бы я хотел иметь другом, отвечу: Ивана Иосифовича Мазгарёва – заведующего отделом пропаганды газеты "Знамя"...

...Как это ни расходуется с моим пониманием дружбы, но Иван Мазгарёв мог быть моим другом, единственным и нужным другом до конца жизни. Он бы мне говорил правду – это и есть единственное достоинство дружбы. Уметь говорить правду друг другу, всегда говорить правду, правду, правду и ничего, кроме правды. Такого друга Никите Ваганову не хватало всегда...»

Иосиф Алексеевич не только всегда говорил правду, но всегда же и поступал по правде.

Томск, пересечение проспекта Ленина и улицы Гагарина. На перекрёстке буйствует то ли опившийся, то ли обкурившийся бандюган. Кидается на людей с хоккейной клюшкой наперевес. Прохожие испуганы и растеряны, это добавляет хозяину жизни наглости, он продолжает свирепеть. Дядя Иосиф уже на пенсии, инвалид к тому же, но именно он остановил распоясавшегося хулигана. Ему достался удар клюшкой.

Стало одним шрамом на лице больше. Но случись ситуация ещё сто раз, Иосиф Алексеевич сто раз поступил бы так же. Гвозди бы делать из этих людей!

Умер Иосиф Алексеевич от инфаркта, не дожив три дня до своего шестьдесят девятого дня рождения...

Ветеран Великой Отечественной войны Василий Тихонович Шиховцов родился 15 января 1924 года в селе Комариха Шипуновского района Алтайского края. Он дед моим детям.

Его главные университеты – семь классов в родной деревне да ремесленное училище в Эстонии на базе промышленной артели.

Удивляться погодите, Эстония – не нынешнее государство, а село в Алтайском крае. Артель выпускала один токарный станок в сутки.

Если сравнивать течение жизни человека с рекой, то детство, отрочество и юность можно представить истоками, воды которых при слиянии образуют реку, реку

Катя, Василий Тихонович, Ира и Вова. Дед и внуки

жизни. Бурные истоки – бурная река? Далеко не всегда, как и в природе. Но в случае с Василием Тихоновичем неспокойная юность оказалась предтечей такой же неспокойной, насыщенной жизни.

Из той же юности – развитое чувство долга и исключительное трудолюбие. Оттуда же – простота и деловитость в общении, тактичность, готовность в любую минуту помочь словом и делом.

Готовность редкостно безоговорочная и безусловная, ободряющая и воодушевляющая. Самой высокой радостью в жизни для Василия Тихоновича Шиховцова было чувствовать себя нужным людям.

В восемнадцать его призвали в ряды Советской армии. С 20 июля 1942 года он курсант Рубцовского во-

Сидит справа В. Т. Шиховцов

Германия, 1945 год, в/ч 62319. В. Т. Шиховцов во втором ряду, шестой слева

Младший сержант Василий Тихонович Шиховцов.
Германия, 1947 год

енно-пехотного училища. А 23 февраля 1943 года выпускников направили на фронт.

В Москве случилась долгая остановка. Потому только 11 апреля 1943 года сибиряки оказались в действующей армии. Василия Тихоновича определили во взвод ПТР первого батальона 780-го стрелкового полка 53-й армии Степного фронта.

5 июля 1943 года батальон выдвинулся на фронт, заняв третью линию обороны в районе станции Кшень (Курская дуга). Немецкие войска атаквали в направлении города Орла. Но уже 18 июля началось наше контрнаступление, в ходе которого Василий Тихонович подбил несколько вражеских танков.

Но вот один из боёв чуть не закончился фатально для него самого – очередь немецкого автоматчика прошла его насквозь. Наверное, он родился в рубашке, потому как жизненно важные органы, да и кости задеты не были.

Повезло.

Потом был госпиталь, где его отыскала медаль «За боевые заслуги».

После длительного излечения в госпитале города Скопин, что в Рязанской области, в октябре 1943 года Василия Тихоновича определили в запасной полк.

Основание – вердикт медиков: *годен к нестроевой*. Так Василий Тихонович оказался на 1-м Белорусском фронте, в

отделении ГСМ войсковой части 62312. С ней вошёл в Германию и встретил победу.

Война закончилась, а служба – нет. 17 июля 1945 года обслуживали автомашины Потсдамской конференции, да и потом работы было хоть отбавляй.

Людей не хватало, и каждому солдату приходилось осваивать по пять-шесть специальностей. Нагрузка оказалась настолько велика, что разошёлся шов старой раны.

И снова госпиталь, операция. А в 1948 году В. Т. Шиховцов перенёс ещё одну операцию. Потом обучал молодое пополнение.

Демобилизовался 20 июля 1950 года. После демобилизации Василий Тихонович приехал в родное село Комариха Шигуновского района. Женился на Марии Георгиевне Рожковой. Вскоре семья переехала в Рубцовск. Работал токарем, воспитателем общежития, мастером на АТЗ. А с 1958 года трудился мастером производственного обучения в Рубцовском машиностроительном техникуме.

С 1962 года Василий Тихонович – бессменный член местного комитета техникума. Неоднократно избирался его председателем.

В 1972 году его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

В 1984 году ушёл на заслуженный отдых. С Марией Георгиевной вырастили двух дочерей – Нину и Олю, которые подарили ему трёх внучат – Иру, Вову и Катю.

А что ещё нужно для счастья?

Вот я попытался рассказать о двух людях, которые сыграли немалую роль и в моей жизни. Время фронтовиков ушло вместе с ними? Нет, они живы, и не только потому, что смотрят на нас с фотографий, люди ведь живы до тех пор, пока их помнят. **А**

Александр СУХАЧЁВ,
город Рубцовск, Алтайский край

Мария Георгиевна и Василий Тихонович с детьми – Ниной (справа) и Олей

Елена КОРУНОВА

Венский лес

I

РАССКАЗ

– Здорово, браток! – обычно приветствовал меня дед.

Я заставлял его всегда в одной и той же позе, сидящим на своём промятом топчане. Руки, обычно скрещённые на груди, поджатые под себя ноги в кожаных шлепанцах, а его лицо... Бесчисленные морщины, смуглая, словно закопчённая, кожа напоминали мне шершавую кору старого вяза, растущего недалеко от крыльца. Глядя на него, я не мог представить деда молодым и, конечно, не видел ничего схожего с фотографией в углу над стареньким радиоприёмником. Впервые о том, что этот молодой солдат со строгим, уверенным взглядом – мой сморщенный дед, я узнал от отца.

Дед жил один в своём неказистом домике у старой разрушенной водокачки. От бывшего городского строения остались только

фундамент, кусок красной кирпичной стены и название окрестности. Я очень любил это место, загущенное сиренью, черёмухой, вишнёвыми и яблочными садами, здесь было где поиграть и попрятаться. Таинственная сказочная жизнь скрывалась в тенистых лабиринтах зелени. Гладкие и тёплые от солнца камни казались живыми.

Возле дедова дома, словно былинный витязь, охраняющий вход в подземелье, рос старый вяз с треснувшим тёмным стволом.

Любил я район водокачки, но не любил походы к деду. Каждое воскресенье я вспоминал, что у меня есть дед, каждое воскресенье я тащился к нему вытирать пыль и мыть пол. Это было моей повинностью. Старик не хотел жить с невестками, поэтому все три сына помогали как могли, по очереди.

Вот и сегодня, когда аромат сирени выдал стоек старческий дух сквозь распахнутые окна, когда манило на улицу шальное солнце, я почувствовал, как во мне закипает злость от его слов. Я нарочно безразличным тоном произнёс вместо приветствия:

– Сегодня только полы помою, мне на соревнования в двенадцать.

– А ну колись, что за соревнования. – Старик явно не замечал моего тона.

– Ежегодные, между школами, – я еле сдерживался, очень раздражала меня манера деда повторять мои же словечки.

– Так-так. Ну а по литературе-то сочинение переписал? – И, не дожидаясь моего ответа, продолжил: – Я не понимаю, ну как это не написать сочинение. Ведь вот я, бывало, с книжкой засыпал, мать ругается за свечку...

Ну всё, включил свою любимую пластинку про белого бычка. Теперь можно спокойно подумать о своём, например о Ленке Зыкиной из параллельного 7-го «А».

Я с автоматической точностью переворачивал стулья, помещая их на круглый стол посреди комнаты. С некоторых пор Ленка стала краснеть на глазах, и мой друг Сашка первый это заметил, теперь говорит, что влюбился.

– Дурак ты, Сашка, – вдруг вслух подумал я и, испугавшись, посмотрел на деда. Тот с упоением продолжал вспоминать про свою героическую учёбу.

Все его рассказы я знал наизусть. Особенно про то, как он был отличником и за это все девчонки его любили. И было это при царе Горохе. Эх, дедуля, сейчас всё по-другому. У нас в классе был всего один отличник – Андрюша Косой. Косой, понятно, кличка, из-за очков. Так вот, я точно знал: ни одной из наших девчонок он не был нужен.

– Ты чего молчишь, Митяня?

Я вернулся в реальность, и дед, оказывается, тоже.

– Я – ничего, слушаю тебя... Ты зачем семечки раскидал по полу?

– А я их вижу, что ли? Может, и рассыпал ненароком.

Это была ещё одна неприятная сторона: дед стал быстро терять зрение. Сначала, ког-

да нужно было делать операцию, он заупрямился и отказался, а потом уже было поздно.

В доме у него становилось заметно грязнее – он промахивался, выбрасывая сор, проливал чай, но я по-прежнему не верил. Старик так уверенно двигался по комнате и саду, что мне казалось – дед всех нас водит за нос.

Вот и сейчас неожиданно быстро он шаркал в своих шлёпках до меня и попросил:

– Я вот что, Митяня, кажись, медаль потерял. Ты бы поискал. Лидка-дурёха пиджак в химчистку носила, а медаль отстегнула. Вот тут где-то положила, в сервант. Я шарю, шарю и не найду.

Он смотрел куда-то мимо меня, маленькие глаза его, утонувшие в бесконечных складках морщин, слезились. Я повернулся к витрине старинного серванта, медаль лежала на месте, ну или почти на месте. Скорее всего, дед сам задвинул её подальше. Теперь и мне стало ясно, что дед слепыш.

– Вот она, медаль твоя. – Я взял в руки пятиугольную колодочку, обтянутую синеголубой лентой, и прочитал надпись на латунном кружке: «Тринадцатое апреля тысяча девятьсот сорок пятый».

– Ох, Митяй, обрадовал. Давай скорее на пиджак её.

– Давай. – Я знал, что дед воевал, но про войну он всегда говорил вскользь, без подробностей.

Я перевернул медаль, там было написано «За взятие Вены».

– Ты чего, в Австрии был? А в Берлине-то был?

– Не был я в Берлине, только в Вене. Понял? – Дед явно не хотел продолжать этот разговор.

Медаль была прикреплена к пиджаку, полы помыты, в комнате воцарился порядок. Наступила минута прощания, которую я всегда ждал и про себя называл «моментом истины». У деда был хороший обычай – давать мне мелочь на мороженое. Сегодня, наверное, в честь найденной медали дед решил меня побаловать. Я услышал шелест бумажной денежки.

– Вот, на тебе от меня. Хочешь – потратить, хочешь – в копилку положи. – Он держал в

руке две цветные бумажки, почти одинаковые по размеру, но очень разные по цене. – Твоя десятка, возьми, сам никак не разгляжу.

Я протянул руку и спокойно взял себе потёртые пятьдесят рублей. Дед сунул другую себе в карман.

– Отцу не говори, а потратить на дело.

– Спасибо, – крикнул я, прыгая с крыльца и по-дружески хлопая старый вяз. Ох, и радовался я, что так легко облапошил старика.

II

В тот же выходной деньги были почти полностью потрачены. После соревнований я угощал в кафе Ленку с подружкой. Сашка был в центре внимания, он острил, чем заслужил восторженные взгляды девчонок, а я бегал за новыми порциями молочного коктейля.

Потом мы все гуляли по набережной. Наконец Ленка благосклонно заявила, что её проводит Сашка, и они удалились. Я остался вдвоём с её подружкой, рыжей и толстой девочкой. Мы, не глядя друг на друга, попрощались и разошлись.

Радость от обмана с деньгами длилась недолго. На исходе выходного я уже жалел, что позарился на эти проклятые пятьдесят рублей. Так легко было взять их, так легко было потратить, но невозможно трудно было всё исправить. Я уговаривал сам себя, что дед и не заметил ничего, что у него денег куча, но это не помогало. Всю неделю я ждал воскресенья, ждал и боялся, что моя хитрость раскроется. Каждый вечер перед сном, закрывая глаза, я видел перед собой доверчивое морщинистое лицо деда с его невидящими, слезящимися глазами.

Меня совсем не занимали Сашкины рассказы про их с Ленкой первую любовь. Я рассеяно слушал его и кивал, иногда невпопад, но счастливый Сашка не замечал. Разве мог он понять мои мучения?

К выходному я уже ненавидел себя, мне казалось, что все в семье знают: я – обманщик. Наконец в привычный час я шагнул через порог старого дома, готовый к самому тяжёлому разговору.

– Здорово, браток. – Дед был верен себе.

Болтая с ним о пустяках, вглядываясь в тёмные борозды морщин, я пытался угадать его мысли. Наверняка дед откладывал своё разоблачение на последнюю минуту. Я представлял себе, как эффектно он обнаружит мою ложь, как нравоучительно произнесёт речь о чести и честности.

«Ну и пусть! Пусть это уже скорее произойдёт! Я повинюсь и всё верну, сэкономлю и верну, лишь бы не думать больше об этом», – крутилось у меня в голове. А между тем мой старик, кряхтя, поманил к себе, приглашая присесть.

«Вот и настал час расплаты», – театрально сказал я себе и опустил голову.

– Митяня, я вот всё думаю, – начал дед, – про войну-то я никому из вас не рассказывал, а вот как помру, кто же узнает, как со мной было там. Я ведь и недолго воевал, а хватило на всю жизнь. Ты медаль в прошлый раз нашёл и спросил меня про Вену, Берлин... Вот я и задумался. Решил тебе же и рассказать, – пояснил он.

III

– Мне отец говорил, ты танкистом был, – наверное, я сказал это слишком радостно: беда, кажется, миновала.

– Да, так уж вышло. На самолётах летать хотел и вначале поступил в школу пилотов, но нас, не спрашивая, – война, брат, – через месяц отправили в учебный танковый полк. Так и стал я механиком-водителем. Попал старшиной в гвардейскую танковую армию, уже в конце сорок четвёртого года.

Знаешь, Митяня, любил я свой первый Т-34, он ведь мне как друг был, с характером. – Дед замолчал и уставился куда-то в стену, словно там и стоял его любимец. – Наш был прямо с завода, и экипаж уже сколочен. Первый бой помню, но это была скорее стычка с немцами. Вот тогда и понял: танк слепой и глухой, если один.

На войне, внучок, страшно и тяжело. Всякое было... Ночи без сна, что с днями сливаются, да и всё время смерти ждёшь. Почти после

каждого боя хоронили своих ребят. А бывало, что и хоронить некого – от взрыва ничего не оставалось.

Дед пожевал, покашлял, и я вдруг увидел, как задрожали его тонкие губы, заволновались жилистые кисти рук.

– Тебе, может, таблетку какую принести. – Я совсем забыл про злосчастные пятьдесят рублей, выходило, дед просто не заметил подмены.

– Водичку подай, вон ту, что на окне стоит.

После он ещё и ещё хваливал свой Т-34, потом рассказал про своих ребят из экипажа. Перескакивая с одного на другое, дед перебивал сам себя, и я, увлечшись, неожиданно почувствовал себя там, на далёкой войне. Передо мной оживали картины фронтовых событий, и давно уже растворились и комната, и старый дом под вязом. Я смотрел на всё глазами своего деда, а старик, напротив, превратился в того, с фотографии, молодого и смелого танкиста.

Я точно был там, с ним, и именно я, задыхаясь от гари, вёл машину, сотрясаясь всем телом от выпущенного снаряда. Это у меня перехватывало дыхание от страха, что танк остановился, потому что вторая болванка попала в каток и загнала его между траков, это моё лицо осыпало осколками, и это мне кричал командир «Заводи!».

Мне было страшно, да, именно страшно, в авианалёты, но... каменья, я спасал свой танк от бомбёжки.

Я был там, когда наши парни из экипажа не смогли выстрелить в пленного нелепого немца в зелёной шинели. И благодарный Рихард, так звали этого немецкого солдата, играл нам на аккордеоне «Катюшу». Этого смешного немца мы таскали с собой недолго и, когда получили за него нагоняй от начальства, отправили к другим пленным.

Внезапная тишина вернула меня в наше время. Дед замолчал и опустил голову, словно решал, говорить дальше или нет. Я терпеливо ждал, мне хотелось слушать ещё и ещё.

– А вот, Митяня, что я так и не могу объяснить, так это как я живой остался после

того, как в танке горел. Это уже в Вене было, вернее в Венском лесу.

Мы обходили город с запада. Я тащил машину, вдруг – впереди взрыв. Остановил я свой Т-34, жду приказа, и тут удар по нашему танку – как я потом понял, в нас выстрелили из «панцерфауста».

– Пан-цер-фа-уст, – повторил я по слогам. – «Фауст» – это вроде «кулак» по-немецки, я про фаустпатрон слышал, а это...

– А это, – подхватил дед, – для танка самая пакостная штука. Попал он в трансмиссию. Перегородка между боевым отделением и мотором вылетела, и на нас хлынул жар.

Стало так горячо, словами не опишешь. Топливо полыхнуло внутрь. А я, Митяня, люк всегда держал полуоткрытым. И не сгорел я только потому, что пламя через эту щель наружу выбросилось. Я сразу наверх, через люк заряжающего. Всё это за какие-то секунды...

– А твои ребята?

– Убило их. Командир выскочил ещё раньше меня. Он кашлял дико, весь закопчённый... Отдышался чуть и кинулся обратно смотреть танк, ну и я, погода, за ним.

Уже трескали патроны, и тут взрыв такой бешеной силы, башня от танка, как игрушка, в его сторону отлетела. Эх, подумал, погиб мой младший лейтенант. У самого-то, чувствую, что-то горячее по лицу потекло, осколок в темечко попал, шлем у меня лётный был. Три осколка и сейчас там сидят на память.

– А что это был за взрыв?

– Да мы ведь уйму боеприпасов возили с собой. Как говорится, сверх боевой укладки, по приказу товарища Сталина. Вот всё это и рвануло.

– Так зачем вы к танку опять побежали? – невольно вырвалось у меня.

– Танки, Митяня, стоили дорого, и после каждого боя спецы всё изучали.

И вот подскочил я к командиру, за рукав дёрнул, чтобы поднять, а рука и оторвалась, перебило всё... Он без сознания, кровь хлещет, а я к дереву его подтащил, понапихал тряпок к плечу, к стволу прислонил, чтобы всё держалось, и сам рухнул – контузило всё-таки меня взрывом.

IV

Дождливое небо заполнило комнату, воздух замутнел, и дед стал говорить тише. От этого я весь превратился в слух, боясь пропустить важное.

– Дальше, Митя, верь или нет, да я и сам раньше думал, что у меня бред был. Но когда там, после взрыва, я немного пришёл в себя, почудилось мне, что я приподнялся над землёй, не сильно, совсем чуть-чуть, и поплыл. Хотел открыть глаза, а веки как склеил кто. Помню, ветки по лицу скользнули и ещё шёпот такой ласковый, а слов не разобрать... И я вроде куда-то в темноту провалился.

Потом открываю глаза и вижу над собой небо, деревья кольцом. Они начинают кружиться, а небо заслоняет что-то белое, и оно медленно-медленно приближается к моему лицу, и вблизи я не могу рассмотреть его, как ни вглядываюсь, и опять шёпот и шёпот. Голова моя словно поднимается, а к губам прикасается что-то мокрое, и рот обжигает горечь, горло перехватывает, я кашляю – и снова темнота.

Не знал я, час прошёл или день, когда окончательно пришёл в себя в том лесу, с трудом повернулся и разглядел две фигуры со спины в белых таких, длинных одеждах, миг только – и они пропали в зелени.

Скоро уж меня свои подобрали и в медсанбат отправили, а как осмотрели, оказалось, я весь в осколках. Врачи всё удивлялись, что я от потери крови не умер. А я ничего и не чувствовал. Да, вот так...

– А ты узнал, кто же они, что тебя спасли?

– Оказалось, сутки я в лесу пробыл, нашли меня метрах в ста от разбитого танка. Один я живой из экипажа остался. Спасли меня эти, в белых одеждах. Я потом в медсанбате слышал от других про каких-то монахов. Вроде монастырь старый был в Венском лесу.

– Как монахи? – удивился я.

– Вот тебе и сказки Венского леса, – хмыкнул дед. – Знаешь, был фильм про Штрауса, композитора, «Большой вальс» назывался... Помню, перед войной ходили мы. – И старик начал новую повесть.

Вместе с сумерками я возвращался домой. Следующую встречу с дедом предстояло ждать бесконечно долгую неделю.

V

Это было самое тенистое место городского парка. Вековой вяз щедро дарил прохладу даже в жаркий майский день. Мощный, словно перекрученный кем-то ствол таял в тумане молодой листвы. Вяз был старательно обнесён низенькой кованой оградкой с металлической табличкой, обозначающей возраст могучего великана.

– Папа, а дерево потрогать можно?

Я наклонился. Снизу на меня смотрели голубые распахнутые глаза моего сына. Светлые волосы его шевелил ветер.

– В другой раз. Катайся по тем дорожкам, а я здесь, на лавочке, посижу.

Почему же сейчас, возле этого старинного вяза, мне вспомнился дед? Вспомнился мой давний, так и не раскрытый обман и долгие разговоры про войну. С того времени мы со стариком почти не расставались, я переехал к нему и жил в старом доме до самой его смерти. В тот, его последний, день я спешил домой из института, но так и не услышал его обычное приветствие.

Я сам закрыл его уже не видящие глаза и сложил в последний раз его сухие жилистые руки, когда-то крепко сжимавшие рычаги Т-34.

Здесь, в прохладной тени, мне вспомнилось, как дед описывал Венский лес:

– Дубы, Митяня, буки и вязы у них такие же великаны, как и наши, что в парке. Им уж тысяча лет, почитай.

Я перешагнул через оградку, вплотную подошёл к дереву и прислонился рукой к его шершавой коже. ■■

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
«ДОНБАСС – ЗЕМЛЯ ГЕРОЕВ!»
ЯНВАРЬ 2018 ГОДА

НА ЗАСНЕЖЕННЫХ СКЛОНАХ ДОНБАССА

Война – это нечто вроде опасной болезни, от которой можно умереть, как умирают от рака и туберкулёза, от гриппа и дизентерии. Только смертельный исход наступает гораздо чаще, и смерть приходит в гораздо более разнообразных и страшных обликах...

Эрих Мария Ремарк.
«На Западном фронте без перемен»

Трубы Счастынской теплоэлектростанции дымили в морозном мареве – гигантским линкором проплывали по заснеженной донецкой степи у скованного льдами Северского Донца. Пронзающий январский ветер по-зёмкой стелился по нетронутой белой целине полей. Колючий ветерок, путаясь в зарослях посадок, стремился проникнуть всюду: он заползал в окопы, в открытые двери блиндажей, под полушубки и куртки солдат, зло свистел сквозь щели бетонных укреплений блокпоста.

Тешкоград. Именно так окрестили свои позиции бойцы укрепрайона на стратегическом счастынском направлении обороны Лу-

ганской народной милиции. Тешкоград – это основательные укрепления на Т-образном перекрёстке луганской трассы, которая теперь безжизненной серой лентой устремлена к городу-спутнику Счастье. Наверное, трудно найти человека, который бы не слышал об этом маленьком городке с таким поэтическим названием. Там, в морозной дымке, в городе-труженике, городе луганских энергетиков, засели карательные украинские войска. Внизу под склоном горы у старого русла, так называемого Мёртвого Донца, виднелись позиции «вызволителей». За ними просматривался мост, по которому вот уже почти четыре года не проезжают мирные машины, не проходят местные жители, по бетонной его груди, лязгая гусеницами, шаркает броня «воякив» и едут тяжёлые военные грузовики, и только Донец всё так же, как и тысячи лет назад, томно вздыхает своими водами под ледовым панцирем.

* * *

Старт литературной экспедиции января 2018 года «Донбасс – земля героев!» был дан с оваянной славой Белгородской земли. Ледяные дороги просторов юга России нехотя пропускали машину, в которой ехали писатели из Москвы и Белгорода, но мы упорно двигались по гололёду к намеченной цели. Писательский десант возглавил сопредседатель Союза писателей России Сергей Иванович Котькало. Перед отправкой из Белгорода Сергей Александрович Бережной, неизменный, с 2014 года, участник и организатор поездок на Донбасс, как всегда тихо, но убедительно сказал: «Вы там поосторожней, не лезьте куда не следует...»

Он, боевой офицер, чуточку прихворнул, поэтому не смог с нами отправиться в путь, но все эти дни нашего пребывания в ЛНР и ДНР Сергей Александрович незримо был с нами.

В литературной экспедиции Белгород представляли председатель Регионального отделения Союза писателей России поэт Владимир Ефимович Молчанов и лидер во-

лонтёрского движения Светлана Владимировна Горбачёва. Она везла продукты питания, медикаменты, книги и одежду нуждающимся семьям, которые коротают свою жизнь в самых горячих точках Донбасса: в Горловке, Зайцево, Калиново, Стаханове и других населённых пунктах, где практически каждый день приходится мирным людям думать не только о хлебе насущном, но и как выжить под обстрелами укровояк.

Вечером 24 января 2018 года на пограничном переходе Изварино к нам присоединился главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Сергеевич Труба, который вёз в дар библиотекам, музеям и жителям ЛНР и ДНР часть тиража журнала, посвящённого «Молодой гвардии». Литературно-исторический журнал «Александръ» выходит в Тамбове, но за короткое время своего существования получил всероссийскую известность.

В ночной мгле мы проехали легендарный Краснодон, оваянную трагическими событиями четырнадцатого года Новосветловку, и вот он, Луганск. Столица ЛНР встретила нас сияющими огнями, перемешанными с тихой тревогой предкомендантского часа.

Насыщенная встречами и событиями программа литературной экспедиции началась утром 25 января с посещения могилы участницы подпольной организации «Молодая гвардия» Нины Иванцовой на старом кладбище Луганска у автовокзала.

На возложении цветов, вместе со школьниками, коммунистами ЛНР во главе с первым секретарём Игорем Гуменюком, делегацию писателей России и Луганской писательской организации им. В. И. Даля сопровождали поисковый молодёжный отряд, представители общественной организации «Федерация бокса ЛНР» и студенты ЛНУ имени В. И. Даля. Новое обретение могилы, которая была предана забвению после распада СССР (нужно сказать, что во многом в этом повинны мы сами), случилось благодаря молодёжному поисковому отряду, и теперь-то, как говорится, сюда не зарастёт народная тропа...

НАША СПРАВКА:

Нина Михайловна Иванцова родилась 19 ноября 1923 года в городе Краснодоне. Здесь прошли её детские и юношеские годы. Окончила 10 классов школы № 4 имени К. Е. Ворошилова. В 1939 году вступила в комсомол. С 1941 года начала трудовую деятельность – работала секретарём-статистом Краснодонского районного отдела народного образования.

Летом 1942 года Нина хотела добровольно уйти в Красную армию. Однако по рекомендации райкома комсомола прошла специальную подготовку и была оставлена вместе с сестрой Ольгой для ведения разведки в тылу врага на территории Сталинской области (ныне Донецкая). С приходом фашистов сёстры ушли в город Енакиево. Здесь они собирали сведения о дислокации войск, штабов, баз, аэродромов противника, следили за продвижением вражеских войск. Но связи нарушились, и сёстры вынуждены были вернуться в Краснодон.

В ноябре 1942 года Нина вступила в ряды «Молодой гвардии». По заданию штаба была разведчицей и связной: передавала указания руководителя подполья командирам боевых пятёрок, доставляла донесения боевых групп,

осуществляла связь с Митякинским партизанским отрядом, распространяла листовки, проводила разъяснительную работу среди населения. В ночь поджога биржи труда вместе с Иваном Земнуховым находилась на посту неподалёку от здания, чтобы в случае необходимости помочь товарищам. Когда начались аресты, Нина ушла из Краснодона. Вместе с Олегом Кошевым, Валерией Борц, Сергеем Тюлениным и Ольгой Иванцовой с большим трудом добралась до хутора Фокино Ростовской области. Но линию фронта перейти не удалось. Вернулись с Ольгой в Краснодон обмороженные, голодные, едва держась на ногах. Но здесь оставаться было опасно, фашисты разыскивали подпольщиц. Вторая попытка перейти линию фронта увенчалась успехом: 17 января 1943 года сёстры Иванцовы были на освобождённой территории.

В феврале Нина вернулась вместе с частями Красной армии в родной город. Потрясённая гибелью своих товарищей по подполью, Нина добровольно ушла на фронт. Была комсоргом 8-го батальона связи 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, затем – 116-го армейского полка связи 51-й армии 2-го Прибалтийского фронта. Принимала участие в боях на Миус-фронте, в освобождении Крыма, Прибалтики. В 1944 году стала членом КПСС. Демобилизовалась из рядов Советской армии в сентябре 1945 года в звании гвардии лейтенанта.

В 1948 году окончила Донецкую партийную школу, а в 1953 году – Ворошиловградский пединститут. Работала в аппарате Ворошиловградского обкома Компартии Украины. С 1964 по 1973 год Нина Михайловна была заведующей кабинетом политэкономии Ворошиловградского машиностроительного института.

За участие в Великой Отечественной войне на фронте и в подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Нина Михайловна Иванцова награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Нина Иванцова умерла 1 января 1982 года.

* * *

После возложения цветов наша делегация отправилась в университет им. В. И. Даля, где мы поздравили учащихся с Днём студентов и Татьяниным днём. Сопредседатель Союза писа-

телей России Сергей Котькало напомнил о том, что в этот день всех студентов поздравляет Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, передал приветствие от председателя Союза писателей России, профессора Московского государственного университета В. Н. Ганичева.

По окончании торжества делегация отправилась в Луганский краеведческий музей, где Сергей Котьяло совместно с заместителем министра образования и науки ЛНР Николаем Клипаковым, председателем Луганской писательской организации им. В. И. Даля Владимиром Казминым провели награждение победителей Международного литературного-художественного конкурса для детей и юношества «Гренадеры, вперёд!», который проходит по инициативе Союза уже более 10 лет, при поддержке Всемирного русского народного собора, Издательского совета Русской православной церкви, Министерства обороны РФ, Министерства образования и науки РФ, Центра адмирала Фёдора Ушакова.

Продолжением программы литературной экспедиции стал круглый стол «Герои вчера, герои сегодня. По следам подвига», который прошёл в ЛРУНБ имени М. Горького.

В работе круглого стола участвовали студенты и учащаяся молодёжь, писатели, учёные, деятели культуры, представители университетов, журналисты, работники музеев, общественные деятели, представители органов власти.

Говорили о немеркнущем значении подвига, сохранении исторической правды, интересе к этой теме со стороны писательского сообщества. О наших общих корнях и продолжении исторических традиций сказали в своих выступлениях и. о. министра культуры, спорта и молодёжи ЛНР Дмитрий Сидоров, директор ЛРУНБ им. М. Горького, заслуженный работник культуры ЛНР Наталья Расторгуева, художественный руководитель Луганского академического украинского музыкально-драматического театра на Оборонной народный артист ЛНР Михаил Голубович, председатель Союза писателей ЛНР Глеб Бобров и председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Владимир Казмин.

В ходе встречи С. И. Котьяло торжественно вручил золотую медаль имени Василия Шукшина автору известного исторического романа «Лета 7071», члену Национального союза писателей Украины с 1977 года Валерию Полушко. Членские билеты Союза писа-

телей России были вручены луганчанам – поэту Марку Некрасовскому и руководителю православного литературного объединения «Свете Тихий», писателю и поэтессе Светлане Тишкиной.

Участники мероприятия поздравили поэта Андрея Медведенко с присвоением Всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия» за книгу «Нескончаемый рейд».

«Сегодня проходит встреча, на которой присутствуют представители Союза писателей России и ЛНР, приглашена молодёжь, творческая интеллигенция Луганщины. Будет своеобразный обмен опытом, общение. Молодые ребята, которые учатся, будущие журналисты также смогут задать вопросы, чему-то поучиться. Эта дружба между Союзом писателей России и Союзом писателей ЛНР завязалась давно. Мы встречаемся, чтобы поддерживать отношения и планировать новые проекты», – сказал, открывая мероприятие, исполняющий обязанности министра культуры, спорта и молодёжи ЛНР Дмитрий Сидоров.

«Очень приятно, что на встрече много молодёжи, ведь вам предстоит в будущем строить новое государство. И хочется пожелать всем вдохновения, потому что творчество открывает новые горизонты», – подчеркнул Сидоров.

Директор ЛРУНБ Наталья Расторгуева отметила, что встреча проводится в преддверии значимых юбилейных дат – 75-летия гибели участников «Молодой гвардии» и освобождения Луганщины от немецко-фашистских захватчиков.

«Тема, которая собрала всех нас в этом зале, близка и понятна каждому. Вне зависимости от разницы в возрасте, от границ, которые нас разделяют, "Молодая гвардия" по-прежнему продолжает свой героический путь. И трудно найти другую тему, которая заставляет вновь и вновь возвращаться к истории нашего края. Именно в эти дни исполняется 75 лет со дня гибели молодогвардейцев. Именно в эти дни было казнено большинство членов краснодонской молодёжной подпольной организации. А сегодня "Молодая гвардия" – источник мужества, героизма,

стойкости жителей нашей республики, её защитников», – подчеркнула она.

Актуальность творческого переосмысления подвига «Молодой гвардии» отметил и художественный руководитель Луганского академического украинского музыкально-драматического театра на Оборонной, народный артист Украины и ЛНР Михаил Голубович.

«Тема "Молодой гвардии" близка каждому из нас и не перестаёт волновать и детей, и внуков, и правнуков. И мне очень приятно констатировать, что в репертуаре нашего театра есть рок-опера "Распятая юность", которую создали наши земляки: либретто Владимира Зайцева, музыка Юрия Дерского, режиссёр-постановщик – Анатолий Яворский, художник-постановщик – Виктор Горбулин. И мне как художественному руководителю театра было очень ответственно получить за эту постановку приз "Золотой витязь", а теперь и Всероссийскую премию Союза писателей России "Имперская культура", – сказал Голубович.

На круглом столе были представлены луганчанам новые книги и новые номера журналов «Новая книга России», «О Русская земля!», «Роман-журнал XXI век» и «Александръ», посвящённые подвигу «Молодой гвардии».

В ходе встречи рассматривались вопросы, посвящённые отражению темы «Молодой гвардии» в поэзии, прозе, публицистике, исторических материалах и свидетельствах ЛНР и России, поднимались вопросы сотрудничества луганских литераторов с коллегами из РФ, проходило обсуждение новых совместных проектов и объявление творческих планов на текущий 2018 год.

Писатели России, Луганской и Донецкой Народных Республик продолжают развивать проект «Донбасс – земля героев». Об этом сказал в своём выступлении С. И. Котьяло.

«Не важно, как мы называемся, важно, что мы едины духом и мы вместе. Нас нельзя разделить, мы должны дорожить своим славянским единством, – заявил руководитель делегации, сопредседатель Союза писателей России Сергей Котьяло. – Культурно-патриотический проект "Донбасс – земля героев", инициированный в 2014 году Союзом пи-

сателей России и Луганской писательской организацией имени В. И. Даля, объединил представителей творческой интеллигенции, государственных структур, учреждений культуры, образования Российской Федерации, Луганской и Донецкой Народных Республик, убеждённых, что воспитание гражданина и патриота должно основываться на лучших примерах героического прошлого своего народа. Мы будем развивать и продолжать этот проект...» – подчеркнул Сергей Иванович.

Приветствуя российских гостей, глава Союза писателей ЛНР Глеб Бобров отметил, что не знает другой творческой общественной организации Российской Федерации, которая столь системно и плодотворно работала бы с Луганской Народной Республикой и её творческим активом.

«Совместная работа с Союзом писателей России началась с большого писательского десанта в январе 2015 года, хотя российские писатели, тот же наш Володя Казмин или Сергей Иванович Котьяло, сопредседатель Союза писателей России, приезжали к нам ещё в самый разгар войны в 2014 году. Затем последовало и реальное наполнение этих проектов: выход наших совместных сборников, включая наиболее известные из них – "Новая Русь", "Время Донбасса" и "Выбор Донбасса". Каждый приезд наших коллег впоследствии превращался в новые статьи, очерки и литературные сборники. Возглавляемая Владимиром Афанасьевичем Казминым писательская организация Даля вместе с краснодонским отделением и Союзом писателей ДНР выпускает журнал "Территория слова". Наряду с альманахом "Крылья", это второе периодическое литературно-публицистическое издание в республике – принципиально важный сегмент культурной жизни ЛНР. Надеюсь, что и в дальнейшем мы будем развивать это взаимодействие и находить новые форматы сотрудничества», – сказал Глеб Бобров.

Сотрудники отдела гуманитарной литературы «Горьковки» подготовили к круглому столу одноимённую тематическую экспозицию.

Далее литературная экспедиция отправилась в Алчевск, здесь по пригла-

шению депутатов Народного Совета ЛНР Владислава Дубины и Юрия Морозова писатели поучаствовали в проекте «Дружба народов – основа мира», мероприятие было направлено на патриотическое воспитание молодёжи и верность истории. Как отметил представитель Федерации бокса ЛНР и группы социальных предпринимателей Владимир Мельник, первостепенную роль в реализации таких мероприятий играет искренность его организаторов, ведь только открытым сердцем можно подать достойный пример и вдохновить молодое поколение на благородный порыв в приобщении к аналогичным проектам.

Окончание насыщенного событиями дня прошло в тёплой обстановке и обмене взаимными благодарностями между руководством Союза писателей России и организаторами благотворительного бала «Вифлеемский дар», проходившего в г. Стаханове 11 января 2018 года. От имени председателя Союза Валерия Ганичева были вручены памятные медали, в свою очередь, от настоятеля Свято-Николаевского собора г. Стаханова архимандрита Дионисия и президента Федерации бокса ЛНР Николая Мельника руководству Союза вручена благодарность за участие в благотворительном проекте.

* * *

26 января к литературной экспедиции «Донбасс – земля героев!» присоединился исполняющий обязанности председателя Союза писателей России Николай Фёдорович Иванов. Литературный десант отправился в столицу ДНР, в города Горловку, Енакиево, Дебальцево, Донецк, где была также насыщенная программа в рамках нашей экспедиции, а мы с Николаем Фёдоровичем посетили передовые позиции Народной милиции ЛНР, в том числе в районе ст. Луганской и г. Счастье.

Мы пообщались с военнослужащими, познакомились с их бытом и условиями несения службы на передовой. Николай Фёдорович Иванов рассказал, что приехал к воен-

нослужащим в поисках материала для своей очередной книги о войне в Донбассе.

«Мы, писатели, добываем материал. Материал придуманный может иметь какую-то схему, но он никогда не будет иметь душу и никогда не "задышит".

Я, например, пишу о событиях, которые происходят здесь – в Луганске и Донецке. Это не первая моя поездка, предыдущие поездки дали мне материал для ряда книг, в том числе "Засечная черта", "Партер. Седьмой ряд".

Сейчас у меня родилась идея поработать с характерами людей, а характеры проявляются на таких вот блокпостах в том числе.

Мне очень важно посмотреть на людей, как они держат эту боевую настороженность. Мне очень важно посмотреть, как не исчезает этот "северный ветер", этот приход русских добровольцев, насколько не исчезает это желание помочь на переднем крае, там, где трудно...» – отметил Н. Ф. Иванов.

На передовой нас сопровождал официальный представитель Народной милиции Республики подполковник Андрей Марочко, который сказал:

«Нам очень приятно, что представители братского народа Российской Федерации приезжают к нам сюда, на Донбасс в частности, в ЛНР, для того чтобы посмотреть и увидеть собственными глазами, что здесь на самом деле происходит...»

Хотелось бы рассказать об Андрее Марочко – это действительно героическая личность. Вот она, связь времён, вот они, герои нашего времени!

* * *

Украинские СМИ постоянно твердят о нахождении российских военнослужащих в Донбассе, в официальных отчётах пресс-штаба так называемой АТО практически в каждом тексте можно встретить «російські найманці», а про Дебальцевский «котёл» президент Украины Пётр Порошенко говорил: «Дебальцеве штурмували відбірні підрозділи російського спецназу». Эти утверждения казались смешными, когда мы

слышали воспоминания Андрея Марочко об освобождении Дебальцево. В них он открыто рассказывал об ошибках, просчётах и неопытности бойцов Народной милиции ЛНР. Несмотря на это, поставленные задачи были выполнены – каждый знал, за что он борется, за что воюет. Андрей Марочко попал в сводный отряд, основной задачей которого было вести за собой войска. Он был назначен командиром.

Дебальцево, февраль 2015 года.

После краткого инструктажа отделение Андрея Марочко отправили на позиции при жёстком режиме секретности – военнослужащие не знали, где они находились.

– Высадили нас возле какой-то ж/д станции, дали провожатого разведчика, и мы пошли... Возрастная категория нашего отряда была разной, но в основном были мужики за сорок, хотя были и за шестьдесят. Когда мы выдвинулись вдоль железнодорожного полотна, провожатый озвучил, что идти пять километров. Естественно, скорость продвижения оставляла желать лучшего, 90% бойцов не имели боевого опыта, приходилось обучать их в ходе марша. По достижении промежуточной точки половина наших вояк уже еле волочила ноги. Было решено сделать привал, выйти на связь с командованием и получить задачу. И тут начали проступать просчёты и недоработки, оказалось, что радиостанция, которая у нас была, просто «не добивала» до КП. После очередной тщетной попытки связаться с базой было принято решение вернуться на исходную и связаться оттуда. Всё это происходило на фоне того, что всё вокруг взрывалось, где-то рядом стрекотал пулемёт, пару раз прилетели 120-миллиметровые мины, в общем, скучать не приходилось, но нам пока везло. По всем признакам мы находились в непосредственной близости к противнику, и нас скрывали лишь рельеф местности и ночь. Когда начало светать, наше положение было демаскировано, и стало совсем «весело».

Отсутствие связи привело к тому, что про отделение не знали соседние подразделения Народной милиции ЛНР.

– Скрытность – это хорошо, но когда о тебе не знают соседние подразделения, ситуация приобретает совершенно другой характер. Нашими соседями оказались парни Мозгового. Весьма шустрые ребята, пока мы ходили туда-сюда, они нашу тропу заминировали, причём потрудились на славу, через каждый метр противопехотки наставили. Лишь по счастливой случайности никто не подорвался. Земля была мёрзлая, притрушенная снегом, что и демаскировало закладку. Когда мы благополучно прошли дальше, казачки обиделись, что не сработало, и уже начали координировать своих миномётчиков на нас. Опять фортуна была на нашей стороне.

Поскольку отряд был «сборной солянкой», в него вошли практически все службы и офицеры разных родов войск. У некоторых были радиостанции небольшого радиуса действия, которые в спешке не успели настроить на одну частоту, и по счастливой случайности у кого-то «радейка» была настроена на казачью волну. Когда хозяин радиостанции понял, что подозрительно хорошо слышно казаков и они явно координируют артиллерию на нашу группу, вышел в эфир и после непродолжительного общения с частым употреблением местоимений, местного диалекта и непереводимых словарных оборотов объяснил, что мы свои и по нам стрелять не надо.

Уже на рассвете отделение вернулось на место высадки и, взяв более сильную рацию, бойцы при полном вооружении снова пошли обратно. В 9:00 они уже были готовы идти на штурм. В это время уже можно было рассмотреть, где мы находимся. А находились мы на окраинах Дебальцево, справа от нас было поле, а чуть левее хорошо просматривались полуразрушенные постройки. Ждали мы около часа, но сигнала к штурму всё не было. Тут ещё оказалось, что радиостанция, которую нам дали, была почти разряжена, сигнал проходил, но работать ей оставалось не более часа. Поступил сигнал или нет, не знаю, но

мы пошли дальше. Сначала шли вдоль лесополосы, потом начался бетонный забор. Чем дальше мы шли, тем больше закрадывалось сомнение, что что-то не так. По нам никто не стрелял, хотя местность была хорошо просматриваемая, да и секреты было где поставить. Наверное, не у меня одного было такое чувство, потому что поступила команда рассредоточиться вдоль забора, а небольшая разведгруппа пошла вперёд. Ещё один пример неопытности и военной глупости. В группу вошли командир отряда, его зам и почти все командиры взводов. Мы остались без связи и командования. Действительно, для отделения была подготовлена ловушка – их запустили в «карман», чтобы потом его захлопнуть и не выпустить никого живым. Обстреливали всем – миномётами, АГС, гаубицами. Но в очередной раз нам повезло. По полю пошли наши танки и тем самым прикрыли нас с тыла. Через какое-то время вернулась часть нашей разведгруппы, рассказав, что впереди сильный укрепрайон. Бетонные доты и пара танков в капонирах – с РПГ и автоматами там делать было нечего. Также выяснилось, что у нас один «двухсотый» – парню было около двадцати пяти лет, осколок прилетел прямо в висок, двое «трёхсотых» и трое пропали. Связи нет, точно где находимся – мы не знаем, отцы-командиры в числе пропавших. Пришлось импровизировать и действовать по обстоятельствам. Сначала организовали эвакуацию раненых. И опять очередной просчёт в планировании вылез наружу – в отряде не было ни одного санинструктора, даже индивидуальные перевязочные пакеты со жгутом не у всех были. И очередной подарок судьбы или везение – вместе с танкистами подошла медицинская «маталыга» (МТЛБ). Когда разобрались с ранеными, переговорили с одним из командиров танка, предложили «шабашку» – выехать на позицию и отработать по дотам, которые мы обнаружили впереди. Он связался со своим командиром, получив добро и взяв ещё один танк, поехал на огневую позицию. Через время послышались залпы, спустя минуту пошла «ответка». Вернулся только один танк, второй был подбит, но

экипажу удалось спастись. Пострадал только механик-водитель, его контузило и ранило в ногу. Отряд отступил на исходные позиции, после чего военнослужащие смогли восстановить силы в Вергулёвке.

А через четыре дня перед ними поставили ту же задачу – закрепиться на окраинах Дебальцево. В наступление пошло три группы под командованием военных с позывными «Пластун», «Спец» и «Накат». Мы были в группе «Спеца», она шла по центру, слева от нас шёл «Пластун», справа – «Накат». В этот раз наступление было просчитано по минутам. Когда мы выдвинулись, спереди шёл БТР, мы за ним, через определённые промежутки времени мы останавливались, и метрах в трёхстах от нас спереди ложилось по полпакета «Градов», шла так называемая арт-подготовка наступления. Респект «артеллам», велась ювелирная стрельба, если бы немного не туда полетело, от нас и берцев не осталось бы, адреналин «долбил» так, что сердце из-под бронезиления выпрыгивало.

Когда зашли в посёлок, начали рассредотачиваться. Оказалось, что позиции ВСУ были совсем рядом, в 100 метрах от нас. Мы вышли на улицу посмотреть, где находится пост. И опять глупая непрофессиональная ошибка – вели себя шумно, все вышли на открытую, хорошо просматриваемую местность, за что и поплатились...

Группу расстреляли из автоматов. Андрей Марочко успел ответить, но через четыре минуты рядом с ним разорвалась граната Ф-1.

– Когда очнулся, думаю, в отключке я был недолго, первой мыслью было: всё ли на месте? Голова раскалывалась, в ушах звенело, всё лицо было залито кровью, ужасно тошнило, но, поскольку практически ничего не ел, переживать было не о чем. Автомат был на мне, весь в крови, липкий, но в качестве опоры оказался весьма кстати. Я поднялся, опираясь на одно колено и автомат, весь процесс был весьма болезненный, и мелкими прыжками, на одной ноге, направился к выходу. То, что я

увидел, лучше не описывать в подробностях, до сих пор мурашки по телу бегут и волосы дыбом становятся. Скажу лишь, что от нашей группы живых осталось мало. Меня взяла такая злость, не знаю только, откуда силы взялись, я передёрнул затвор и начал орать как не в себе, выкрикивая всё, что я думаю про «славную украинскую армию». У автомата пропала функция автоматической стрельбы, и я одиночными выпустил почти два магазина в сторону, где находился украинский пост, причём умудрился ещё наполовину набить пустой магазин и пристегнуть его к автомату. Сколько времени это продолжалось, не могу сказать, время в таких случаях – понятие относительное, организм работает на предельных нагрузках, и минута кажется часом.

После подошли БТР и МТЛБ: у пяти-шести бойцов из группы, включая Андрея Марочко, были ранения, и их повезли в больницу.

– От потери крови я время от времени отключался. Когда нас привезли в больницу, то от момента ранения и до приезда в больницу прошло два с половиной часа. В живых остался я один, а парней, которых везли вместе со мной, уже не вернуть. Наш отряд первым закрепился на окраинах Дебальцево, и поставленная задача была выполнена. Только цена выполненной задачи была очень высока...

О героическом подвиге «Молодой гвардии» в борьбе против немецко-фашистских оккупантов знает весь мир. Славные краснодонцы в жестокой борьбе с врагами Родины проявили величайшие образцы мужества и отваги, внесли достойный вклад в освобождение своей Отчизны и достижение победы над фашизмом. Это бесспорная истина.

По неполным данным, за четыре месяца своей деятельности молодогвардейцы осуществили около четырёх десятков операций против немецко-фашистских захватчиков. Они освободили из концлагерей около ста совет-

ских военнопленных, отбили у немецко-фашистских оккупантов пятьсот голов крупного рогатого скота, уничтожили двадцать пять солдат и офицеров врага и пять предателей Родины. В ходе боевых операций ими был подорван мост на шоссе на дороге, уничтожено семнадцать немецких автомашин, два склада с боеприпасами и продовольствием, пущено под откос два военных эшелона. Многим запомнилась такая операция, как водружение красных знамён над зданиями города Краснодона накануне 7 ноября 1942 года. Надо добавить к этому выпуск и распространение листовок, препятствия, чинимые угону оккупантами молодёжи в Германию, а также противодействие оккупантам в восстановлении шахт и других промышленных объектов и многое, многое другое.

Однако «Молодая гвардия» известна миру не только своим беспримерным героизмом, но и своей трагической судьбой – герои-патриоты были жестоко казнены фашистскими палачами. Расстреляв молодогвардейцев, фашистские изверги сбросили их в шурф краснодонской шахты № 5, многие из них ещё были живы!

Мы помним об этом и никогда не забудем!

27 января 2018 года литературная экспедиция отправилась в город Ровеньки, где мы посетили музей, место гибели молодогвардейцев и поклонились могилам Олега Кошевого, Любы

Шевцовой, Семёна Остапенко, Дмитрия Огурцова и Виктора Субботина. В ровеньковской библиотеке состоялась встреча с местными поэтами и писателями. Затем наш путь лежал в город Краснодон, где также литературная экспедиция посетила музей «Молодой гвардии», а в Центральной городской библиотеке г. Краснодона состоялась встреча местной интеллигенции с делегацией Союза писателей России.

Гостей встречали администрация в лице директора В. В. Быковской, сотрудники, краснодонские поэты, творческая интеллигенция. За круглым столом гости и хозяева делились впечатлениями, читали стихи. Встреча прошла в тёплой обстановке, на высоком эмоциональном подъёме, краснодонские поэты, члены Луганской писательской организации им. В. И. Даля А. Сигида, Л. Гонтарева, М. Некрасовский, Н. Дернович, Н. Петрова, А. Вечкасова читали свои произведения. Писатели передали библиотеке свои новые книги, Анатолий Труба – номер журнала «Александръ», краснодонские поэты подарили гостям очередной выпуск альманаха «Территория слова», книгу об истории нашего города «Краснодон».

Историческо-литературный проект «Донбасс – земля героев!» продолжается. **А**

Владимир КАЗМИН,
председатель Луганской
писательской организации им. В. И. Даля

ДРУЗЬЯ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ?

ЗАМЕТКИ С XV СЪЕЗДА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

МОСКВА, УЛИЦА БОЛЬШАЯ НИКИТСКАЯ, 53, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ. ЗНАМЕНИТЫЙ ЦДЛ! ОГРОМНОЕ ЗДАНИЕ СТАРИННОЙ ПОСТРОЙКИ, ПОД СВОДАМИ КОТОРОГО В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ НЕКОГДА ВЫСТУПАЛИ ШОЛОХОВ И ФАДЕЕВ, ЛЕОНОВ И ТВАРДОВСКИЙ, МУСТАЙ КАРИМ И РАСУЛ ГАМЗАТОВ, ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО И БЕЛЛА АХМАДУЛИНА... ЗДЕСЬ В ЭТОТ ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЬ, СОВПАВШИЙ СО СВЕТЫМ ПРАВОСЛАВНЫМ ПРАЗДНИКОМ СРЕТЕНЬЯ, СОБРАЛИСЬ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВСЕХ РЕГИОНОВ РОССИИ, МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ГОСТИ ИЗ БЛИЖНЕГО И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ, ОТ БЕЛАРУСИ ДО СИРИИ, НА СУДЬБОНОСНЫЙ, КАК ПРЕДПОЛАГАЛОСЬ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОРУМ, ЧТОБЫ ОБСУДИТЬ САМЫЕ ЖИВОТРЕПЕЩУЩИЕ ВОПРОСЫ, НАЧИНАЯ С ЗАКРЕПЛЕНИЯ ДЕ-ЮРЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ У НАС ПРОФЕССИИ «ПИСАТЕЛЬ» (А В КИТАЕ, НАПРИМЕР, ЭТО ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЁННЫЙ ГОСУДАРСТВОМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРУЖЕНИК СО ВСЕМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ГАРАНТИЯМИ), И ГЛАСНО РАССМОТРЕТЬ КАК МИНИМУМ ТРИ НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ ПРОБЛЕМЫ:

- КАКОВО РЕАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ И КАКИЕ НЕДОСТАТКИ НУЖНО УСТРАНИТЬ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ?
- КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ НАШ ОБНОВЛЁННЫЙ СОЮЗ?
- КОГО БЫ МЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ ВО ГЛАВЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ?

ДИАГНОЗ ЦИФР И ФАКТОВ

Эти жгучие темы одинаково тревожат души и широко известных прозаиков, поэтов, делегатов съезда, таких как Александр Проханов, Владимир Крупин, Альберт Лиханов, Станислав Куняев, и заступников народных (говорю это без всякой иронии, видя в писательстве именно такую Богом предначертанную миссию), прибывших из Тамбовской, Воронежской, Курской, Смоленской и многих других областей, Урала и Сибири, Якутии и Владивостока, Северного Кавказа и Поволжья, Татарстана и Башкирии... Волнующим моментом открытия съезда стал выход к трибуне одного из старейших писателей России Владимира Бушина, чей фронтной путь пролёг от Калуги до Кёнигсберга. На фоне исторического Знамени Победы Владимир Сергеевич от имени остающихся в боевом строю своих друзей-писателей, в войну артиллериста Юрия Васильевича Бондарева, матроса минного тральщика Михаила Матвеевича Годенко, говорил о том, что писатель дол-

жен нести к читателю слово Добра, помогать сближению народов в многонациональной стране России, чтить вековые традиции отечественной литературы.

Председатель съезда – человек армейской закалки, за плечами которого Афганистан, Чечня, где ему довелось побывать и узником тёмного зиндана, – Николай Фёдорович Иванов, прежде чем предоставить слово ораторам, прибег к языку цифр на слайдах. И вот – без прикрас и излишеств – статистическая характеристика писательского сообщества, представленная 160 делегатам (в их числе – руководитель нашей областной писательской организации Ю. А. Мещеряков) и вдвое большему числу приглашённых (куда вошли автор этих строк и главный редактор выходящего в АО «Издательский дом «Мичуринск» журнала «Александръ» Анатолий Труба).

Союз писателей России (без учёта своих собратьев, находящихся в разных сторонах света, в зарубежье) насчитывает 8034 человека, 2797 из них – столичные жители. Мужчин – 68 процентов от общего числа, женщин

куда как меньше – 32 процента (к слову, и на съезд-то были делегированы лишь 33 женщины). Распределение по жанрам литературы таково: прозаиков в Союзе – 49,2 процента, поэтов – 80 процентов, публицистов – 18,5 процента. Несовпадение в сумме с привычными 100 процентами объяснимо: многие литераторы совмещают служение и одному, и другому, и третьему делу. Но всё же лишнее подтверждение цифрами: Россия – страна поэзии. Не от этого ли убедительного факта родилась некогда у Евгения Александровича Евтушенко знаменитая строка: «Поэт в России – больше, чем поэт». Жаль, кстати, что некоторые знатоки поэзии дальше этой цитаты Евтушенко из его «Молитвы перед поэмой» не желают идти (так же, как и некие остроумцы дальше утверждения нашего Мичурина «Мы не можем ждать милостей от природы...»). А следовало бы знать, о чём договорил Евгений Александрович:

*Поэт в России – больше, чем поэт.
В ней суждено поэтами рождаться
Лишь тем, в ком бродит гордый
дух гражданства,
Кому уюта нет, покоя нет...*

Но вернёмся к цифрам и фактам. Сложный и самый, пожалуй, болезненный вопрос – возрастной состав восьмимысячной писательской дивизии. Молодёжи от 18 до 35 лет в СП лишь четыре процента, женщин и мужчин от 36 до 50 лет – 11 процентов, от 51 до 60 – 20 процентов, от 61 до 70 – 45 процентов (наибольшее число!), свыше 75 лет – 20 процентов. И как бы все желающие ни комментировали эти цифры, рассуждая о пылком юношеском да девичьем уме и хладной мудрости «аксакалов», факт остаётся фактом: омоложение просто необходимо. Но! Авторитетная московская комиссия по приёму в Союз писателей, куда входят разновозрастные, но одинаково известные люди, всегда благожелательно настроенные по отношению к талантам, рассмотрев за отчётный период 640 представленных на утверждение дел (а это книги претендентов, их журнальные публикации и пр.), в 252

случаях не утвердила поданные заявления. Причины ясны: в основном это недостаточная творческая состоятельность самих авторов или пониженная требовательность к ним региональных организаций. В любом случае блоковское предостережение: «Братья-писатели, в нашей судьбе что-то лежит роковое» призывает дебютантов литературы к строгому самоанализу, а их старших братьев – к объективным, но тоже строгим и взыскательным оценкам со стороны...

ЖАЖДА ОБНОВЛЕНИЯ

К сожалению, возглавлявший писательский Союз в самые непростые постсоветские годы прозаик и публицист Валерий Николаевич Ганичев, грудью стоявший на защите от лихих людишек писательской собственности в Москве и далеко от неё, всеми силами защищавший «братьев по оружию» от злой околосредовой братии, по состоянию здоровья заявил о сдаче полномочий. «Укатали Сивку крутые горки, хотя Сивка и не сдаётся», – с грустной улыбкой кивнул на свою инвалидную коляску сидящий в президиуме съезда Валерий Николаевич, являя и этой самоиронией пример писательского мужества. А делегаты и гости съезда с волнением вспоминали опубликованный накануне в специальном выпуске литературной газеты «Слово» его отчётный доклад, каждая строка которого прицельна, точна, искренна и полна оптимизма. «Пусть слово писателя будет всегда высоким, одухотворённым, нравственным, очищенным от греха, и пусть будет оно Словом Добра», – перекликаясь с призывом всех писателей старшего поколения, заключил свой доклад наш прежний старейшина писательского цеха.

Выступающие, преимущественно представители региональных организаций страны, – как поётся в гимне России, «от южных морей до полярного края» – откровенно и без взаимных нападок излагали то наболевшее, чем живут писатели провинциальных городов и районов. Активно работал в президиуме, фиксируя все конструктивные предложения,

делегат съезда – советник Президента РФ по культуре Владимир Ильич Толстой, эссеист, журналист, правнук великого писателя, выступивший и сам с эмоциональным, отнюдь вообще-то не свойственным чиновникам такого ранга накалом.

О необходимости государственной поддержки писателей не в точечных вариантах (премиями и грантами), а в широком формате говорили писатели Ю. В. Орлов (Ивановская область), А. Г. Береговой (Ростовская область), Кант Ибрагимов (Чеченская Республика), Василий Дворцов, представлявший Краснодарский край. Наши полосные рамки узки, полный стенографический отчёт им противопоказан, а потому, суммируя речи ораторов, вот какие назовём в «сухом остатке» их предложения.

- Новому руководству обеспечить квалифицированную деятельность Союза без раскола и судебных тяжб.

- Формировать новую команду из числа молодых писателей, потенциально готовых выдвинуть лидера из своих рядов, учитывая уже созданный Совет молодых литераторов.

- Принять все меры для вывода Союза из финансово-экономического кризиса, в котором он находится.

- Обновить Устав Союза писателей с учётом дельных предложений, высказанных делегатами съезда.

- Союзу писателей – иметь свой официальный интернет-сайт, а кадровым службам – создать полноценный реестр учёта членов Союза со всеми анкетными данными и личной подписью каждого.

Последнее, заметим, стало особенно необходимо после выступления руководителя писательской организации Крыма, который сообщил, что в этой родной российской гавани насчитывается уже свыше пятисот обладателей писательских удостоверений различного толка, в том числе выдаваемых некими напех созданными непонятными организациями, куда принимают всех без разбора, в чём особенно преуспевают известные украинские «вершители судеб», вмешивающиеся и в писательскую деятельность края. Иначе как идеологической диверсией такие акты не

назовёшь. А потому лучшим средством «самообороны» явится предложенный делегатами шаг: повсеместная замена писательских удостоверений на единый документ установленного образца!

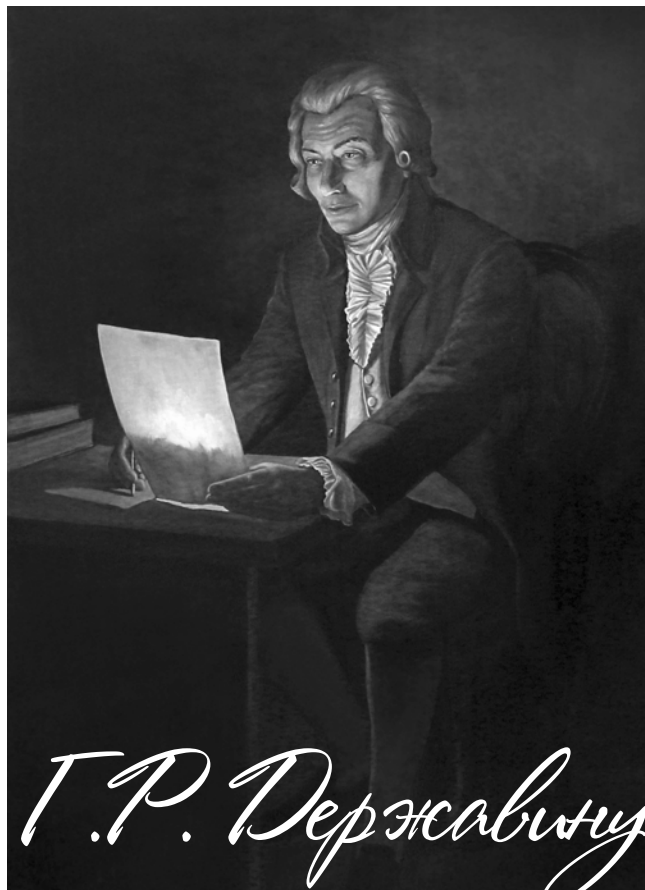
Съездом была принята обширная программа действий. И здесь мы не можем не порадоваться тому, что поддержана инициатива нашего земляка, профессора Мичуринского аграрного университета А.С. Трубы, высадить весной на родине Михаила Александровича Шолохова 60 мичуринских саженцев плодовых деревьев – в честь отмечаемого в этом году 60-летия образования Союза писателей России!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Бурным, принципиальным, порой выходящим за процедурные нормы (хотя, наверное, и не могло быть иначе) оказалось выдвижение и обсуждение новой кандидатуры председателя Союза писателей. После страстных доводов «за» и «против» остановились на состязании двух претендентов – уже представленного здесь прозаика-баталиста Николая Фёдоровича Иванова и единственного из писателей страны депутата Государственной Думы РФ, прозаика, журналиста, радио- и телеведущего Сергея Александровича Шаргунова. Оба, поочерёдно выступая, изложили свои программы, концепции, мысли о дальнейшей деятельности Союза писателей России. По добром десятку делегатов съезда выступили с «каждой стороны», обосновывая предпочтения, отдаваемые ими кандидатам. А в результате открытого (так решил съезд) голосования счётная комиссия, зачитывая официальный протокол, объявила: 132 голоса отданы за Н. Ф. Иванова, 28 – за С. А. Шаргунова.

Пусть же добрым напутствием от нас прозвучат и пушкинское «Друзья, прекрасен наш союз!», и шукшинское «Нравственность есть правда!». К словам классиков нечего добавить. ■

Валерий АРШАНСКИЙ,
член Союза писателей России

В этом году исполняется 275 лет со дня рождения выдающегося поэта Гавриила Романовича Державина. После того как я подробнее изучила его биографию, родилась идея написания портрета. При этом мне хотелось отойти от парадных, несколько идеализированных портретов Державина, показать не его социальный статус, а характер. Когда я говорю о Державине-поэте, на ум приходят воспоминания самого Державина о написании оды «Бог». На мой взгляд, это одно из самых выразительных описаний творческого вдохновения в мировой литературе. «Не докончив последнего куплета сей оды, что было уже ночью, заснул перед светом, – писал Державин о себе в третьем лице, – видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле, воображение так было разгорячено, что казалось ему, вокруг стен бегают свет, и с ним вместе полились потоки слёз из глаз у него. Он встал и в ту же минуту, при освещающей лампаде, написал последнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал он благодарные слёзы за те понятия, которые ему вперены были».

Итогом моего размышления стало создание «Камерного портрета Г. Р. Державина в момент вдохновенного сочинения оды». Фигура развёрнута в 3/4. Взгляд устремлён вдаль в глубокой задумчивости, обращён внутрь себя. Образ – намеренно аскетичный, как и обстановка. Нет ни пышных костюмов, ни наград, лишь Державин наедине с самим собой. Огонь свечи за листом – символ внутреннего безудержного огня и энергии этого удивительного человека.

Для лучшей передачи образа поэта я использовала элементы техники старых мастеров. Первый слой выполнен так называемыми мёртвыми цветами. Затем идёт цветной слой, который после дорабатывался лессировками. Это придаёт картине эффект благородной старины, объём, погружение в пространство, а также определённую эстетику.

посвящается...

Хочу подчеркнуть, что главное – образ и идея, техника лишь помогает выразить идею и создать тот самый образ, возникший в процессе творчества. Вначале был создан этюд с натуры пастелью, затем – картон. После этого началась работа над самим произведением.

В процессе написания картины я вновь и вновь задавалась вопросом: каков был истинный Державин? Добродушно улыбающийся зрителям с картины Сальватора Тончи дворянин, пылкий, эмоциональный, амбициозный офицер, участник подавления восстания против Емельяна Пугачёва, порой жестоко и безжалостно расправляющийся с мятежниками, справедливый чиновник, правитель Олонекского и Тамбовского наместничеств*, сенатор, министр юстиции, выдающийся поэт, в молодости – страстный игрок? Это лишь малая часть того, что можно сказать о Державине. Именно огромный разносторонний жизненный опыт и дал России великого поэта Г.Р. Державина. А

Надежда ВАХМИСТРОВА,
художник, член Творческого союза
художников России

Голоса поэтов Тамбовщины

Николай ВАСЮКОВ,

Сампурский район

Моя деревня

Мне деревня – души улада,
Словно первой любви цветок.
Свесив голову, на ограде
Греет «кости» забытый горшок.
Много неба и много солнца,
На реке сытно гуси галдят.
Из прохладных глубин колодца
Оробевшие звёзды глядят.
От нечаянной встречи жарко,
Обожгли голубые глаза.
И в до боли знакомом парке,
Как и в сердце, бушует гроза.
За Вороной – седые курганы,
Россыпь ельника по берегам.
И маршруты в далёкие страны
Это здесь я узнал по слогам.
Нынче вновь у родимых истоков.
Я нигде их, поверь, не стыжусь.
Не окончится раньше срока
Наречённое именем Русь.

Сказанье о войне и мире.
Трудился мастер не напрасно.
Не ожидая с неба манны.
Он о любви большой и страстной
Поведал нам печальной Анны.
И хоть поэзия не нова,
Но вновь душа твоя согрета
Певучей строчкою Кольцова
И вдохновенной рифмой Фета.
И тут на месте не последнем
На все века и изначально –
Доступный всем Сергей Есенин
С его берёзовой печалью.
И вас волнуют эти строки.
Они о чистом, о высоком.
Они и в Тютчеве, и Блоке,
Они в Светлове и Высоцком.
И преклоняясь перед ними,
Мы воздаём таланту почесть.
Они себе не изменили –
Сердца и души рвали в клочья.

Наталия КАЗМИНА,

г. Котовск

* * *

Анатолий БАШКИРОВ,

Курсановский район

В библиотеке

Когда покоя просит сердце,
А разум требует утечи,
Войди душой своей согреться
В просторный зал библиотеки.
И здесь искать тебе недолго
На всё советы и ответы.
Здесь классики на каждой полке
И именитые поэты.
Возьми творение Толстого,
И кругозор твой будет шире,
Когда прочтёшь ты слово в слово

Хлеб пекут на улице Труда*,
Поздний вечер пахнет ароматом.
Нежатся на облачке примятом
Лунный лик и первая звезда.
Хлебный дух струится вдоль домов,
Жёлтых, как молочные цистерны.
Утихают звуки, и, наверно,
Движется покой из лёгких снов.
Но пока ещё не отцвели
Сладостные запахи работы,
Пыль полей, где до седьмого пота
Хлеб растили жители Земли.
И пекут на улице Труда
Вкусный хлеб, и радуются делу
И тому, что жить не надоело,
Что блесит над городом звезда.

* В Котовске есть проспект Труда, где расположен хлебокомбинат, что навеяло автору тему стихотворения.

Александр МЯГКОВ,
пгт Мордово

Зазимок

Первый снег окружился немного
И устало на слякоть лёг.
Белой шалью накрылись дороги
И сутулый у поля стог.
От налипшего снега с риском
Поднатужились провода,
С веток ивы плакучей низко
Виснет снежная борода.
Знать, зазимок решился всё же
Хоть ненадолго заглянуть,
На зиму сделать всё похоже
Да и стужей в лицо пахнуть.
А природа давно готова:
Сколько роще дрожать на юру?
Сколько озими ждать покрова?
Птицам хохлиться на ветру?
Только солнце смеётся лукаво,
Растопило зазимка снег.
И остался от той забавы
Лишь детишек задорный смех.

Дмитрий НАБЕРЕЖНЕВ,
Мучкапский район

Край сиреновой глуши

Опять наш край сиреновой глуши
От проливных дождей до нитки вымок,
Но сохраню я в тайнике души
Его золотых полей нетленный снимок.
Напрасный гнев оставь, гроза, оставь.
Всё поглотят подтопленные тропы,
И где я был готов пуститься вплавь,
Пройду потом, не замочив и стопы.
Ну вот и тише стал небесный стон
Над пеленою пасмурной округи.
Я капли-слёзы вновь смахну с окон,
Как со щеки обманутой подруги.
Всё кончится. Лишь в этой суете
От нас другим достанется в подарок:
От человека – имя на плите,
А от свечи – оплавленный огарок.
Всё кончится, и всё начнётся вновь.

Ударит дождь, как никогда, по лугу,
Но времени, мой край, не прекословь,
Бегущему всё по тому же кругу.

Огонь твоей негаснущей лампады...

Бессонница. Кружение мотыльков.
И чья-то тень у каменной ограды.
Я вижу, Русь, во глубине веков
В твоём окне мерцание лампы.
Мне всё твоё раздолье не объять,
Когда под отзвук новой катастрофы
Ты молчаливо приведёшь опять
Саму себя к подножию Голгофы.
Ещё далёк и призрачен покой,
Но вновь и вновь на милость уповая,
Незримой чьей-то властной рукой
Твоя судьба вершится роковая.
Мне быть с тобой, мне каяться с тобой
У тех святынь, поруганных не мною,
Где, засияв под высью голубой,
Из испытаний выйдешь ты иною.
И вот запечатлённая в глазах
Под благодатью высшего свеченья
Проступит вдруг на древних образах
Печать особого предназначенья.
Всю эту силу, Русь, твоих ростков –
Нет, не повергнут в ужас камнепады,
Ведь вижу я во глубине веков
Огонь твоей негаснущей лампы.

Елена БАКУЛИНА,
р. п. Первомайский

Заляпаны судьбы

Заляпаны судьбы, залапаны души
Корявыми пальцами выцветших слов.
И боязно думать, и боязно слушать
Чужую мелодию чьих-то стихов.
Во славу богам менестрели отпели,
Сорвав грубовато высокое «ля».
Умчался герой, не заправив постели.
И крови просила святая земля.
Под стрелы! На гибель! На бой ради веры!

Ведь правда твоя, коль на знамени крест.
Не люди – враги! Так долой изуверов!
И таяли стоны на мили окрест.
Война отзвенела, слова полетели,
Поверженный враг тихо кушает с рук.
Тебя ждёт, герой, вместо тёплой постели
Закопанный в метры под землю сундук.
Но вас гнить учили в оскаленной пасти
И ряд в оправдание дали причин.
Война ради денег! Война ради власти!
Жаль, жить ради жизни никто не учил.

Елена ЧАСОВСКИХ,

г. Рассказово

Носочки из Рассказово

Пробивался ночью свет
Из-под двери зала.
Что-то мамы долго нет?
А она вязала.
На кровать не прилегла
До исхода ночки,
Рано утром отдала
Доченьке носочки.
Нитки шерстяные,
Синие цветочки.
Мягкие такие,
Тёплые носочки.
Вьются ниточкой года,
Катятся клубочки.
Мать уже немолода,
И семья у дочки.
– Гляньте, бабушка пришла. –
Слышу голосочки. –
И в подарок принесла
Внученьке носочки.
Нитки шерстяные,
Синие цветочки.
Мягкие такие,
Тёплые носочки.
Нитка, петелька, накид...
Как мелькают спицы!
Свет в окне всю ночь горит –
Вяжут мастерицы.
Пусть бежит в часах песок,
Пролетают годы,
Но рассказовский носок
Не уйдёт из моды!

Светлана ШИЛИНА,

Пичаевский район

Мы тамбовские

Здесь земля по-особому дышит
Духом леса и росных лугов,
Потому под небесною крышей
Стал серебряным мех у волков.
Мы тамбовские, волки и люди.
Нрав упрям, и шаги нележки.
Непокорные, трудные судьбы...
Здесь и волки идут за флажки.
Нет для нас никакой половины,
Либо пуст, либо полон стакан!
И летели проклятия в спины
Непокорных судьбе молокан.
Уходили сурово и молча,
Свет храня из далёких веков.
И луна, серебром мироточа,
Освещала дорогу волков.
За свободу вставали все разом.
И сосновые помнят леса:
Ядовитым отравлены газом,
Волки стаями шли в небеса.
Не замараны грязью и пылью,
Неотступно, с рукою рука
Пусть летят на серебряных крыльях
Сонмы ангелов за облака.
Нелегко пусть живётся, но честно.
Ведь с земных самых трудных дорог
Получает в свой строй поднебесный
Самых сильных хранителей Бог.
Я живой! Я дышу! Я не призрак!
Не волчица, а истинный волк.
Ни при чём совсем гендерный признак,
Только в духе содержится толк.
Ни промилле, ни грамма, ни вдоха
Лжи и подлости не уступлю!
И щенком даже инфоэпоха
Лижет серую лапу мою.

Александр МАКАРОВ,
Староюрьевский район

Поэзия, она забыта...

Поэзия – жива. Я был неправ,
Сказавши, что поэзия забыта.
Поэзия, как запах среди трав,
Развеяна, расплёскана, разлита.
В огне сгорают годы и века.
Деревья ветер вырывает с корнем.
Но снова к счастью тянется строка,
Ей трудно находиться рядом с горем.
Разбило время годы, как горшки,
Рассыпало прекрасные мгновенья.
Я молча собираю черепки,
Между собой соединяю звенья.

* * *

«Как дела?» – я спросил.
Он ответил мне: «Плохо...»
Я не мог удержаться от грустного вздоха
И вослед ему долго с печалью смотрел.
Появились в душе незнакомые мысли,
Будто рухнули в бездну весёлые выси.
Загрустилось. А я ведь грустить не хотел.
«Как дела?» – я спросил человека другого.
Он ответил: «Прекрасно!..» Хорошее слово
Добрым светом согрело меня изнутри.
Понимаю, что мир – он и хмурый, и ясный.
Ну а жизнь, даже грустная, всё же прекрасна.
Не печалься. А если есть слёзы – утри...

Старое пальто

В том доме не живёт никто.
Осталось старое пальто.
В косяк дубовый гвоздь забит,
А на гвозде пальто висит,
Пройдётся ветер за окном,
Пальто помашет рукавом,
Мол, заходи, садись за стол,
Да говори, зачем пришёл.
Когда-то здесь жила семья.
Остыла печь. Пуста скамья.

Дед с бабкой на погост ушли,
А дети – на краю земли.
Днём без тоски. А по ночам
Пальто вздыхало по плечам,
По старику. В пальто старик
Ходил, поднявши воротник.
Пальто повесит он на гвоздь
И ждёт гостей. И каждый гость
Смотрел на старое пальто
И вопрошал: «Есть в доме кто?»
«Есть в доме кто!» – ответит дед.
И бабка скажет то ж в ответ.
Теперь дед с бабкой глубоко...
А дети? Дети далеко.
Пальто вздыхало: в доме сор.
В окно посмотрит из-за штор,
Достанет веник из угла – и ну мести!
Покуда мгла ночная не накроет дом
Своим невидимым крылом.
Пальто пройдётся взад-вперёд
И вспомнит: всюду был народ.
Работал, радость в мир неся...
Провинция!.. Неужто вся
Ты – это старое пальто?
Да за какой же грех? За что?
Куда ни глянешь – всюду боль.
Пальто облюбовала моль.
Пальто однажды через щель
Уйдёт за тридевять земель.
И никогда, нигде, никто
Не вспомнит старое пальто.

Алексей СУТОРМИН,
Староюрьевский район

* * *

Подчиняясь женскому капризу –
Может, это вовсе не каприз? –
Важно голубь ходит по карнизу,
На прохожих смотрит сверху вниз.
И взлетев как только можно выше –
Так бывает только раз в году, –
Голуби целуются на крыше
Прямо у прохожих на виду.
Голубю верна его подруга.
Не уйдёт к другой он – хоть убей.
И когда полюбите друг друга,
Вы пример берите с голубей.

Снизу им кричит прохожий:
 – Здрасьте!
 Но они воркуют нежно вновь.
 Здесь кипят нешуточные страсти.
 Что же это, если не любовь?
 По двору старик идёт всё тише –
 И ему весною хорошо.
 Голуби целуются на крыше,
 Значит, жизнь не кончена ещё.

Александр ЖУРАВЛЁВ,
 Староюрьевский район

* * *

Кажется мне тоже иногда –
 Ничего нет лучше сентября.
 Падает вечерняя звезда.
 Утренняя плавится заря.
 Яблоки хрустящие висят,
 Скоро, скоро тоже упадут.
 Птицы проплывают в небесах.
 Как и я, тепла уже не ждут.
 Остаётся куртку запахнуть,
 Удочку спокойно замотать,
 Выбрать к дому немудрёный путь,
 Прошлым жить, а будущее – ждать.

* * *

Тучи свинцовые с серым дождём.
 Серый небес алюминий.
 Но наверху, сквозь белёсый проём,
 Неба проём – ярко-синий.
 Серные лужи на ржавой земле.
 Ржавые травы и банки.
 Но наверху – преломление тел,
 Радуга в грязной стеклянке.
 Так в позабытых предметах дрожит
 Жилка небесного света.
 Так на забытой равнине лежит
 Прелесть ушедшего лета.

Владимир АБРОСИМОВ,
 Токарьевский район

Шлюнай

Жить в деревне – такая скука.
 День за днём, как штaketник в ряд.
 К непогоде скулит, что ли, сука,
 Согревая под брюхом щенят?
 Зимний вечер завыл метелью,
 Закрутило – не видно ни зги.
 Лузгал семечки от безделья.
 Телевизор мне пудрил мозги.
 Да пойду-ка куплю самогонку –
 Разогнал чтобы скуку хмель.
 Мать с полатей кричит вдогонку:
 «Ты б женился скорей, кобель!»
 Ха, жениться... на Зинке-стерве?
 Ну и баба – зубная боль.
 Я жених на деревне первый.
 У неё-то я первый, что ль?
 Строит глазки Люси-недотрога,
 Хоть не очень красива, но грудь...
 Да скотины у них больно много,
 Что ж мне смолodu спину гнуть.
 Я к соседу домой ломился,
 Даже с ним посидеть был рад.
 А он: «Всё, – говорит, – отпился.
 Закодирован». Надо ж, гад!
 Что ж теперь-то? Гулять в одиночку?
 Нет, вдвоём всё же – я и гармонь...
 Ой ты ночка, метельная ночка,
 Остуди ты меня, охолонь...
 Утром встал, тут как тут – похмелье.
 Ох, не надо б сивуху жрать,
 Да и Люська-то – девка в теле.
 Пусть сватов посылает мать.

* * *

В России без царя нельзя,
 Народ не вынесет свободы.
 И в этом его сущность вся –
 Искать всю жизнь на суше броды.
 Найти и, замочив штаны,
 Бежать в смятенъе без оглядки.
 Нет ничьей в судьбе его вины.
 Такие на Руси порядки!

СТРЕЛЕЦКИЕ ЗНАМЕНЩИКИ

КОГДА-ТО ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИМ СЛОВОМ «СТРЕЛЕЦ» НАЗЫВАЛИ ВОИНА-ЛУЧНИКА. В СЕРЕДИНЕ XVI СТОЛЕТИЯ, ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ, ЭТО СЛОВО ПОЛУЧИЛО ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ. ИМЕННО ТОГДА СТАЛИ ФОРМИРОВАТЬСЯ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПЕРВЫХ РЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК РОССИИ. СТРЕЛЬЦЫ – СОВЕРШЕННО НОВЫЙ ТИП ВООРУЖЁННЫХ СИЛ, НАБИРАВШИХСЯ ИЗ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ И ПРИЗВАННЫХ ЗАЩИЩАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ.

Все четырнадцать московских стрелецких полков имели собственные знамёна. Сам термин «знамя» входит в употребление на Руси в конце XIII века. В древнерусской «Повести временных лет» знамёна именовались «стягами». Уже тогда стяг как военное знамя княжеских дружин значил для воинов больше, чем просто ориентир, служивший для сбора (стягивания) ратников. В феодальных междоусобицах исход битвы часто зависел от судьбы воинского стяга. Самые жестокие схватки разворачивались на подступах к стя-

гу врага. Если противнику всё же удавалось «стяг подсекоша», битва заканчивалась неминуемым поражением. Утрата стяга в бою воспринималась воинами как сигнал к отступлению.

В XIII–XVII веках употребляются оба названия – «стяг» и «знамя». При Иване Грозном отношение к знамени становится не просто уважительным, а почти священным. Хоругви, стяги и знамёна всегда сопровождали русское войско в военных походах. Их несли во главе войска во славу небесных покровителей

и заступников земли Русской. И в строю, и в бою знамя всегда находилось под надёжной охраной наиболее сильных, рослых и опытных воинов – знамёнщиков. В допетровском войске служба знамёнщика, или стяговщика, считалась особенно почётной.

Но при всей сакральности стрелецких знамён ни одно из них не было государственным и ещё не воспринималось священной государственной реликвией, а по-прежнему выполняло функцию постоянного полкового отличия. Первый государственный флаг будет создан по подобию стрелецких знамён в царствование Алексея Михайловича Романова.

Со временем утвердилось три типа стрелецких знамён. *Приказные* (потом полковые) знамёна, иногда именовавшиеся «воеводскими», являли собой настоящую святыню для любого стрелецкого приказа, занимавшую почётное место в слободских храмах и оберегавшуюся с необыкновенным усердием и тщанием. Знамёна стрелецких голов строились из дорогих шёлковых тканей, признаки на них писались золотом и серебром. Богато украшенное приказное знамя с изображением какого-либо религиозного сюжета лишь изредка покидало свою обитель для вынесения знамёнщиками в строй по случаю полковых торжеств. Полагавшиеся каждой сотне *сотенные знамёна* идентифицировали полковую принадлежность роты. Поэтому их цвета совпадали с расцветкой парадной формы. На пошив сотенных знамён шли киндяк, кумач, миткаль, иногда тафта.

Разнообразные по деталям *сотенные знамёна* на марше хранились в специальных матерчатых чехлах и извлекались при подготовке к бою или какой-либо торжественной церемонии. И наконец, *братские* (взводные) знамёна представляли собой небольшие квадратные флаги, изготовленные из одноцветной ткани с изображением креста. Во время походов приказные и сотенные знамёна сопровождали знамёнщики, всегда выделявшиеся среди рядовых категорий стрельцов.

В конце XIX века в Россию были доставлены рисунки из сохраняемых в Шведском государственном архиве рукописных запи-

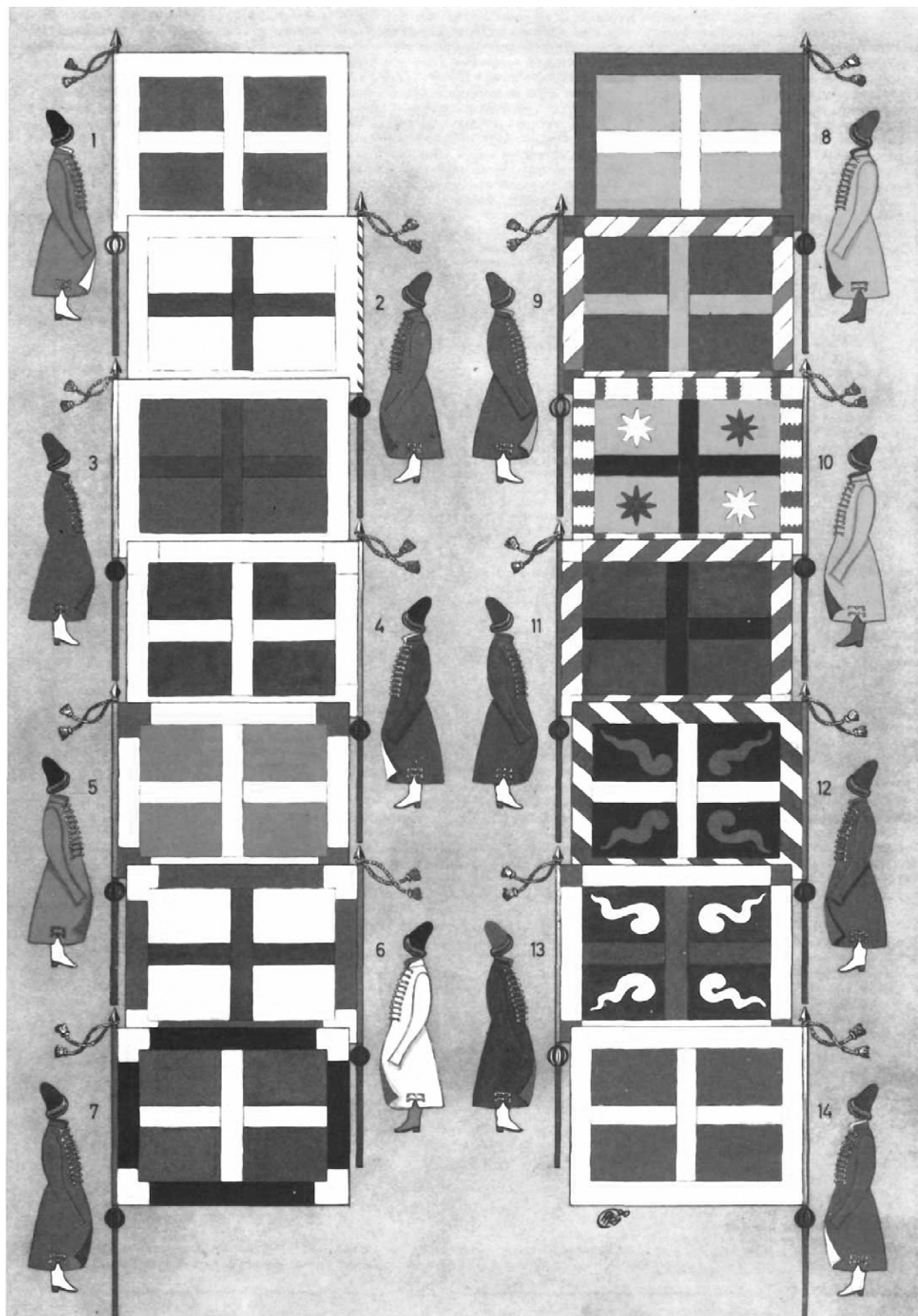
сок приезжавшего в 1674 году к царю Алексею Михайловичу шведского офицера Эрика Пальмквиста. На акварели хорошо различима расцветка «служилого платья» знамёнщиков и сотенных знамён четырнадцати из двадцати шести существовавших в то время московских стрелецких полков.

Все стрелецкие знамёна, запечатлённые на планшете Пальмквиста, имели разных цветов кайму, средину и крест. Полковые знамёна стрельцов были сделаны в форме продолговатого прямоугольника и цветом, видимо, соответствовали цвету «служилого платья» (полковой униформы). Древки стрелецких знамён были тщательно покрашены, навершия для знамён делались из железа, снизу на древко насаживались железные или медные втоки для втыкания знамени в землю. Привязи для крепления знамени к древку изготавливались из красной ткани.

Архидиакон Павел Алеппский из свиты патриарха Антиохийского наблюдал за возвращением царя Алексея Михайловича из польского похода и довольно подробно описал порядок движения пеших стрелецких сотен, перед каждой из которых следовало большое знамя в сопровождении двух барабанщиков и самого сотника с секирой в руке. Архидиакон подмечает: «Если знамя было

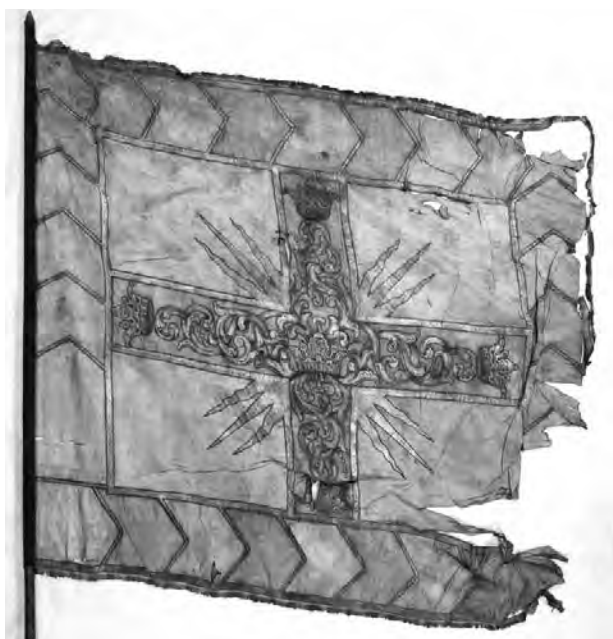
«Цветное платье» и сотенные знамёна московских стрелецких приказов. 1674 г. (по Э. Пальмквисту):

- 1-й (стрелянной) – Егора Петровича Лутохина – (1500 чел.)
- 2-й – Ивана Фёдоровича Полтева – (1000 чел.)
- 3-й – Василия Борисовича Бухвостова – (1000 чел.)
- 4-й – Фёдора Ивановича Головлинского – (800 чел.)
- 5-й – Фёдора Васильевича Александрова – (800 чел.)
- 6-й – Никифора Ивановича Колобова – (900 чел.)
- 7-й – Стефана Фёдоровича Янова – (1000 чел.)
- 8-й – Тимофея Фёдоровича Полтева – (800 чел.)
- 9-й – Петра Абрамовича Лопухина – (1200 чел.)
- 10-й – Фёдора Абрамовича Лопухина – (1000 чел.)
- 11-й – Давыда Григорьевича Воронцова – (600 чел.)
- 12-й – Ивана Ивановича Нараманского – (600 чел.)
- 13-й – (?) Лаговскина (600 чел.)
- 14-й – Афанасия Ивановича Левшина – (1000 чел.)

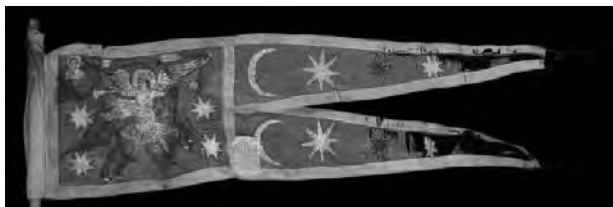

*Знамя московского стрелецкого полка
Петра Ивановича Борисова, 1689 г.*

*Знамя Смоленского стрелецкого
приказа Вилима Лицкина. 1692 г.
Хранится в трофейной коллекции
Музея армии в Стокгольме*

*Прапор роты московского стрелецкого
полка Петра Ивановича Борисова*

белое, то все ратники, за ним следовавшие, были в белом; если синее, то и ратники за ним в синем, и точно так же, если оно было красное, зелёное, розовое и всяких других цветов». Иностранные наблюдатели, всегда проявлявшие повышенный и весьма специфический интерес к русскому войску, достаточно точно фиксировали увиденное. На встрече польского посольства, докладывал один из них, присутствовали четыре сотни московских стрельцов, «всякая со своим особенным военным знаком». Поляк Михаил Обухович отмечал присутствие на встрече имперских послов в мае 1661 года стрелецкого полка «с десятью знамёнами из белой китайки с чёрною», а также другого стрелецкого полка, головою которого был Матвей Спиридонов, в голубой одежде и с десятью знамёнами.

В XVII веке становится доброй традицией размещение на стрелецких знамёнах светских эмблем. На одном из стрелецких полковых знамён первой половины XVII века был «вышит зверь грив, в передней лапе палаш». На рубеже XVI и XVII столетий на военных знамёнах появляются территориальные эмблемы, многие из которых позднее послужили основой для гербов этих городов. На знамени городских стрельцов Астрахани золотом и краской была запечатлена городская эмблема: в голубом поле – золотая корона, под нею – серебряный восточный меч с золотой рукояткой.

Стремительно вошли в употребление прапоры – небольшие вытянутые знамёна с длинными хвостами, со скошенным снизу вверх клином. Как правило, прапоры опускались каймой. Прапоры употреблялись в качестве личных штандартов стрелецких «начальных людей». Собственными прапорами обзавелись многие стрелецкие офицеры. Некоторые из них не стали ограничиваться единственным штандартом, а завели себе сразу несколько прапоров. Никита Иванович Романов, двоюродный брат царя Михаила Фёдоровича, был обладателем двух прапоров. «На одном из них изображался золотой идущий грифон с мечом и щитом в лапах, на щите – небольшой чёрный орлик. Поле пра-

пора белое, с червлёной каймой, а у откоса – кайма чёрная и на ней изображены золотые и серебряные львиные головы». Позднее этот прапор был взят за основу при создании герба дома Романовых.

В вооружённых силах России того времени возникло даже некоторое противопоставление привычных для русского взора «исконных» полковых и сотенных стрелецких стягов знамёнам рейтарских, гусарских и иных полков. Появление новой знамённой моды в русском войске объяснялось довольно просто – участвовавшим приглашением на военную службу большого количества иностранцев, иногда составлявших целые воинские подразделения. После окончания Смуты приток иностранцев усилился. Справедливости ради следует отметить наличие при царе Михаиле Романове кроме иноземных отрядов, командование которыми осуществляли иностранные офицеры, и полков русских солдат. Внесение иностранцами в практику военной деятельности отдельных элементов собственных национальных обычаев и традиций армейской жизни не было их своеволием или капризом. Деятельность офицеров-иностранцев не ограничивалась обучением личного состава премудростям военного мастерства. В их обязанности входила в том числе и разработка предложений по составлению (изготовлению) знамён вверенных им частей. Поэтому вполне можно утверждать, что благодаря их деятельности в русском войске утвердился практически западный обычай размещать на знамёнах различные светские эмблемы. Наиболее часто на стрелецких знамёнах той поры встречаются разнообразные по форме и рисунку изображения орлов, грифов, змей, львов, химер, обрамлённые витиеватой надписью на латинском языке.

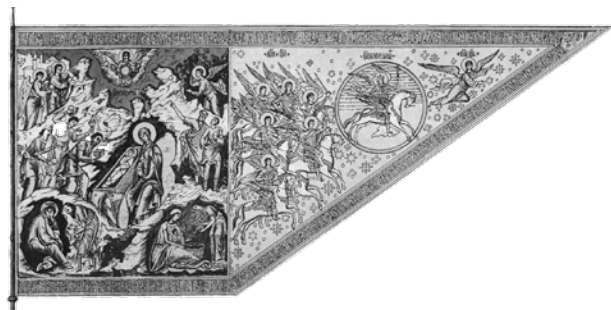
На сотниках московских стрельцов лежала ответственная обязанность – встречать у границы и сопровождать до Москвы иноземных посланников и гонцов. В одном из лучших произведений, посвящённых тогдашней Москве, автором которого является секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, повествуется о встрече в Кремле турецкого

посла: «Его встретили с очень большим великолепием шестнадцать тысяч человек конницы. В этом большом войске можно было сосчитать не более шести штандартов. Первый, принадлежавший лейб-компании, был из белого атласа с изображением на нём двуглавого орла с тремя коронами, окружённого лавровым венком с надписью "Virtute supero" (т. е. "Доблестью побеждаю"). Далее были три синих с белым, с изображением на одном – грифа, на другом – улитки, на третьем – руки с мечом. Далее ещё один из красного дамаста... Мы предположили, что такие эмблемы и знаменательные изображения были помещены [на штандартах] по указанию немецких офицеров, выступавших под Смоленск. Сами русские очень неискусны в изобретении таких вещей. Перед каждым штандартом ехали волынщики и литаврщики, а перед лейб-штандартом – шесть трубачей, которые, по-своему, трубили что-то весёлое».

До наших дней бережно сохраняется прапор с гербом города Владимира «на красной тафте, в середине, меж роз и тюльпанов, изображён золотом, серебром и красками владимирский герб – коронованный лев, держащий в передних лапах крест, вокруг золотая надпись "Владимирской". На откосах изображены драконы и звёзды». Для одного из полков было приказано сделать знамя с двуглавым орлом, а «под орлом пушка, а на пушке птица Гамаюн, против того, как печать города Смоленска». Впоследствии и пушка, и птица Гамаюн вошли в герб города Смоленска. Подобное происходило и с изображениями на прапорах. Позднее, уже при императоре Петре I, установился порядок, по сути, узаконивший включение городской символики в смысловое оформление стрелецких знамён. Городовые «жилые» стрельцы Новгорода, Пскова, Смоленска, понизовских городов получили на свои знамёна гербы этих городов.

Царь Алексей Михайлович, преисполненный истинного стремления внести в войска дух чинности и благочестия, в самом начале своего царствования пришёл к пониманию необходимости замены изображений на знамёнах полков, как их тогда называли, «ино-

земного строя». Вместо зачастую непонятных русскому человеку и не вызывавших у него уважительных эмоций рисунков птиц, зверей и рептилий по личному царём разработанному образцу вверху знамени у древка стали размещать восьмиконечный православный

Знамя Большого полка Великого государя царя Алексея Михайловича. 10 ноября 1654 г.

Знамя московских стрельцов С. Кровкова, 1695 г., потерянное стрельцами при Салатах в 1703 г.

крест. Данный шаг, по мысли царя, был призван существенно возвысить и статус знаменосцев. Противники нововведений, однако, особо подчёркивали, что знамя за сотенной головой традиционно возил холоп. Ведь даже имена знаменщиков, хотя и стояли в служилом списке вслед за офицерами, записывались в пренебрежительно-уменьшительной форме (Федька Дубинин и т. д.). Имена же ко-

мандиров полусотни уважительно писались по русской трёхчастной формуле (Анисим Авдокимов сын Гарончаров).

По определению Боярской думы в знаменщики стали направлять родовитых дворян. Но тут же появились местнические проблемы, выражавшиеся в недовольстве сотенных голов неожиданно возникшим равенством последних со знаменщиками. В целях придания большей значимости и почётности службе знаменщиков в указе правительства 1646 года перечислялись связанные с ней привилегии, включавшие превращение чина знаменщика в обязательную ступень перед назначением сотенной головой. Кроме того, указом предусматривались опала и наказания тем, кто будет укорять знаменщика этой службой.

Алексей Михайлович с присущими ему решительностью и напором быстро разрешил чреватое затаёнными обидами противоречие. Знаменщикам был повышен оклад. В помощь им были приданы воины, задачей которых было перемещение и охрана знамени между боями. За нападки и попытки «бесчестить» знаменосцев обидчику грозила Сибирь. Царь резонно установил для сотников и знаменосцев правило: «Быти головам и знаменщиком у сотен без мест (т.е. без учета родовитости. – Прим. авт.) и промышляти государевым делом в сотне голове и знаменщику вместе соотча заодин».

С лёгкой руки царя Алексея Михайловича знаменщиков стали именовать прапорщиками, хотя официально это воинское звание появится только в 1712 году при Петре I как первый (младший) чин офицерского состава в пехоте и кавалерии, создаваемой императором регулярной армии. Отбор в знаменщики становился всё более строгим и придирчивым. К кандидатам предъявлялись особые требования. Отбирались рослые воины, крепкого телосложения, проявившие себя в боях с врагами.

Стрелецкие знаменщики имели отличия от своих сослуживцев в одежде и оружии. Стрельцы, по рассказам Пальмквиста, носили верхнее платье с небольшим стоячим воротником и «шапку съ меховою опушкою, а у Стрелецкихъ Знаменщиковъ шапки были безъ опушки, съ небольшимъ раздвоениемъ,

у нижняго края, надъ лбомъ». Знамёнщики представлены Пальмквистом «съ железною саблею, въ такихъ же ножнахъ, привешенныхъ къ кожаному поясу, съ кожанюю же берендейкою и съ сумкою при сей последней». Стрельцы имели ещё по бердышу и самопалу. По свидетельству Пальмквиста, «Начальные люди и Знамёнщики Стрелецкихъ полковъ носили перчататыя рукавицы или перчатки,

*Стрелецкое знамя Сибирского
казачьего войска. 1690 г.*

съ запястьями». Знамёнщики пользовались и защитными доспехами. При описании царского смотра на Девичьем поле в 1664 году упомянуты стрелецкие знамёнщики приказа Артамона Матвеева, двое из которых были в кирасах и один в латах.

Быстрый взлёт и скорый бесславный закат стрелецкого войска, обусловленный стремительным поступательным движением Российского государства и превращением его под водительством Петра Великого в могущественную империю, наглядно отразился и на судьбе стрелецких знамён. Постепенно их стали передавать другим воинским формированиям. Бывшие стрельцы нередко и сами попадали в полки, именуемые солдатскими.

Удивительна история стрелецкого знамени, созданного из шёлка в Оружейной палате Московского Кремля учениками знаменитого мастера Симона Ушакова. Размер знамени

составляет 260 на 290 сантиметров. В центре стяга, имеющего охристый тон, размещён герб с образом иконы Богородицы «Знамение». Десять медальонов с ликами почитаемых святых помещены на перьях двуглавого орла... Надпись на нижней кайме полотнища гласит: «По Указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, Всея Великия и Малыя и Белые Руси самодержцев, построено».

Знамя было передано отправлявшемуся в Сибирь Московскому солдатскому гарнизонному полку, переименованному там по месту дислокации в Томский казачий полк. Так стрелецкое знамя стало казачьим. Со временем многие стали воспринимать его как символ сибирского казачества. До 1909 года знамя Сибирского казачьего войска было в строю. По решению казачьего головы Кузьмы Баркина оно сначала хранилось в войсковом правлении в Омске, затем было перенесено в главный храм сибирского казачества – Свято-Никольский собор, и, наконец, после титанического 15-летнего труда московских реставраторов историческое наследие героических предков обрело своё достойное место в Омском краеведческом музее.

Сегодня стрелецкие знамёна можно видеть во многих музеях. Их великая и полная драматизма история никого не оставляет равнодушным. В Оружейной палате Московского Кремля около них всегда много почтительных зрителей. Но не ко всем стрелецким знамёнам судьба была столь благосклонна. Некоторые стрелецкие стяги до сих пор находятся на чужбине. В Швеции, в стокгольмском Музее армии (Armémuseum, Riddargatan 13, Östermalm), до сих пор хранятся стрелецкие знамёна, утраченные в боях Северной войны. В трофейной коллекции музея представлены полковое и три сотенных (ротных) знамени Смоленского стрелецкого приказа Вилима Лицкина. В бою под литовским местечком Салаты (современный Салочай на реке Муше) были потеряны знамёна стрелецких полков Ивана Константиновича Нечаева и Михаила Ивановича Протопопова. В том числе бывшие знамёна полков Семёна Кровкова, Дмитрия

*Знамя смоленского стрелецкого
приказа Алексея Обухова. 1691 г.
Хранится в трофейной коллекции
Музея армии в Стокгольме*

Жукова, Петра Борисова. Шведы захватили три шёлковых ротных знамени стрелецкого полка Бориса Фёдоровича Дементьева. Среди трофеев шведской армии в бою под Салатами есть старые знамёна стрелецкого полка Алексея Лаврентьевича Обухова и большое число прапоров и штандартов других полков...

Стокгольмский Музей армии активно развивает сотрудничество с Эрмитажем и Музеем артиллерии в Санкт-Петербурге. Делегация Королевства Швеция, в которую входили и высшие представители администрации музея, посетила Москву. С представителями общественности обсуждался вопрос о судьбе знамени стрелецкого полка Никифора Колобова из храма Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами, более трёхсот лет хранившегося вдали от дома, в далёкой Швеции.

Недавно стартовал совместный проект сотрудничества стокгольмского Музея армии и Музеев Московского Кремля (Оружейной палаты), предусматривающий обмен учёными-исследователями. Карин Теттерис, хранитель древностей в Музее армии в Стокгольме, отмечает огромный интерес русских историков к коллекции знамён. А «для нас тоже очень интересно посмотреть, что есть в собраниях кремлёвских музеев, и мы скоро собира-

емся туда». Хорошо сохранившиеся шведские военные знамёна имеются также в собрании Эрмитажа в Санкт-Петербурге. «Для нас российские музейные коллекции были раньше труднодоступными... А вот сейчас... мы можем ездить друг к другу совсем на других основах, чем раньше, и получить доступ не только к экспонатам музеев и запасников, но и к архивам, что крайне важно для учёных. Так что мы тоже стремимся к расширению сотрудничества, к сравнению материала, к обмену опытом с коллегами из России», – говорит Карин Теттерис. Её коллега Марина Голованова, хранитель воинских реликвий Оружейной палаты Московского Кремля, говорит о 1500 русских знамёнах, составляющих основу шведской коллекции трофейных знамён. В основном это знамёна конца XVII – начала XVIII века, которые оказались у шведов во время Северной войны. При этом значительная часть русских знамён попала к шведам в 1703 году не в бою, а из захваченного ими обоза.

Цель проекта – сравнение типов знамён, их исполнения, помощь в атрибуции отдельных памятников, уточнение, выяснение дат создания знамён, определение и подтверждение принадлежности знамени тому или иному полку. В шведском музее хранится грандиозное полотнище размером 5 метров. Но многие буквы на знамени практически утрачены, и прочитывать надписи пока не удаётся...

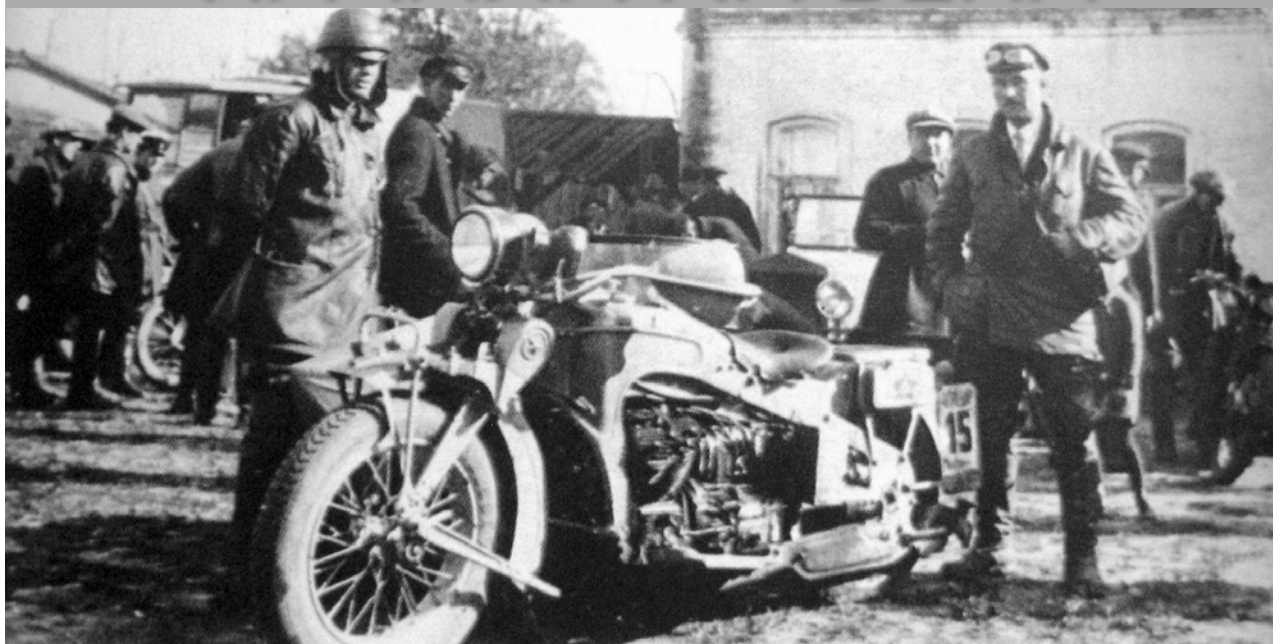
Также обсуждался вопрос о перспективах возможных публикаций результатов этого совместного проекта. **А**

Владимир ГАЗЕТОВ,
член Союза журналистов Москвы

«ЗОЛОТАЯ МОЛОДЁЖЬ» НАЧАЛА XX ВЕКА

П.В. Можаров (справа) около опытного образца ИЖ-1 перед пробегом в сентябре 1929 года. Слева, в шлеме, – заводской испытатель И. Шадрин

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ НА ЭКРАНАХ ТЕЛЕВИЗОРОВ, НА СТРАНИЦАХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ ВСЁ ЧАЩЕ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ЖИЗНИ «ЗОЛОТОЙ МОЛОДЁЖИ» ХХІ ВЕКА: ПОГОНИ НА «ГЕЛЕНДВАГЕНАХ», ПАРАДЫ НА ЛЮКСОВЫХ ВНЕДОРОЖНИКАХ СНИМАЮТ НА МОБИЛЬНЫЙ ТЕЛЕФОН И ВЫКЛАДЫВАЮТ РОЛИКИ В ИНТЕРНЕТ... «ЗОЛОТАЯ МОЛОДЁЖЬ» ВЕСЕЛИТСЯ НАПРОПАЛЮЮ, ДАЖЕ НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, ЧТО ТАКИМИ «ЗАТЕЯМИ НА ДОРОГАХ» ОНИ ПОДВЕРГАЮТ ОПАСНОСТИ НЕ ТОЛЬКО СЕБЯ, НО И ПРОХОЖИХ, ДРУГИХ АВТОМОБИЛИСТОВ. «ОХ УЖ ЭТА СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЁЖЬ!» – НЕДОВОЛЬНО ВОСКЛИЦАЮТ СТАРШИЕ И ДОБАВЛЯЮТ, ЧТО РАНЬШЕ ДЕТИ БЫЛИ ДРУГИМИ, КУДА БОЛЕЕ ПОСЛУШНЫМИ И СКРОМНЫМИ. НО ТАК ЛИ ЭТО? ОТВЕТ ПОМОГЛИ НАЙТИ ЗАМЕТКИ ИЗ СТАРИННЫХ ТАМБОВСКИХ ГАЗЕТ.

Как пишут историки, «потребность людей в необходимости ускоренного перемещения по земле привела человечество к созданию различных машин и механизмов, наиболее удобным и любимым из которых стал автомобиль. В начале XX века ими в России мало пользовались, да и то преимущественно в спортивных или туристических целях. В от-

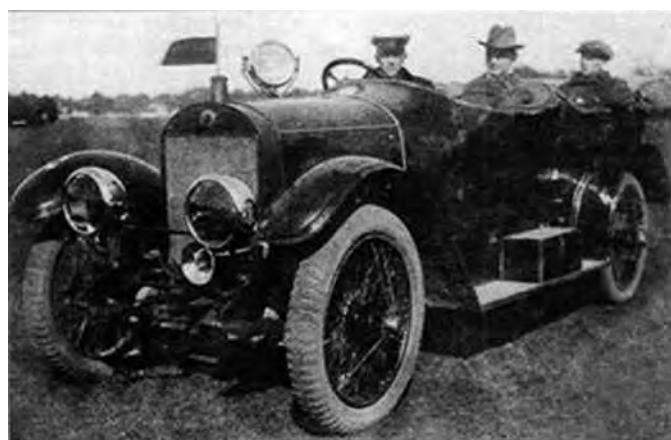
личие от промышленно развитых стран (США, Германия, Англия) Россия была страной крестьянской, где труд стоил дешево. Основным средством перевозок и в городе, и на селе, главной тягловой силой в сельском хозяйстве была лошадь – по данным на 1914 г., их в стране насчитывалось более 32 миллионов – почти треть всех работающих лошадей

П. В. Можаров

Семья Можаровых

планеты. Появление автомобилей большого воодушевления в России, в том числе и в Тамбовской губернии, не вызвало». Их распространение имело как сторонников, так и противников: последних пугали несчастные случаи с лошадьми, выхлопные газы, а ещё – «безобразия на дорогах, чинимые молодыми людьми».

Газета «Тамбовский край» в № 1808 от 21 сентября 1913 года писала:

Новое хулиганство «людодавов»

...Автомобили вселили озлобление во всех слоях общества. От них нет проходу. 16 сентября, в 9-м часу вечера, автомобилем чуть не сбиты с ног отставной полковник с супругой, шедшие по Приютской улице...

Однако в 1914 году в Российской империи насчитывалось уже около 13 тысяч ав-

томобилей 270 иностранных фирм – помимо выпуска собственных машин, Россия была крупнейшим в мире импортёром авто. Как и всем новым, автомобилями особо интересовалась молодёжь, но увлечение это, как и сегодня, считалось недешёвым. Автомобили были чрезвычайно дороги. Малые двухместные с двигателями мощностью 6–8 лошадиных сил стоили тогда от 2000 до 3000 рублей. Для сравнения: высококвалифицированный рабочий автозавода за 11-часовую смену получал чуть больше двух рублей. Один из первых автомобилей в Тамбове появился у богатого помещика и заводчика Ивана Петровича Можарова, у его сыновей Бориса, Сергея и племянника Петра. Последний – наш земляк, родился в 1888 году в селе Саюкино (ныне Рассказовского района), впоследствии стал основателем отечественной мотопромышленности. Летом 1913 года, во время приезда в Тамбов государя к своей тётке – великой княжне, братья Можаровы, как и другие дворяне, на своих автомобилях встречали Николая II и возили высоких гостей. Об этом событии потом долго толковали на Тамбовщине, а семью Можаровых вспоминали с гордостью. Но автомобиль приносил и немало хлопот. Особенно помещика Ивана Петровича Можарова волновало «геройство» сыновей и племянников на дорогах...

Ещё одна заметка в газете «Тамбовский край», № 1811 от 25 сентября 1913 года:

Еще о тамбовских автомобилистах

Тамбовские автомобилисты продолжают отличаться: не успели забыть процесс сына миллионера – студента Асеева, изувечившего пожарного, и случай с другим автомобилем, когда пострадала больная женщина, ехавшая с сестрой милосердия, как новое событие: Можаров, мчась на своем автомобиле за Цнинским мостом, наехал на полицейского стражника, ехавшего на телеге, перевернул последнюю и, в результате, стражник оказался с переломанной рукой. Можаров за свое «геройство» привлечен к ответственности. Дело будет слушаться у городского судьи 1 участка 10 октября. Последние три случая неосторожной езды автомобилистов выдвигают вопрос о необходимости «сократить» их, хотя бы таким наказанием (арест без замены штрафом), какое наложено на Асеева, продолжающего, к слову сказать, бешено разъезжать по городу и днем и ночью.

Большой резонанс получило «дело сына миллионера Асеева», которое вызвало в Тамбове волну материалов о правилах поведения автомобилистов и о наказании, которое необходимо ввести за хулиганство на дорогах: «Желательно, чтобы судьи поддерживали благой почин судьи, неубоявшегося присудить миллионера под арест за хулиганскую езду на автомобиле...»

Вот что написала по этому поводу газета «Тамбовский край», № 29 от 5 февраля 1914 года:

Автомобильный вопрос

Дело студента Асеева, судившегося за неосторожную езду по городу на автомобиле, выдвинуло вопрос о том, как автомобилисты должны поступать, когда видят, что автомобиль пугает чью-то лошадь?

Оказывается, что точных указаний на этот счет не имеется, так как действующее в г. Тамбове обязательное постановление городской думы о мерах безопасности и порядке движения на автомобилях, изданное губернатором 15-го июня 1910 г., хотя считается с тем, что автомобили могут пугать лошадей, но относительно осторожности говорит так: «Заметив, что какая-либо лошадь пугается ав-

томобиля, управляющий им должен сдерживать ход и, вообще, принять меры к предупреждению несчастия», другими словами, предоставляет самим автомобилистам решать вопрос, – что в данный момент лучше сделать: проехать ли мимо испугавшейся лошади, или остановить автомобиль? Каждый, разумеется, смотрит по-своему, и поэтому меры предосторожности принимаются неодинаковые, в результате чего и случаются несчастия, одно из которых едва не привело студента Асеева к пятидневному аресту. В обязательном постановлении, от 30 января 1905 г., касающемся езды по городу на велосипедах, обязанность велосипедистов «при встрече с лошадьми, обнаруживающими беспокойство и испуг» формулирована точно, а именно: велосипедист «должен сойти с велосипеда и, по возможности, скрыть его от испуганной лошади». Здесь мысль выражена ясно и определенно и, при допущении велосипедистом неосторожности, не может быть спора: правильно ли он поступил? Случай с Асеевым (а он, ведь, далеко не единственный), думается, слишком красноречиво говорит о необходимости такого же точного, исключаящее всякое личное усмотрение указание внести и в обязательное постановление о езде на автомобилях.

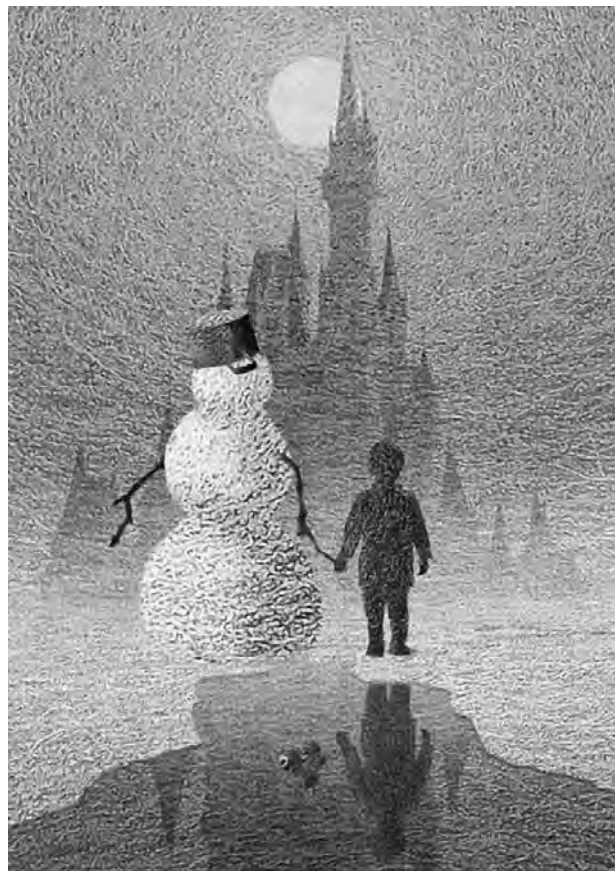
После указанных случаев в «Тамбовских губернских ведомостях» (№ 56 от 23.07.1914) опубликовали очередные правила автомобильного движения. Они предусматривали получение в городской управе специальных разрешительных билетов для езды на автомобилях, необходимость уступать дорогу лошадям и пешеходам, подавать постоянный сигнал при подъезде к перекрёстку, повороту и выезде из двора, а в некоторых случаях – выйти из автомобиля или выезжать при помощи другого человека, который бы смотрел за дорогой. Имелось и ограничение скорости на езду в городе – 12 вёрст в час. Как видим, молодёжь начала XX века совсем не отличалась от сегодняшней, а автомобильный вопрос, как и сто лет назад, продолжает оставаться актуальным. А

Андрей ЛИТОВСКИЙ,
Марина ЕЛЮТИНА,
г. Тамбов

ЛЕКАРСТВО ОТ ПЛОХОГО НАСТРОЕНИЯ

СКАЗКА

Зима была на исходе, но всячески сопротивлялась приходу весны, отстаивая свои права. После ярких солнечных дней вдруг снова набегали тучи и шёл снег. Но снег был мокрый и липкий, снежинки летели, кувыркаясь и слипаясь в несуразные хлопья. А прямо посреди двора одного дома стоял Мальчик и ловил эти хлопья раскрытым ртом! Во дворе никого не было. Тогда Мальчик решил вылепить себе товарища. Так на свет появился Снеговик. Он улыбался миру открытой улыбкой из двенадцати угольков. Вместо носа у Снеговика была еловая шишка, вместо рук – две сосновые ветки. Не хватало только шляпы. Мальчик огляделся вокруг и увидел в луже дырявую жёлтую кастрюлю. Как раз такая бы пригодилась для шляпы Снеговика! Мальчик взял палку и стал доставать кастрюлю из лужи, но поскользнулся и упал в воду. Уже не пытаясь отряхнуться, он достал предполагаемую шляпу, выплеснул из неё воду и снег и водрузил снеговика на голову. Образ товарища был завершён.

Мальчик вернулся домой, снял промокшую насквозь одежду и подошёл к окну. Со двора на него смотрел весёлый Снеговик с жёлтой шляпой на голове! Он почти заглядывал в окно, качая своими сосновыми ладошками. И улыбался.

Мальчик сел на угол кровати. Вдруг заболела голова и стало невыносимо жарко. А потом перед глазами проплывали озабоченные лица мамы и бабушки, сосредоточенные глаза доктора.

Мальчик то засыпал, то просыпался, то снова засыпал, считая во сне огромные хлопья снежинок...

Поздно вечером, когда все уже спали, мальчик проснулся и подошёл к окошку. На улице падал снег.

– Здравствуй! – приветствовал его Снеговик. – Жаль, что ты не пришёл ко мне сегодня!

– Я заболел из-за тебя! – сказал Мальчик. – Всё из-за твоей шляпы!

– Извини, – ответил Снеговик. – Я вовсе не хотел, чтобы ты заболел. А шляпа замеча-

тельная – без неё у меня бы разлетелись все волосы. Хочешь, я вылечу тебя?

– Как же ты будешь меня лечить? Ведь ты не доктор, и у тебя нет лекарств!

– Я расскажу тебе сказку! Ложись в постель и слушай!

Мальчик лёг в кровать. На стене колыхалась тень от сосновых ладошек Снеговика. Тень расплывалась, превращаясь вдруг в скачущих лошадей, в летящих птиц и в пламя костра.

– Сегодня я расскажу тебе сказку про одного очень смелого воробья, – сказал Снеговик.

И Мальчик, засыпая, слушал историю о верности и преданности, о большом подвиге.

Утром пришёл доктор и сказал, что всё не так плохо. Когда он вышел из комнаты, Мальчик бросился к окошку:

– Снеговик! Какую хорошую сказку ты рассказал мне вчера!

– А ты надел тапочки? – спросил Снеговик. – А лекарство выпил?

– Я не люблю пить лекарства! – воскликнул Мальчик.

– Придётся тебе слушаться меня, – ответил Снеговик. – Если ты не будешь пить лекарства, мне одному не справиться с твоей болезнью.

– А что ты расскажешь мне сегодня? – спросил Мальчик вечером.

– Сегодня я хочу рассказать тебе о старом башмаке и маленьком Паучке. О далёком путешествии и опасных приключениях. Только ты укройся теплее и слушай.

И Мальчик снова, затаив дыхание, слушал сказку.

А утром за окном была метель. Ветер стучал в окно, надрываясь, выл в печных трубах, громыал цепью на качелях во дворе. «Как же там мой Снеговик?» – подумал Мальчик и вскочил на подоконник.

– Какая прекрасная погода сегодня! – воскликнул Снеговик. – Смотри, у меня теперь новая шуба! Только ты слезь с окошка, оно холодное, а ты всё-таки не снеговик!

Мальчик слез с подоконника:

– А я испугался за тебя...

– Это хорошо, – ответил Снеговик. – Это очень важно – испугаться за кого-то. Значит, ты умеешь любить.

Потом были ещё вечера и были ещё сказки. Про флюгер, который мечтал о дальних странах, про Рыжего щенка, который дружил с котёнком. Грустная история одного лягушонка, весёлые приключения зелёного кузнечика! Мальчик даже не заметил, как болезнь отступила. В тот вечер он услышал стук в окошко. За окном шёл дождь. Сквозь темноту и пелену дождя Мальчик посмотрел на своего Снеговика. Сосновые ладошки опустились вниз и больше не отбрасывали тень на стену, жёлтая шляпа-кастрюля съехала набок, и из-под неё смешно торчала копна волос из старой мочалки.

– Я не смогу сегодня рассказать тебе сказку, – грустно прошептал Снеговик.

– Ты заболел! – воскликнул Мальчик. – Не надо сказку! Сейчас ты ложись спать! Когда спишь, болезнь проходит, я знаю!

– Хорошо, – ответил Снеговик. – Давай спать.

А утром было солнце! Яркое-яркое! Громко щебетали птицы, и повсюду капало с крыш. Мальчик глянул в окно и не увидел там своего Снеговика. Вместо него была просто куча потемневшего снега, сверху которой громоздилась жёлтая кастрюля... И только улыбка из двенадцати угольков оставалась прежней! Мальчик заплакал:

– Я не хочу, чтобы ты уходил! Мне так хорошо было с тобой!

– Не плачь, – совсем тихо сказал Снеговик. – Просто пришла весна. Я рад, что теперь ты здоров. А когда снова наступит зима, ты опять вылепишь меня, и я буду рассказывать тебе сказки... Только сохрани мою шляпу, мне она очень нравится... А

Ольга ЛУЦЕНКО

**Иллюстрация художника
Владимира ЧЕРЁМИНА**

ТРИ СЛУЧАЯ В ДЕРЕВНЕ

СКАЗКА

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВНУКАМ
АРТУРУ, УЛЬЯНЕ, РИТЕ

СЛУЧАЙ ПЕРВЫЙ

В одной деревушке жил да был мужик. Иван Иванович. Было у него большущее хозяйство. А рядом – огромный лесище. Во дворе коровка с телком, стадо овечек с ягнятами, барашек с крутыми рогами. В хлеву, где и зимой тепло и уютно, разная животино. А напротив – курятник с разной птицею: куры «ко-ко-ко», утки «кря-кря-кря», гуси «га-га-га». Гусак важный такой: увидит кого, шею вытянет в струнку да за штаны – цап! А по

двору Хавронья со своим выводком гуляет да грязевую ванну принимает.

Кругом луг с разнотравьем. На нём овечки, лошадки со своими детишками пасутся. Сторожит их пёс по кличке Барбос. Он день и ночь начеку. А в доме живёт ленивый кот. Солнце уже в зените, а он, чёрной масти с белой грудкой, на широкой завалинке лежит-полёживается. Дремлет, бока греет. Приоткроет глаза, замурлычет довольно: «Мурмур» – и опять в дрёму.

– Что, лентяй, заняться, что ли, нечем? – ворчит Барбос. – Вытягиваешься, бездельник, день и ночь.

Повернулся к нему кот. Солнце глаза ослепляет. Поглядел на Барбоса и сказал совсем неласково:

– Это ты у нас день и ночь всё «гав» да «гав»? Охранник, называется. Никакого покою от тебя. – И опять закрыл глаза.

– Дурья твоя башка! – рыкнул Барбос. И подумал: «За что только тебя хозяин наш кормит да ещё и в доме держит?»

Случайно этот разговор услышал хозяин. Удивился: «Вот это да! Животные разговаривают! В жизни такого не слыхивал. Чудеса да и только!» Позвал охранника:

– Барбос, вы, оказывается, по-нашему, по-человечески, разговаривать умеете.

– Да, – признался он. – Пришлось выучить человеческий язык.

– Молодец, – похвалил Иван Иванович охранника. И спросил у кота: – И ты тоже научился?

Кот заважничал и решил выглядеть умнее пса.

– Мяу. Ещё как научился, – ответил и важно так потянулся, прогнул спину, задрал хвост.

Барбоса обидела такая выходка кота, и он попрекнул:

– От безделья у него и по-петушину горланить получится.

– Ха. А мне что... И по-петушину смогу, – продолжал важничать кот. – Только неохота что-то. Эт надо, прежде чем горло драть, очень рано вставать. А я не уж. По-своему, по-кошачьи, буду жить. Мы – коты! Где хотим, там и гуляем. Где хотим, там и спать ляжем. И первое лакомство от хозяина тоже наше. Моё!

Выслушав это бахвальство, хозяин остался недоволен и кота, который, нежась и подлизываясь, тёрся об его ноги, отшвырнул прочь. С досадой крикнул ему вслед:

– Брысь! Пошёл вон с моих глаз!

Ушёл в лес кот с большой обидой на весь двор. Подумав, пригрозил: «Я-то в лесу проживу без вас. А вы ещё вспомните обо мне, да поздно будет».

А в лесу том дремучем жила лиса. Ох, до чего хитрющая была, до чего ласковая и прикидчивая! И вот идёт лиса по лесу. Голодную – аж брюхо всё подвело! Старееет рыжая. Ни зайца, ни мышки, ни птички вокруг. Будто вымер лес. И вдруг видит, навстречу какой-то

неизвестный ей зверь идёт. Удивилась лиса: «Кто это? С каких лесов? И не мал, и не велик».

– Кто, откуда и куда? – спросила, подойдя.

– Я кот.

– Кот?! – ещё больше удивилась рыжая. – Сколько лет в лесу живу, а такого зверя не встречала. – Облизнулась с голодухи. – Пожалуй, я тебя, кот, съем.

Испугался кот последних её слов. Только виду не подаёт. А лиса вспомнила, что звери под названием коты живут в добротных домах. На ус намотала хитрунь. И спрашивает певуче:

– А ты зачем к нам в лес? С какой целью?

– Во-первых, я не из леса. Во-вторых, я несъедобный.

– Тогда, – хитрит бестия, – откуда ты?

– Из деревни.

– Хорошо. А куры, уточки в вашей деревне есть?

– Сколько угодно, – важно выгнув спину и задрав антенной хвост, ответил изгнанник.

– И гуси есть?

– А то. Во дворе, где я жил, преданно и зорко сторожит Барбос.

Облизывается лиса, не страшен ей Барбос. Да и не до него: есть ужась как хочется. И спрашивает строго у кота:

– Ты укажешь мне дорогу туда?

– Я? Дорогу? – замялся кот, не желая быть наводчиком у лисы.

– Не покажешь дорогу, тогда я съем тебя! – разозлилась она.

Струсил кот и согласился помочь, а заодно отомстить хозяину.

– Мур-мур, – завилал хвостом перед лисой. – Конечно, помогу. Но надо дожидаться вечера. Хозяин устанет, спать пойдёт. Двор сторожить будет только Барбос. Я отвлеку его, а ты лезь в сарай. Там нора. Только ты спину выгни.

– Хорошо, – обрадовалась рыжая. Однако пригрозила коту: – Если обманешь, пеняй на себя, деревенский зверёныш.

Обиделся кот за угрозу, ан деваться некуда. Обещал – надо выполнять. И успокоил себя мыслью: «Пусть хозяин узнает, кого ногами пинать да из дома гнать! Мур-мяу, мур-мяу!»

Дождались, когда стемнело. Подкрались к дому Ивана Ивановича. Лиса осмотрелась вокруг. Никого. Подтолкнула кота.

– Иди, зверь деревенский, отвлекай Барбоса. Теперь все спят.

Идёт кот, а сам боится. Песенку мурлычет, да уж очень громко:

*До чего же коту обидно,
Что хозяин, эх, не чтёт.
Неужели ему не видно,
Службу верно кот несёт?!
Как мне быть, коту-бедняге,
Где теперь найти приют?
Если в дом меня не пустят,
Миску каши не дадут...
Помоги, Барбос, прошу я.
Иль непустишь и во двор?..*

Стыдно стало коту, и он промурлыкал себе под нос:

*О, какой же мне позор:
Я иду домой... как вор!*

Барбос насторожился. Но жалко стало кота. И говорит ему:

– Коль понял и раскаиваешься – заходи во двор.

Но кот хитрый. Спрашивает тихо:

– А ты не сердишься на меня, а? Иван Иванович?

– Я не сержусь, – ответил пёс. И предложил по-дружески: – А ты меняй свой образ жизни, и всё будет хорошо.

Однако кот на своём:

– Я же кот!

Барбос – своё:

– Надо пользу приносить, а не валяться днями и ночами, не гулять где попало и когда попало, да и не хвастаться.

– А хозяин спит? – спросил кот.

– Умаялся за день...

– А ты? Устал тоже, поди. Ты ложись, я постерегу за тебя.

– Спасибо за сочувствие, – поблагодарил пёс. – Но мне нельзя спать. Я же пёс сторожевой.

Чует кот, плохо дело. Не хочет спать Барбос. Верный служака! И решил кот другим способом отвлечь пса – рассказами смешных историй. Увлёкся Барбос, слушая их. Лиса тем временем не дремала. В курятник побежала. Выгнула спину, в норку пролезла. А там темнотища – хоть глаз выколи! Кур полным-полно на насесте. Встала лиса на задние лапы, подпрыгнула и схватила курицу. А остальные как закудахчут! Тревогу подняли. Петух как загорланит:

*Ой, беда, беда, беда!
Из лесу лиса пришла!
Не пойму пока никак:
По наводке или как?
Где ж ты, сторож наш, Барбос?!
Ох, спасай скорей, дружок!*

Услышал Барбос крик о помощи, бросился к курятнику. Кот – за ним следом, помешать пытается:

– Зачем туда, Барбос, бежишь? Петух спросонья всё напутал! Видать, лису он с кем-то спутал!

А лиса, уже с добычей в зубах, нырь в норку – и бежать. Барбос увидел воровку, кинулся догонять.

– Стой! – кричит Барбос лисе. – Хуже сделаешь себе!

Лиса не слушается. Бежит стремглав в лес, не выпуская добычу.

– Отпусти курицу, лиса! – кричит пёс.

– Ни за что! – отвечает лиса.

А бедная курочка бьётся, умоляет о помощи:

*Помоги мне, пёс Барбос!
Унесёт меня лиса
Да во тёмные леса.
Там погибель ждёт меня.
Не найти там и пера!*

А кот-предатель и не думает помогать. Наблюдает за всем и причитает:

*Мур-мур, плохи мои дела.
Ни во двор, ни в лес нельзя.
Проворонила лиса,
Подвела меня, кота.
Беги, рыжая, ты в лес!
Ты ж, Барбос, отстань, балбес!*

А пёс уже в двух метрах от лисы.

*Отпусти, лиса-воровка!
Не то будет тебе плохо!*

Поняла лиса, что не убежать теперь от Барбоса.

– Всё, видать, попалась я! – Бросила курочку-рябушку она. – Лишь не трогай, пёс, меня. – И умчалась в лес ни с чем.

Подобрал Барбос курочку, домой принёс.

А кот своё:

– Я тут от вора курей спас! Барбос вдогонку за лисой, я за него, сторожевой!

Заслужил кот похвалы. Гордо выгнул спину, хвост дыбом и замурлыкал: «Умный всё же я котятра! Выход для себя нашёл и в доверие вошёл!» И снова, как прежде, на бочок на завалинку, где солнышко хорошо греет. Лежит, попевает: «Вот такая жизнь кота: лежи да грей свои бока. Спи, не думай ни хрена, всегда есть миска молока. Не нужен лес мне ни черта. В нём есть голодная лиса. А моя жизнь – прям красота!»

СЛУЧАЙ ВТОРОЙ

Прошли сутки после того, как лиса «осталась с носом». Настала ночь следующих суток. Брюхо у лисицы пустое, а ночь лунная, светлая. И обвинила рыжая во всех промахах и грехах своих кота. Плохо он отвлекал пса.

Бредёт голодная лиса по лесу и слышит волчий вой. Пригляделась. Видит, на опушке на гнилом пне серый сидит. Смотрит он на луну и воет. Да так, что жуть берёт.

– У-у-у!

Подошла лиса к нему незаметно и говорит:

– Всё воешь, кум?

Волк повернулся к лисе.

– Это ты, кума? Здорово.

– Здравствуй, здравствуй, куманёк. Чё не спишь-то?

– А ты что не спишь? – спрашивает в ответ. – Вижу, тощая ты совсем. Голодная, потому и сон не берёт. А я тоже жрать хочу. Двое суток ни маковой росинки во рту не держал. Хотя бы зайчишка какой-нибудь задрипанный попался. Уже кишка на кишку протокол пишет. Вот и вою на луну, тем голод утоляю.

Лиса хитрая. Хитро и отвечает ему:

– Ну что ты, куманёк. Я сыта, – погладила себя по животу, – курятинкой да гусятинкой. Аж икота замучила, как наелась. Всю жизнь о таком мечтала...

От таких слов лисьих у волка слюнки потекли. Удивился он.

– Где такое изобилие нашла, кума?

– В деревне, куманёк.

– А овечки там есть? – спросил волк с загоровшимися глазами.

– Есть, конечно. И барашек есть. Там всё есть, как в Греции.

Серый вскочил с пня. Овец он видел в букваре ещё в лесной школе, а вот барашка не видел нигде и никогда.

– Пошли, кума!

– Эт куда же? – насторожилась лиса и даже затрусилась.

– В деревню!

– Сейчас? Ночью? – захитрила бестия. –

Что ты, что ты. Надо дня дожждаться. Тогда овечек из хлева выпустят на пастбище.

– Ладно, давай подождём.

– Э-э нет, кум, – продолжает хитрить лиса. – Уж больно ты хитроумный. Сопрёшь овечку и один кушать будешь.

– Да ты что, кума. Я не жадный, вместе будем есть.

Дождлся наконец волк момента, когда лиса повела его на луг, на пастбище. По дороге напутствие дала, как и когда действовать, сама – в кусты густые спряталась и ждёт... Волк на пастбище. Видит, в сторонке скотина с огромными рогами. Такого волк и на картинке не видал. Подумал: «Это, наверное, и есть баран». А баран тоже заметил волка, заблеял от страха.

– Ты кто?!

– Я волк. А ты кто? – спросил волк и ответил: «Это не овечка».

– Баран.

– А овечки где?

– Вон пасутся. А зачем тебе мои сёстры?

– Как сёстры? – глухо спросил волк. – Ты кто им?

– Раз они сёстры, значит, я им брат, – сказал и как выставит на волка крутые рога, как разбежится да как зашумит:

– Бя! Бя! Волк! Волк!

– Тьфу! – плюнул в сердцах голодный волк. – Век живи и век учись! – Схватил жирную медлительную овцу, взвалил на спину – и бежать в лес.

– Беги, кум! Беги! – подгоняет лиса рядом.

– Уж больно тяжела ноша на мой голодный желудок, кума! Помогла бы.

– Помогу, куманёк, помогу, – обещает. Сама оглядывается: далеко ли погоня.

Барбос-то враз за ворами погнался.

– Ай, ай! – кричит расстроенный хозяин. – Лесные разбойники!

А Барбос бежит да своё твердит:

– Ну погоди, рыжая! Я тебя узнал. Эх, и доберусь я до тебя! Это ты волка навела.

Слышала эту угрозу бегущая налегке лиса или нет, только – прыг в лес. И была такова. А Барбос продолжает гнаться за волком.

– Брось овечку, серый! – кричит. – Не то худо будет!

Выбивается из последних сил волк, запыхался, а бросить добычу жалко. И ругает лису на чём свет стоит. Тут Барбос чуть не схватил волка за хвост-метёлку. Испугался волк гибели своей. Понял, надо себя спасать. Сбросил со спины овцу – и дёру в тёмный лес. Барбос вернул овечку в её родное стадо. С той поры Иван Иванович стал ещё сильнее ценить этого верного четвероногого друга. А лиса и волк так ни с чем и вернулись в лес. Пришлось серому первый раз в жизни своей волчьей утолить голод кислыми лесными ягодами.

– Ох и кислощие! – взвыл он. – Так и вегетарианцем в этом лесу станешь! А во всём кума-лиса виновата!..

СЛУЧАЙ ТРЕТИЙ

И на сей раз хитрющая лиса, как и кум её, серый волк, ни с чем.

Не пришлось им отведать баранинки, вкусного деревенского гостинца. Снова лиса бродит по лесу в поисках пропитания. Солнце светит ярко. Схоронились от неё птички и зверушки малые. Идёт-бредёт Патрикеевна, а навстречу ей медведь – бурый лесной великан косолапый, топтыга мохнатый. Ревёт мишка, словно олень, ветки гнёт и сам с собой речь ведёт.

– Ах, как мне не везёт! Как надоели эти противные ягоды лесные! Как хочется медку свеженького отведать!

Услышала то лиса – и тут как тут. Новая хитрость у неё на уме.

– Что, Мишенька, медку желаешь?

– Ага. Да пчёлы больно хитрыми стали. Гнёзда с мёдом на самых высоких деревьях, а дома на опасных ветках делают. Туда мне, такому тяжёлому, не добраться.

Лиса-бесовка хитрая и подсказывает выход.

– Да, мощный ты и сила у тебя богатырская. Вот ума нет. Зачем тебе по деревьям лазать? Я подскажу, где мёду полным-полно, и лазать не надо.

– Эт где же?! – загорелся медведь.

– У деревни, рядом с лесом.

– Да ну?!

– Вот те и ну. На пасеке. Мужик её хозяин. Иваном Ивановичем зовут. Но проникнуть на пасеку сложно. Пёс Барбос охраняет. Бдительный такой, преданный, гад.

А медведь уже и не слушает. Представляется ему колода с мёдом. Облизывается в предвкушении долгожданного обеда. Рычит:

– Ох как медку хочется!

– Ну тогда слушай. У меня план есть хороший.

– Выкладывай план, да поскорей! – торопит медведь.

А лиса в уме прикинула и говорит важно так:

– Я сбегая на пасеку, узнаю, что да как там. А ты иди к дому, куда укажу. У дома кур

полно. Хватай, сколько сможешь, и беги в лог. А я в тот момент буду на пасеке отвлекать... Ты знаешь, где лог?

– Знаю.

– Вот тебе мой ответ: ты мне кур приносишь, я тебе дорогу указываю.

– Пасеку?

– Ну да.

Мишка-то бесхитростный, даже глуповат, хоть и огромный.

– Хороший план у тебя, – хвалит прежде времени медведь, ибо одно на уме – мёд!

– На то и ум мне дан, – кокетничает лиса без зазрения совести. – Вот наешься медку, и у тебя ума прибавится.

Медведь, довольный планом лисы, опять торопит:

– Идём же на пасеку!

– Ушлый ты. Не опережай план. Ведь договорились же. Я вперёд на пасеку в разведку, а ты – в деревню к дому Ивана Ивановича за курочками и с добычей – в лог.

– Ага. Так и сделаем.

Пришли вместе на окраину деревни, там разошлись. Лиса – к пасеке. Медведь – к дому Ивана Ивановича. Дома ни хозяина нет, ни

Барбоса. Они на пасеке. Увидела их лиса и убежала в лог ждать медведя. Он тем временем поймал двух кур и пустился бежать тоже в лог. Прибежал, спрашивает лису:

– Что на пасеке?

– Никого нет, – забирая у него кур, отвечает плутовка.

– Дальше что делать мне?

– Как что? Иди смело на пасеку. Выбери улей, в котором самое большое количество мёда, – и в лес.

– А как я узнаю, где мёда больше всего?

– Эх, Топтыгин. До чего ж ты... – хотела сказать «глупый», но спохватилась (ведь обидится он) и ответила просто: – По тяжести.

Пришёл косолапый на пасеку. Пчёлы на ней трудятся не покладая крылышек. Снуют в улей и обратно. Нектар с цветов приносят и снова за ним летят. За работой бдительность потеряли. И хозяин ушёл домой. Остался только верный пёс. Медведь увидел ряды ульев и представил, что в них мёду душистого – видимо-невидимо! Но и пчёлы заметили мохнатого вора.

– Жу-жу! – понеслось по всей пасеке. Сообщили друг другу о незваном госте и давай жалить его со всех сторон.

Как нарочно, Барбос устал, отдохнуть прилёг. А медведю больно от укусов пчелиных. «Здесь пчёлы не дадут спокойно медку отвесить!» – решил медведь. Выбрал улей потяжелее – и с ним бежать с пасеки. И такой шум поднялся на ней, что разбудил Барбоса. Увидел он медведя и растревоженных работниц-пчёл.

– Эй ты, разбойник! Паразит лесной, грабитель! Стой!

Услышал строгий голос стража медведь, бросился бежать во всю медвежью прыть, но улей не бросает. Пчёлы густой тучей над ним. Жалят со всех сил своих. И шуба медвежья не спасает вора. Но и бросить улей ему жалко. Увидел он болото. Поставил улей на берегу, сам в воду залез так, что из неё одна голова торчит. Лягушки давай смеяться над косолапым.

– Ква-ква! Ква-ква!

Стыдно стало от этого медведю. Возмущился Барбосу:

– Прости меня, пёсик. Уж очень медку

мне захотелось. Оно и сейчас хочется... Если бы не проклятая лиса, век бы на пасеку не заглянул бы.

– Ах, опять эта прохиндейка лиса! – удручённо воскликнул пёс. – Ну погоди у меня, плутовка! Несдобровать тебе!

А медведь всё прощения просит. Теперь и у пчёл. Необидчивы они оказались. Пригласили медведя на пасеку. Угостили самым отборным душистым медком. А самая главная пчела, матка, провожая гостя, сказала:

– Захочешь мёда, не воруй впредь. Попроси хорошо, дадим. Мы ведь пчёлы не жадные и добрые.

– Хорошо, – сказал медведь. – А за угощение спасибо. – И, довольный, ушёл в лес...

Тут и сказкам конец. А кто читал и слушал – молодец!

Виктор ФОМЕНКОВ

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

НА СТРАНИЦАХ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «АЛЕКСАНДРЪ» МЫ НЕ РАЗ РАССКАЗЫВАЛИ ВАМ О ВСТРЕЧАХ, ПРОВОДИМЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ЖУРНАЛА С ЧИТАТЕЛЯМИ. ТАК, ЗА НЕПОЛНЫЕ ДВА МЕСЯЦА ТАКИЕ ВСТРЕЧИ БЫЛИ ОРГАНИЗОВАНЫ В ПОСЁЛКЕ БОНДАРИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ, ГОРОДЕ ЕКАТЕРИНБУРГЕ, СЕЛЕ СТАРАЯ КАЗИНКА МИЧУРИНСКОГО РАЙОНА И ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ ГОРОДА ТАМБОВА.

15 декабря 2017 года в центральной библиотеке Бондарского района состоялась встреча главного редактора Анатолия Трубы и шеф-редактора Валерия Аршанского с творческой интеллигенцией.

Были подняты глубокие темы: что такое литература для современного человека – увлечение, часы досуга, проведённые наедине с книгой? Или, может быть, литература – суть и основа мировоззрения, менталитета русского, российского человека, воспитанного на русской и советской классике? Писатель – авторитет для современников (учитель, проводник, властитель умов) или всего лишь человек, умеющий красиво складывать слова, писать «удобное» для невзыскательных умов читов?

Политика, идеология, литература, издательское дело – всё стало предметом дружеского разговора. Кроме этого, собравшимся был представлен новый ежемесячный литературно-исторический журнал «Александръ». Одним из участников встречи стал глава администрации Бондарского района Александр Анатольевич Воробьёв, который поблагодарил гостей библиотеки, также были получены договорённости о дальнейшем сотрудничестве.

19 декабря было проведено мероприятие со студентами и преподавателями Уральского государственного горного университета. Такие встречи стали традиционными, ведь сама идея о рождении журнала возникла на Урале, и каждое такое общение приносит но-

вые идеи, которые в скором времени найдут свою реализацию на страницах издания.

17 января уже нового, 2018 года было проведено мероприятие в селе Старая Казинка, знаменитом своим земляком – Иваном Герасимовичем Рахманиновым, издателем, просветителем и переводчиком. В процессе беседы, главной целью которой было обсуждение вопроса, как вызвать у школьников интерес к краеведению и русской литературе, были также получены договорённости о благоустройстве источника, находящегося на территории села, с последующим его освящением. Работы планируется начать с наступлением весенне-летнего сезона.

А 23 января состоялась встреча с поэтами Тамбовской области, в рамках которой был презентован журнал «Александръ», и уже в мартовском номере опубликованы их произведения.

Все состоявшиеся встречи были проведены с людьми разных возрастов и интересов, но объединяет их одно – продвижение русской литературы и защита родного языка, что является главной целью литературно-исторического журнала «Александръ». А

СВЯТО-НИКОЛЬСКАЯ МАМОНТОВА ПУСТЫНЬ

С. МАМОНТОВО

В монастыре Мамонтова пустынь монахи начали селиться с начала XVI века. Здесь старец Мамонт в начале XVII века обрёл образ Николая Можайского. В 1629 году на этом месте по указу царя Михаила Феодоровича был основан монастырь на землях его матери Ксении Ивановны Романовой (инокини Марфы).

В течение своего существования Мамонтова пустынь получала значительные пожертвования, в том числе от царя Алексея Михайловича. При Екатерине II в результате церковной реформы в 1764 году монастырь был упразднён, но его Свято-Никольский храм долгие годы действовал. Он не вмещал всех желающих здесь помолиться, его дважды перестраивали.

В 1905 году в честь рождения наследника престола на территории Мамонтовой пустыни была создана женская Алексеевская община. Местные жители пожертвовали ей большие средства, на которые в 1915 году был построен каменный храм, разрушенный в 1952–1955 годах.

В годы советской власти окрестные жители создали крестьянскую общину-коммуну, берега озера и бассейн реки Красная Дубрава были распаханы, в водоёме пытались разводить птицу, но безрезультатно: она погибала, как говорили, «не выдержав святости». В местном колхозе имени Вильямса занимались овощеводством и бахчеводством. Храм использовался как овощехранилище и магазин. На месте монастырского некрополя велась частная застройка.

В начале 90-х годов началось возрождение Мамонтовой пустыни: построена часовня, келейный корпус. На Николу Вешнего, 22 мая, собирается до 4000 человек. С 2005 года во время молебна наблюдается радуга в течение нескольких десятков секунд в любую погоду – одно из чудес этого места.

Религиозная организация «Никольский женский монастырь»

с. Мамонтово Сосновского района
Тамбовской области Мичуринской
епархии Русской православной
церкви (Московский Патриархат).
ИНН 6818028617
КПП 681801001

Банковские реквизиты:

р/с 40703810061000000166
Тамбовское отделение № 8594 ПАО Сбербанк
Место нахождения банка получателя:
392036, г. Тамбов, ул. К. Маркса, д. 130
БИК банка получателя: 046850649 Кор/с 30101810800000000649
ИНН банка 7707083893 КПП банка 682902001
Назначение платежа: Пожертвование на уставную деятельность.

